

Стихотворения. Николай Степанович Гумилев

Путешествие в Китай и другие страны

Поэтесса Ольга Мочалова очень точно отметила: основная тема стихов Гумилева – потеря рая.

К этому стоит добавить, что пафос их – это пафос обретения рая прежде утраченного.

Ведь и Колумб, обнаруживший Новую Индию, на поверку оказавшуюся совсем иным континентом, вдруг увидел, что все, открывшееся ему и его спутникам, не вмещается в рамки прежнего опыта. Звери, люди, предметы требовали новых имен, нового языка.

Это рай, и открытие его предсказано: «Господь сделал меня посланцем нового неба и новой земли, им созданных, тех самых, о которых писал в Апокалипсисе святой Иоанн, после того как возвещено было о них устами Исаии, – говорит Колумб в одном из писем, – и туда Господь указал мне путь».

Но оправдано ли миссионерство? Создан ли рай для того, чтобы его открывали, чтобы его обитателям несли свои закон и слово? Дикие звери и кроткие каннибалы одинаково бессильны перед ружьями, заряженными порохом, и людьми, чья воля страшнее любого оружия.

Первый сборник Гумилева, изданный за деньги родителей, «Путь конквистадоров», хотел автор того или не хотел, был посвящен решению этих вопросов. Решению этих вопросов посвящена поэма, так и названная – «Открытие Америки». О том же и стихи об Африке, объединенные в сборник «Шатер». Впрочем, как уже сказано, потеря рая и пафос его обретения определяют все творчество Гумилева.

Акмеизм, литературное направление, одним из создателей и вождем которого стал поэт, имел и другое имя: адамизм.

Это дело Адама – присваивать названия предметам и существам, его право, за которое он расплатился утратой рая, работой в поте лица, трагедией своих детей, из которых один – Авель – убит, а другой – Каин – убийца, поднявший руку на собственного брата.

Со временем Гумилев все острее ощущает не только тоску по утраченному эдему, но и рвущую душу тревогу разрушителей, которые тратят столько сил, испытывают лишения, превращая цветущий край в пустыню.

Та страна, что могла быть раем,

Стала логовищем огня,

Мы четвертый день наступаем,

Мы не ели четыре дня.

Это из военных стихов Гумилева.

Разумеется, Гумилев не первый и не последний, кто возмечтал обратить тревогу в радость, преобразить слабость в силу, обрести рай на земле, даже если для этого следовало обратиться к силам ада. Наглядный пример подал его учитель в поэзии В.Я. Брюсов, интересовавшийся оккультными науками.

Об их азах Гумилев узнал из № 2 журнала «Весы» за 1905 год, редактируемого тем же В.Я. Брюсовым. Это была статья о книге Папуся «Первоначальные сведения по оккультизму», где разъяснялись термины и было рассказано о современных оккультистах.

Серьезное влияние также оказал и роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», который, при желании, можно рассматривать не как манифест эстетизма, свод сомнительных парадоксов, а как мистический роман, магическая вещь в котором заступает место человека (симпатическая магия легко угадывается в этом сюжете, посвященном, кажется, проблемам искусства). Справедливости ради надо отметить, Гумилев был очарован именно парадоксами, представлявшимися ему философскими откровениями.

Но так или иначе он пишет повесть «в стиле» этого английского романа, о чем сообщает в 1908 году из Парижа В.Я. Брюсову, спрашивая заодно, нельзя ли в каталоге издательства «Скорпион» поместить заметку о готовящемся им сборнике стихов «Золотая магия».

Будучи в Париже, Гумилев ставит и несколько магических опытов. Современница вспоминает: «Помню, как он однажды очень серьезно рассказывал о своей попытке вместе с несколькими сорбонскими студентами увидеть дьявола. Для этого нужно было пройти через ряд испытаний – читать каббалистические книги, ничего не есть в продолжение нескольких дней, а затем в назначенный вечер выпить какой-то напиток. После этого должен был появиться дьявол, с которым можно было вступить в беседу. Все товарищи очень быстро бросили эту затею. Лишь один Н.С. проделал все до конца и действительно видел в полутемной комнате какую-то смутную фигуру».

О чтении соответствующих книг, кои нетрудно отыскать в парижских библиотеках, известно из стихов того периода.

Но это и не только открытые упоминания о томиках в шагреневых переплетах.

Уже и прежде образы стихов выдавали знакомство с работами по оккультизму, описаниями алхимического делания, обрядами инициации. Длинные коридоры, похороненный старый маг – оттуда. И звери у Гумилева – это звери средневековых bestiaries, не столько реальные существа, сколько воплощенные качества: жестокость, кровожадность, изысканность. Лев, гиена, жираф, крокодил. Исключение составляют, должно быть, только арабский конь и собака, вероятно, сеттер, если судить по масти, из стихотворения «Осень».

Косматая, рыжая, рядом

Несется моя собака,

Которая мне милее

Даже родного брата,

Которую буду помнить,

Если она издохнет.

Это признание, да еще усилие, запечатленное в интонации:

Трудно преследовать лошадь

Чистой арабской крови.

Придется присесть, пожалуй,

Задохнувшись, на камень

Широкий и плоский, —

отразили и реальные чувства, и физическое усилие.

А в стихотворении «Индюк» опять та же бестиальность, когда действительность уступает место образу, развернутому сравнению, каковыми и держатся bestiaries – как в детстве боялся индюка, так сейчас испытывает робость (не страх, страх Гумилев преодолевал силой воли) перед любимой.

К чтению добавлялись психоделические опыты – курение опиума, позднее вдыхание эфира. Иначе говоря, опыты по преобразению реальности продолжались, делались все разнообразнее. И вдруг странное признание, сохраненное в памяти собеседником: «Основной чертой творчества Гумилева была правдивость. В 1914 году я с ним познакомился в Петербурге, он, объясняя мне мотивы акмеизма, между прочим, сказал: «Я боюсь всякой мистики, боюсь устремлений к иным мирам, потому что не хочу выдавать читателю векселя, по которым расплачиваться буду не я, а какая-то неведомая сила»».

Не значит ли сказанное, что Гумилев решил оставить предосудительные способы поиска истины, обратиться к православию, как утверждают многие исследователи его творчества?

Тут уместно вспомнить слова В. Ходасевича из его мемуарной книги «Некрополь»: «Гумилев не забывал креститься на все церкви, но я редко видал людей, до такой степени не подозревающих о том, что такое религия».

Впрочем, насколько можно судить по сборникам Гумилева, принцип составления которых был не хронологический, а тематический, мастерство его все возрастало, а темы, образы почти не менялись (отрицание хронологического принципа при составлении сборников мешало увидеть хоть какую-то динамику).

Да и какая динамика возможна, если образы так странно схожи между собой, обратимы?

Стихотворение из цикла «Капитаны» повествует о том, как корабль приходит в знакомый порт, где есть и таверны, и темнокожие мулатки, и завитые шулера. И уставшие в море матросы радостно отдаются этим нехитрым соблазнам.

Хорошо по докам порта
И слоняться, и лежать,
И с солдатами из форта
Ночью драки затевать.
Иль у знатных иностранок
Дерзко выклянчить два су,
Продавать им обезьянок
С медным обручем в носу.
А потом бледнеть от злости,
Амулет зажать в полу,
Все проигрывая в кости
На затоптанном полу.
Но смолкает зов дурмана,
Пьяных слов бессвязный лёт,
Только рупор капитана
Их к отплытью призовет.

А вот стихотворение, написанное годом позже. Здесь говорится о том, как Христос обходит землю и видит, что люди заняты земным и ненужным, и Христос зовет их с собой.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!

Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.
Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?

Вы, небесные торговцы,

Не считайте барыши.

Концовка на удивление схожа.

Не томит, не мучит выбор,

Что пленительней чудес?!

И идут пастух и рыбарь

За искателем небес.

То же самое и со стихотворением «Путешествие в Китай» 1910 года, где не просто слышатся ритмы «Заблудившегося трамвая», который только еще будет написан через десятилетие, после революций и войн. И это не случайное совпадение и не преемственность, а принципиальное единство.

Начать хотя бы с названия. Почему Китай, а не какая-либо другая страна, другой континент, наконец другая планета? И отсылка к Рабле, имеющаяся в тексте, равно и указанный маршрут путешествия могут ввести в заблуждение лишь невежду.

Абсолютно неважно, куда направляться, поскольку это путешествие не в земные дебри, а в глубины собственной души. Страны только носят разные названия, а по сути едины.

«Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства. Я советую всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай», – утверждает герой «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя.

Да что там страны: «...я узнал, что у всякого петуха есть Испания, что она у него находится под перьями».

С уст сумасшедшего Поприщина, который – неизвестно еще сошел с ума или только испытывает гениальное прозрение, перед тем как впасть в бесповоротное безумство – слетает разгадка.

Ведь действие разворачивается в пределах «петербургского текста», где образы и времена дwoятся, трoятся, расплываются и накладываются друг на друга.

Напомню пассаж из гоголевского «Невского проспекта»: «Перед ним сидел Шиллер, – не тот Шиллер, который написал «Вильгельма Телля» и «Историю Тридцатилетней войны», но известный Шиллер. Жестяных дел мастер, в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман, не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера».

Таков прозаический конспект стихотворения Гумилева «Современность» с удивительным, на первый взгляд, утверждением:

Я так часто бросал испытующий взор

И так много встречал отвечающих взоров,

Одиссеев во мгле парходных контор,

Агамемнонов между трактирных маркеров.

Ошибкой было бы возводить эти стихи к иному первоисточнику, например, к известному пушкинскому рассуждению из «Путешествия в Арзрум», дескать, имеются на свете Наполеоны, никогда не водившие в атаку войска, или Декарты, не напечатавшие ни единой строчки. Тут слышится обреченность.

Что же касается стихотворения «Современность», да и подавляющего большинства стихотворений Гумилева, они являются

руководством для начинающего или отчаявшегося алхимика. Эти стихи убеждают: стоит понять, кто ты на самом деле, вернее, кто же есть настоящий «ты», и ты преобразишься. Алхимия занята не только поисками «философского камня» и получением «эликсира бессмертия». Великое делание преобразует адепта, он сам меняется, смешивая и выпаривая, получая вещества и тинктуры.

К чему это сказано? А к тому, что нужно видеть явленным скрытое. Путешествие к оракулу божественной бутылки, описанное Рабле в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль», есть алхимический вояж. Он столь же реален, сколь и условен. Алхимия есть путь не в пространствах, а в пределах собственной души, осознание себя и переделывание.

В другой известной книге рассказано о том, что заветная дверца, которую открывает золотой ключик, расположена за куском старого холста с нарисованным кипящим на огне котелком, а находится этот холст в каморке папы Карло, откуда отправился в свое путешествие Буратино и куда возвратился, благо дверца-то здесь.

И в свете сказанного вполне возможно, что Испания находится под перьями петуха, как заявляет Поприщин. И бред его, страшный окружающих, можно воспринять как алхимический рецепт, здравомыслящему человеку представляющийся сущим вздором. Как сущим вздором может показаться здравомыслящему читателю утверждение, что стихи Гумилева «Путешествие в Китай» тоже описывают алхимический вояж.

Куда в таком случае девать приятный «орнаментализм» этих стихов, их звонкие и легкие краски, куда девать мужественно драматическую концовку: Только в Китае мы якорь бросим,

Хоть на пути и встретим смерть!

А вопросы решаются без труда. Китай, по мысли автора, и есть та чаемая земля, утерянный рай, что необходимо вновь обрести. Символическая – а порой и реальная – смерть есть обязательная часть процесса инициации, разновидностью которого является и алхимический процесс.

Мне представляется, что, исчерпав предлагаемые оккультными науками способы достижения чаемого, Гумилев пришел к неожиданному решению. Он решил изменить порядок действия. Почему путь к себе должен быть так долог? Почему, чтобы преобразиться, надо терять годы на промежуточные занятия, а не начать с самого себя?

И это отмечено мемуаристами и литературоведами. С определенного момента, очень рано, Гумилев стал меняться, превращаться совсем в иного человека. Г. Иванов говорит об этом так: «Он по-настоящему любил и интересовался только одной вещью на свете – поэзией. Но он твердо считал, что право называться поэтом принадлежит только тому, кто в любом человеческом деле будет всегда стремиться быть впереди других, кто, глубже других зная человеческие слабости, эгоизм, ничтожество, страх смерти, будет на собственном примере каждый день преодолевать «ветхого Адама». И – от природы робкий, тихий, болезненный, книжный человек – он приказал себе быть охотником на львов, солдатом, награжденным двумя Георгиями, заговорщиком, рискующим жизнью за восстановление монархии. И то же, что со своей жизнью, он проделал над своей поэзией». Еще проще и точнее сказала Ольга Мочалова: «Кто не понял, что Гумилев безмерно выше самого себя, не понял в нем ничего».

Гумилев по-прежнему пишет об утраченном рае, как бы этот рай сейчас ни назывался, какие бы обличия ни принимал, и о людях, чающих его обрести, о конкистадорах, моряках, путешественниках, воинах. И при этом занят собственным «Великим деланием».

Его «алхимический рецепт» несложен. Начиная литературный путь учеником символистов, а затем восстав против символизма как школы, Гумилев своими поступками, всем образом жизни отвоевывает право на свои стихи об экзотических странах, об охоте, о войне. Вопрос ведь не в том, что у символистов разрыв между искусством, ими творимым, и собственной жизнью – разрыв непреодолимый. Символисты выстраивали и жизнь, и искусство по единым законам, отдавая при этом первенство искусству. Гумилев, может и слишком прямолинейно, отдал первенство жизни.

Вряд ли одним патриотизмом объясняется его уход на фронт добровольцем вскоре после начала Первой мировой войны. Это нечто большее, особенно, когда знаешь, какие усилия предпринимали русские литераторы, чтобы избежать мобилизации. Гумилев не устраивался чертежником, не имея понятия о черчении, как Маяковский. Не поступал в лазарет санитаром, как Есенин или Вертинский, и это при том, что по состоянию здоровья Гумилев был полностью освобожден от военной службы.

Для Гумилева война – не серия побед или поражений, а цепь испытаний, по тяжести своей и будничности, сравнимых с фабричным трудом. Именно потому он в качестве своего противника рисует немецкого рабочего, старого человека в чистой аккуратной блузе, занятие которого напоминает делание алхимика.

Он стоит пред раскаленным горном,

Невысокий старый человек.

Взгляд спокойный кажется покорным

От миганья красноватых век.

Все товарищи его заснули,

Только он один еще не спит:

Все он занят отливаньем пули,

Что меня с землею разлучит.

Работа его не слепа, цель определена, и вещь, сделанная его руками, наделена силой мистической.

Пуля, им отлитая, просвищет

Над седою, вспененной Двиной,

Пуля, им отлитая, отыщет

Грудь мою, она пришла за мной.

Такова сила осознания того, что ты делаешь, такова современная алхимия. Рабочий может быть просто рабочим, обладая при этом качествами, которыми наделен колдун, каковым во все времена считался кузнец, человек, повелевающий пламенем и железом.

Итак, Испания и Китай – одна страна, ни в какой Китай не отправлялся мэтр Рабле, божественная бутылка с заключенным в ней оракулом обретается на полке любого винного магазина.

А теперь можно, имея под рукой алхимический рецепт, пусть в общих чертах рассмотреть стихотворение «Заблудившийся трамвай», где описан очередной вояж к самому себе.

Лишь на всякий случай уточню: речь идет о 1919 году, дважды на Петроград наступали войска Юденича и бои шли в близких пригородах. Было очень холодно. Действовал сухой закон. Практически весь городской транспорт не работал. Кроме трамваев.

«Трамваев в Питере мало. Но все же ходят. Ходят, главным образом, на окраины. Вагоны переполнены. Сзади прицепляются, особенно у вокзалов, дети с санками, дети на коньках, иногда целыми поездами, – так писал об этой зиме В.Б. Шкловский, писал следующей весной. – В трамваях возят почту. Сейчас по воскресеньям платформы, прицепляемые к трамваям, возят грязь и мусор из временных свалок, устроенных на улицах. Одна из них на углу Невского и Литейного».

Немудрено, что появление трамвая казалось чудом, и еще большим чудом казалось, что попал в этот переполненный трамвай, куда лезут без билета, ведь во времена военного коммунизма проезд был бесплатным.

Шел я по улице незнакомой

И вдруг услышал вороний грай,

И звоны лютни, и дальние громы, —

Передо мною летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку,

Было загадкою для меня,

В воздухе огненную дорожку

Он оставлял и при свете дня.

Отнюдь не странно, что трамвай этот заблудился в бездне времен. Город представлялся то Вифлеемом, то Вавилоном. В нем все меньше оставалось от жизни, все больше от истории, искусства.

«Это был праздник всежжения, – вспоминал тот же В.Б. Шкловский. – Разбирали и жгли деревянные дома. Большие дома пожирали маленькие. В рядах улиц появились глубокие бреши. Как выбитые зубы, торчали отдельные здания. Ломали слабо и неумело, забывали валить трубы, били стекла, разбирали одну стенку вместо того, чтобы раскручивать дом, звено за звеном, как катушку. Появились искусственные развалины. Город медленно превращался в гравюру Пиранези».

Вполне возможно, что Нева представится Сеной или Нилом, что за окном промелькнет бейрутский старик, умерший год назад. Времена и страны смешались, наложившись друг на друга, как и положено в «петербургском тексте».

Вывеска... кровью налитые буквы

Гласят: «Зеленная», – знаю, тут

Вместо капусты и вместо брюквы

Мертвые головы продают.

А вот последствия хронического голода, потому что в ту зиму чудовищно голодали: «Мы ели странные вещи: мороженую картошку, и гнилой турнепс, и сельдей, у которых нужно было отрезать хвост и голову, чтобы не так пахли. Мы жарили на олифе, вареном масле для красок, сваренном со свинцовой солью. Ели овес с шелухой и конину, уже мягкую от разложения. Хлеба было мало. Сперва он был ужасен, с соломой и напоминал какие-то брикеты из стеблей, потом хлеб улучшился и стал мягким. Мы ели его сознательно».

Совсем уж невыносимое из этого видения вытеснено. В стихах сказано о зеленой, а ведь магазины и лавки назывались «Мясная, зеленная, курятная». Как эмблема мясной торговли рисовался огромный золотой бык, как эмблема торговли овощами – кочан капусты, морковь, репа. Войдешь – по прилавкам рябчики, тетерки и зелень.

Все это в прошлом, грезится. Как грезится и дощатый забор в переулке, давно растащенный на дрова.

Ради чего эти лишения, этот мучительный алхимический процесс?

Понял теперь я: наша свобода

Только оттуда бьющий свет,

Люди и тени стоят у входа

В зоологический сад планет.

В одном из вариантов вместо «тени» сказано «звери». Так логичнее, ведь люди и звери – это ступени в общей эволюции, где занимают свое место и планеты. Недаром дело происходит у входа в зоологический сад. Прежде зоосады были организованы по единому принципу – от низших к высшим, это и есть «лестница Ламарка», даже сами зоологические сады располагались террасами, чтобы переход от одних к другим был предельно нагляден.

Тут конец алхимического делания, его результат. Человек осознает себя неотъемлемой частью мироздания, его звеном.

Почему развязка стихотворения так грустна, можно догадаться, вспомнив о развязке упоминавшихся выше «Записок сумасшедшего».

Яжко чувствовать отклик на каждый сдвиг мироздания, каждый его звук. Слабые расплачиваются безумием, сильные – бессмертием или смертью.

Об участии Гумилева в «Таганцевском заговоре» говорить не станем. И потому, что предмет этой статьи – поэтика Гумилева, а не его биография, и потому, что участия, собственно, не было (не было, утверждают и историки, и заговора). Самое большее, в чем могли обвинить Гумилева, ведись дело согласно закону, это доношительство. Для человека чести само слово «донос» противно. И сколь бы ни казалась отвратительной Гумилеву новая власть, он деятельно работал, вел кружок в литературной студии, читал лекции, заседал в издательстве «Всемирная литература», потому что совершенно искренне считал: научить писать стихи можно любого, а стихотворство открывает весь мир, позволяет увидеть прежде невиданное.

Тем не менее Гумилева арестовали и расстреляли. Расстреляли как борца против Советской власти, но редко, кто повлиял на чуждую ему советскую поэзию так, как повлиял Гумилев, и редко в ком советская поэзия так нуждалась. Причем влияние его заметно и в самом первом сочинении, которое следует рассматривать как советское. Это поэма «Двенадцать» А.А. Блока.

Вспомним первую строфу из цитированного стихотворения «Христос».

Он идет путем жемчужным

По садам береговым.

Люди заняты ненужным,

Люди заняты земным.

Христос окликает их, и они следуют за ним, чтобы блюсти иную паству и ставить иные невода.

А не то ли в «Двенадцати», разве что перечислено чуть в другом порядке. Однако ведь перечислено поэтом. Порядок шествия прежний.

Так идут державным шагом,

Позади голодный пес,

Впереди – с кровавым флагом,

И за вьюгой невидим,

И от пули невредим

Нежной поступью надвьюжной,

Снежной россыпью жемчужной,

В белом венчике из роз —

Впереди – Иисус Христос.

Это не случайное совпадение, а закономерность. Можно вспомнить «Стихи о поэте и романтике» Э.Г. Багрицкого, героиня которого – Романтика – рассказывает: Фронты за фронтами.

Ни лечь, ни присесть!

Жестокая каша да ситник суровый;

Делеща из Питера; страшная весть

О черном предательстве Гумилева...

Я мчалась в телеге, проселками шла;

И хоть преступленья его не простила, —

К последней стене я певца подвела,

Последним крестом его перекрестила...

Поразителен не сам избранный сюжет, поразительно, что стихи написаны в 1925 году, когда, казалось бы, о Гумилеве нельзя вспоминать вслух, опубликованы в 1929, включены в собрание сочинений 1938 года.

Гумилева пытались заменить, пытались напрасно.

...Справа наган,
Да слева шашка,
Цейсс – посередке,
Сверху – фуражка...
А в походной сумке —
Спички и табак,
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...

Это непрямая отсылка к строкам из стихов Гумилева «Мои читатели».

Много их, сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, веселой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.

Замена, предложенная Э.Г. Багрицким в стихотворении «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым», по крайней мере, неравноценна. «Орду» и «Брагу», ранние сборники Н.С. Тихонова со стихами бодрыми, мужественными и не без мистического элемента, можно захватить с собой в поход. Но ведь не «Улялаевщину» И.Л. Сельвинского с фонетической записью южного говора и звона гитары читать на привале, не сборник Б.Л. Пастернака «Сестра моя – жизнь». Кстати, влияние Гумилева, пусть на уровне отдельных стихотворений, у Б.Л. Пастернака встречается. Так, в стихах «Старик» 1941 года слышны отзвуки гумилевского «Пролетела стрела...».

И в качестве последнего, самого неожиданного примера влияния стихов Гумилева приведу стихи А.А. Ахматовой из цикла конца 40-х и начала 50-х годов. Тогда Л.Н. Гумилев, сын Гумилева и А.А. Ахматовой, был опять арестован, мать надеялась смягчить его участь. Для этого следовало написать образцовые советские стихи, что со стороны А.А. Ахматовой, никогда не шедшей ни на какие уступки и компромиссы, явилось бы едва ли не капитуляцией.

В цикле этом «Слава миру!» есть и такое стихотворение:

И Вождь орлиными очами
Увидел с высоты Кремля,

Как пышно залита лучами
Преображенная земля.
И с самой середины века,
Которому он имя дал,
Он видит сердце человека,
Что стало светлым, как кристалл.
Своих трудов, своих деяний
Он видит спелые плоды,
Громады величавых зданий,
Мосты, заводы и сады.
Свой дух вдохнул он в этот город,
Он отвратил от нас беду, —
Вот отчего он тверд и молод
Москвы необоримый дух.
И благодарного народа
Вождь слышит голос:
«Мы пришли
Сказать, — где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли!»

Внутреннее движение стиха, его стилистические и смысловые ориентиры у А.А. Ахматовой зачастую противоположны внешнему движению, оформленному заглавием или посвящением. Возникает ложная отсылка, таковы, например, стихи памяти М.М. Зощенко, являющиеся на самом деле (ведала о том А.А. Ахматова или нет) реквиемом А.Н. Вертинскому. И все-таки разбираемый случай — уникальный, ибо стихи, адресовавшиеся И.В. Сталину, напрямую отсылали к стихотворению «Вечное» Гумилева.

Я в коридоре дней сомкнутых,
Где даже небо — тяжкий гнет,
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот;
Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!
Я душу обрету иную,
Все, что дразнило, уловя.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.
И тот, кто шел со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток к моим усладам

И ясно милостив к вине;

Учил молчать, учил бороться,

Всея древней мудрости земли, —

Положит посох, обернется

И скажет просто: «Мы пришли».

Не приводя примеров куда более очевидных, почти хрестоматийных, скажу, что влияние Гумилева прямо или опосредованно испытали, должно быть, все советские поэты. А уж о том, насколько его не хватало советской литературе, надо судить хотя бы по гумилевскому замыслу написать географию в стихах (стихи, объединенные в сборник «Шатер», являются фрагментом неосуществленной географии), замыслу, который мог прийти в голову какому-нибудь лефовцу.

Можно сказать, что советская культура чувствовала неявную и вполне реальную вину перед Гумилевым. Его вспоминали даже в официальных источниках, пусть и в качестве врага, но врага достойного, у которого стоит учиться. На имя его никто не накладывал официальных запретов. Вышло это само собой, и долгие десятилетия пришлось преодолевать эту инерцию.

Со стихами Гумилева еще сложнее. Если в библиотеках сборники Гумилева не выдавали (их перевели в спецхран), то журнал «Аполлон» в конце 60-х и начале 70-х годов стоил у букинистов 2 рубля 50 копеек, и даже при зарплате в 100 рублей можно было собрать полный комплект без особых хлопот. Книги Гумилева, прижизненные либо изданные посмертно, у букинистов тоже встречались – 20 рублей красная цена. Попадались даже ревельские и парижские, естественно, довоенные.

Просто среднему читателю не приходило в голову пойти и купить такую книгу в букинистическом магазине. Фамилия Гумилева, забытая, отсутствующая в школьной программе, была в новинку, ничего обычному читателю не говорила.

Когда интерес к стихам Гумилева возник, появились самодельные подборки: листы размытой машинописи – не третья, а явно четвертая закладка бумаги, при плохой копирке. Читал такие и я, а то и перепечатывал, чтобы подарить приятелю.

А потом мне дали четыре аккуратно скрепленных книжечки в половину писчего листа, напечатанные на полукальке. В каждом таком «выпуске» было около ста страниц. Гладкая и скользкая с одной стороны, чуть шершавая с другой бумага. Эта тоже был не первый экземпляр, но буквы отпечатались ровно, лишь редкие были слабее оттиснуты, бледнее. И твердый лакированный полукартон в качестве обложки.

Это был типичный «самиздат». Вероятно, или даже скорее всего стихи скопированы не из журналов, а отобраны по американскому четырехтомнику. Но как отобраны. Не было почти стихов ненужных и проходных. А еще лет через десять появились другие издания: тбилиское, подготовленное В. Лукницкой, том из «Библиотека поэта».

При всех своих чудесных качествах, предисловиях, комментариях, издания эти, кажется, уступают четырем «самиздатовским» книжечкам. И, выбирая, что предложить читателям, я старался ориентироваться на тот машинописный четырехтомник, как я его помню. Проверить, увы, нет возможности, передаренная, машинопись пошла дальше. Затерялась в бездне времен.

Евг. Перемышлев

Стихотворения и поэмы

Оссиан

По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи,

Меж них багровела луна, как смертельная рана.

Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий

Упал под мечом короля океана, Сварана.

Зловеще рыдали сивиллы седой заклинанья,
Вспененное море вставало и вновь опадало,
И встретил Сваран исступленный, в грозе ликованья,
Героя героев, владыку пустыни, Фингала.
Схватились и ходят, скользя на росистых утесах,
Друг другу ломая медвежьи упругие спины,
И слушают вести от ветров протяжноголосых
О битве великой в великом испуге равнины.
Когда я устану от ласковых слов и объятий,
Когда я устану от мыслей и дел повседневных,
Я слышу, как воздух трепещет от грозных проклятий,
Я вижу на холме героев суровых и гневных.

1902–1903

КРЫСА

Вздрагивает огонек лампадки,
В полутемной детской тихо, жутко,
В кружевной и розовой кровати
Притаилась робкая малютка.
Что там? Будто кашель домового?
Там живет он, маленький и лысый...
Горе! Из-за шкафа платяного
Медленно выходит злая крыса.
В красноватом отблеске лампадки,
Поводя колючими усами,
Смотрит, есть ли девочка в кровати,
Девочка с огромными глазами.
– Мама, мама! – Но у мамы гости,
В кухне хохот няни Василисы,
И горят от радости и злости,
Словно угольки, глазки крысы.
Страшно ждать, но встать еще страшнее.
Где он, где он, ангел светлокрылый?
– Милый ангел, приходи скорее,
Защити от крысы и помилуй!

1902–1903

СОНЕТ

Как конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.
Порою в небе смутном и беззвездном
Растет туман... но я смеюсь и жду,
И верю, как всегда, в мою звезду,
Я, конквистадор в панцире железном.
И если в этом мире не дано
Нам расковать последнее звено,
Пусть смерть приходит, я зову любую!
Я с нею буду биться до конца,
И, может быть, рукою мертвеца
Я лилию добуду голубую.

1905

ПЕЩЕРА СНА

Там, где похоронен старый маг,
Где зияет в мраморе пещера,
Мы услышим робкий, тайный шаг,
Мы с тобой увидим Люцифера.
Подожди, погаснет скучный день,
В мире будет тихо, как во храме,
Люцифер прокрадется, как тень,
С тихими вечерними тенями.
Скрытые, незримые для всех,
Сохраним мы нежное молчанье,
Будем слушать серебристый смех
И бессильно-горькое рыданье.
Синий блеск нам взор заморозит,
Фея Маб свои расскажет сказки,
И спугнет, блуждая, Вечный Жид
Бабочек оранжевой окраски.
Но когда воздушный лунный знак
Побледнеет, шествуя к паденью,
Снова станет трупом старый маг,
Люцифер – блуждающею тенью.

Фея Маб на лунном лепестке
Улетит к далекому чертогу,
И, угрюмо посох сжав в руке,
Вечный Жид отправится в дорогу.
И, взойдя на плиты алтаря,
Мы заглянем в узкое оконце,
Чтобы встретить песнею царя —
Золотисто-огненное солнце.

1906

Мореплаватель Павзаний
С берегов далеких Нила
В Рим привез и шкуры ланей,
И египетские ткани,
И большого крокодила.
Это было в дни безумных
Извращений Каракаллы.
Бог веселых и бездумных
Изукрасил цепью шумных
Толп причудливые скалы.
В золотом, невинном горе
Солнце в море уходило,
И в пурпуровом уборе
Император вышел в море,
Чтобы встретить крокодила.
Суетились у галеры
Бородатые скитальцы.
И изящные гетеры
Поднимали в честь Венеры
Точно мраморные пальцы.
И какой-то сказкой чудной,
Нарушителем гармоний,
Крокодил сверкал у судна
Чешуею изумрудной
На серебряном понтоне.

1906

КРЕСТ

Так долго лгала мне за картою карта,
Что я уж не мог опьяняться вином.
Холодные звезды тревожного марта
Бледнели одна за другой за окном.
В холодном безумьи, в тревожном азарте
Я чувствовал, будто игра эта – сон.
«Весь банк, – закричал, – покрываю я в карте!»
И карта убита, и я побежден.
Я вышел на воздух. Рассветные тени
Бродили так нежно по нежным снегам.
Не помню я сам, как я пал на колени,
Мой крест золотой прижимая к губам.
– Стать вольным и чистым, как звездное небо,
Твой посох принять, о Сестра Ниццета,
Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба,
Людей заклиная святыней креста!
Мгновенье... и в зале веселой и шумной
Все стихли и встали испуганно с мест,
Когда я вошел, воспаленный, безумный,
И молча на карту поставил мой крест.

1906

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть вашу в песне излейте,
Спойте мне песню о Данте
Или сыграйте на флейте.
Дальше, докучные фавны,
Музыки нет в вашем кличе!
Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче,
Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе...
Что это? Снова угроза
Или мольба о пощаде?
Жил беспокойный художник.
В мире лукавых обличий —
Грешник, развратник, безбожник,

Но он любил Беатриче.

Тайные думы поэта

В сердце его прихотливом

Стали потоками света,

Стали шумящим приливом.

Музы, в сонете-брильянте

Странную тайну отметьте,

Спойте мне песню о Данте

И Габриеле Россетти.

1906

ДУМЫ

Зачем они ко мне собрались, думы,

Как воры ночью в тихий мрак предместий?

Как коршуны, зловещи и угрюмы,

Зачем жестокой требовали мести?

Ушла надежда, и мечты бежали,

Глаза мои открылись от волненья,

И я читал на призрачной скрижали

Свои слова, дела и помышленья.

За то, что я спокойными очами

Смотрел на уплывающих к победам,

За то, что я горячими губами

Касался губ, которым грех неведом.

За то, что эти руки, эти пальцы

Не знали плуга, были слишком тонки,

За то, что песни, вечные скитальцы,

Томили только, горестны и звонки, —

За все теперь настало время мести.

Обманный, нежный храм слепцы разрушат,

И думы, воры в тишине предместий,

Как нищего во тьме, меня задушат.

1906

ЗАКЛИНАНИЕ

Юный маг в пурпуровом хитоне

Говорил нездешние слова,

Перед ней, царицей беззаконий,
Расточил рубины волшебства.
Аромат сжигаемых растений
Открывал пространства без границ,
Где носились сумрачные тени
То на рыб похожи, то на птиц.
Плакали невидимые струны,
Огненные плавали столбы,
Гордые военные трибуны
Опускали взоры, как рабы.
А царица, тайное тревожа,
Мировой играла крутизной,
И ее атласистая кожа
Опьяняла снежной белизной.
Отданный во власть ее причуде,
Юный маг забыл про все вокруг,
Он смотрел на маленькие груди,
На браслеты вытянутых рук.
Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил, как мертвый, не дыша,
Отдал все царице беззаконий,
Чем была жива его душа.
А когда на изумрудах Нила
Месяц закачался и поблек,
Бледная царица уронила
Для него алеющий цветок.

1907

ЯГУАР

Странный сон увидел я сегодня:
Снилось мне, что я сверкал на небе,
Но что жизнь, чудовищная сводня,
Выкинула мне недобрый жребий.
Превращен внезапно в ягуара,
Я сгорал от бешеных желаний,
В сердце – пламя грозного пожара,
В мускулах – безумье содроганий.
И к людскому крался я жилищу

По пустому сумрачному полю

Добывать полуночную пищу,

Богом мне назначенную долю.

Но нежданно в темном перелеске

Я увидел нежный образ девы

И запомнил яркие подвески,

Поступь лани, взоры королевы.

«Призрак Счастья, Белая Невеста...» —

Думал я, дрожащий и смущенный,

А она промолвила: «Ни с места!» —

И смотрела тихо и влюбленно.

Я молчал, ее покорный кличу,

Я лежал, ее окован знаком,

И достался, как шакал, в добычу

Набежавшим яростным собакам.

А она прошла за перелеском

Тихими и легкими шагами,

Лунный луч кружился по подвескам,

Звезды говорили с жемчугами.

1907

ГИЕНА

Над тростником медлительного Нила,

Где носятся лишь бабочки да птицы,

Скрывается забытая могила

Преступной, но пленительной царицы.

Ночная мгла несет свои обманы,

Встает луна, как грешная сирена,

Бегут белесоватые туманы,

И из пещеры крадется гиена.

Ее стенанья яростны и грубы,

Ее глаза зловещи и унылы,

И страшны угрожающие зубы

На розоватом мраморе могилы.

«Смотри, луна, влюбленная в безумных,

Смотрите, звезды, стройные виденья,

И темный Нил, владыка вод бесшумных,

И бабочки, и птицы, и растенья.

Смотрите все, как шерсть моя дыбится,

Как блещут взоры злыми огоньками.

Не правда ль, я такая же царица,

Как та, что спит под этими камнями?

В ней билось сердце, полное изменой,

Носили смерть изогнутые брови,

Она была такую же гиеной,

Она, как я, любила запах крови».

По деревням собаки воют в страхе,

В домах рыдают маленькие дети,

И хмурые хватаются феллахи

За длинные, безжалостные плети.

1907

ЖИРАФ

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд

И руки особенно тонки, колени обняв.

Послушай: далеко, далеко, на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,

И шкуру его украшает волшебный узор,

С которым равняться осмелится только луна,

Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,

И бег его плавен, как радостный птичий полет.

Я знаю, что много чудесного видит земля,

Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран

Про черную деву, про страсть молодого вождя,

Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,

Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,

Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...

Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

1907

ПОМПЕЙ У ПИРАТОВ

От кормы, изукрашенной красным,

Дорогие плывут ароматы

В трюм, где скрылись в волненьи опасном

С угрожающим видом пираты.

С затаенною злобой боязни

Говорят, то храбрясь, то бледнея,

И вполголоса требуют казни,

Головы молодого Помпея.

Сколько дней они служат рабами,

То покорно, то с гневом напрасным,

И не смеют бродить под шатрами,

На корме, изукрашенной красным.

Слышен зов. Это голос Помпея,

Окруженного стаей голубок.

Он кричит: «Эй, собаки, живее!

Где вино? Высыхает мой кубок».

И над морем седым и пустынным,

Приподнявшись лениво на локте,

Посыпает толченым рубином

Розоватые длинные ногти.

И, оставив мечтанья о мести,

Умолкают смущенно пираты

И несут, раболепные, вместе

И вино, и цветы, и гранаты.

1907

МОЛИТВА

Солнце свирепое, солнце грозящее,

Бога, в пространствах идущего,

Лицо сумасшедшее,

Солнце, сожги настоящее

Во имя грядущего,

Но помилуй прошедшее!

1907

УЖАС

Я долго шел по коридорам,
Кругом, как враг, таилась тишь.
На пришлеца враждебным взором
Смотрели статуи из ниш.
В угрюмом сне застыли вещи,
Был странен серый полумрак,
И, точно маятник зловещий,
Звучал мой одинокий шаг.
И там, где глубже сумрак хмурый,
Мой взор горящий был смущен
Едва заметною фигурой
В тени столпившихся колонн.
Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.
На острой морде кровь налипла,
Глаза зияли пустотой,
И мерзко крался шепот хриплый:
«Ты сам пришел сюда, ты мой!»
Мгновенья страшные бежали,
И наплывала полумгла,
И бледный ужас повторяли
Бесчисленные зеркала.

1907

ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА

Валерию Брюсову

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!
Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.
Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,

Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.
Ты устанешь и замедлишь, и на миг прервется пенье,
И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться и вздохнуть —
Тотчас бешеные волки в кровожадном исступленьи
В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь.
Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось все, что пело,
В очи глянет запоздалый, но властительный испуг,
И тоскливый смертный холод обовьет, как тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.
Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья, ни сокровищ!
Но я вижу – ты смеешься, эти взоры – два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!

1907

КАМЕНЬ

А.И. Гумилевой

Взгляни, как злобно смотрит камень,
В нем щели странно глубоки,
Под мхом мерцает скрытый пламень;
Не думай, то не светляки!
Давно угрюмые друиды,
Сибиллы хмурых королей,
Отмстить какие-то обиды
Его призвали из морей.
Он вышел черный, вышел страшный,
И вот лежит на берегу,
А по ночам ломает башни
И мстит случайному врагу.
Летит пустынными полями,
За куст приляжет, подождет,
Сверкнет огнистыми щелями
И снова бросится вперед.
И редко кто бы мог увидеть

Его ночной и тайный путь,
Но берегись его обидеть,
Случайно как-нибудь толкнуть.
Он скроет жгучую обиду,
Глухое бешенство угроз.
Он промолчит и будет с виду
Недвижен, как простой утес.
Но где бы ты ни скрылся, спящий,
Тебе его не обмануть,
Тебя отыщет он, летящий,
И дико ринется на грудь.
И ты застонешь в изумленьи,
Завидя блеск его огней,
Заслыша шум его паденья
И жалкий треск твоих костей.
Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утром он оставит дом,
И будет страшен труп забытый,
Как пес, раздавленный быком.
И, миновав поля и нивы,
Вернется к берегу он вновь,
Чтоб смыли верные приливы
С него запекшуюся кровь.

1908

БОЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ

Меня терзает злой недуг,
Я вся во власти яда жизни,
И стыдно мне моих подруг
В моей сверкающей отчизне.
При свете пламенных зарниц
Дрожат под плетью наслаждений
Толпы людей, зверей, и птиц,
И насекомых, и растений.
Их отвратительным теплом
И я согретая невольно,
Несусь в пространстве голубом,
Твердя старинное «довольно».

Светила смотрят все мрачней,
Но час тоски моей недолог,
И скоро в бездну мир червей
Помчит озлобленный осколок.
Комет бегущих душный чад
Убьет остатки атмосферы,
И диким ревом зарычат
Пустыни, горы и пещеры.
И ляжет жизнь в моей пыли,
Пьяна от сока смертных гроздий,
Сгнут и примут вид земли
Повсюду брошенные кости.
И снова будет торжество,
И снова буду я единой:
Необозримые равнины
И на равнинах никого.

1908

ВЫБОР

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.
Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.
А ушедший в ночные пещеры
Или к заводям тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.
Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

1908

СТАРЫЙ КОНКВИСТАДОР

Углубясь в неведомые горы,
Заблудился старый конквистадор.
В дымном небе плавали кондоры,
Нависали снежные громады.
Восемь дней скитался он без пищи,
Конь издох, но под большим уступом
Он нашел уютное жилище,
Чтоб не разлучаться с милым трупом.
Там он жил в тени сухих смоковниц,
Песни пел о солнечной Кастилье,
Вспоминал сраженья и любовниц,
Видел то пищажи, то мантильи.
Как всегда, был дерзок и спокоен
И не знал ни ужаса, ни злости.
Смерть пришла, и предложил ей воин
Поиграть в изломанные кости.

1908

В ПУТИ

Кончено время игры,
Дважды цветам не цвести.
Тень от гигантской горы
Пала на нашем пути.
Область унынья и слез —
Скалы с обеих сторон
И оголенный утес,
Где распростерся дракон.
Острый хребет его крут,
Вздых его — огненный смерч.
Люди его назовут
Сумрачным именем: Смерть.
Что ж, обратиться нам вспять,
Вспять повернуть корабли,
Чтобы опять испытать
Древнюю скудость земли?
Нет, ни за что, ни за что!
Значит, настала пора.

Лучше слепое Ничто,

Чем золотое Вчера!

Вынем же меч-кладенец,

Дар благосклонных наяд,

Чтоб обрести, наконец,

Неотцветающий сад.

1908

ОРЕЛ

Орел летел все выше и вперед

К Престолу Сил сквозь звездные преддверья,

И был прекрасен царственный полет,

И лоснились коричневые перья.

Где жил он прежде? Может быть, в плену,

В оковах королевского зверинца,

Кричал, встречая девушку-весну,

Влюбленную в задумчивого принца.

Иль, может быть, в берлоге колдуна,

Когда глядел он в узкое оконце,

Его зачаровала высота

И властно превратила сердце в солнце.

Не все ль равно?! Играя и маня,

Лазурное вскрывалось совершенство,

И он летел три ночи и три дня

И умер, задохнувшись от блаженства.

Он умер, да! но он не мог упасть,

Войдя в круги планетного движенья.

Бездонная внизу зияла пасть,

Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,

Божественно-холодными лучами,

Не зная тленья, он летел вперед,

Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры,

Не раз труба архангела трубила,

Но не была добычей для игры

Его великолепная могила.

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.
Быстрокрылых ведут капитаны —
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведаль мальстремы и мель,
Чья не пылью затерянных хартий, —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь
И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт,
Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыплется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.
Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса, —
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.
Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьих фелуки
Неожиданно бросить фрегат,
Меткой пулей, острой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

Для первых властителей завиден мой жребий,
И боги не так горды.
Столпами из мрамора в пылающем небе
Укрепились мои сады.
Там рощи с цистернами для розовой влаги,
Голубые, нежные мхи,
Рабы и танцовщицы, и мудрые маги,
Короли четырех стихий.
Все дурманит и радует, все ясно и близко,
Все таит восторг тишины,
Но каждую полночью так страшно и низко
Наклоняется лик луны.
И в сумрачном ужасе от лунного взгляда,
От цепких лунных сетей,
Мне хочется броситься из этого сада
С высоты семисот локтей.
1909

В БИБЛИОТЕКЕ

М. Кузмину

О, пожелтевшие листья
В стенах вечерних библиотек,
Когда раздумья так чисты,
А пыль пьянее, чем наркотик!
Мне нынче труден мой урок.
Куда от странной грезы деться?
Я отыскал сейчас цветок
В процессе древнем Жиль де Реца.
Изрезан сетью бледных жил,
Сухой, но тайно благовонный...
Его, наверно, положил
Сюда какой-нибудь влюбленный.
Еще от алых женских губ
Его пылали жарко щеки,
Но взор очей уже был туп

И мысли холодно-жестоки.

И, верно, дьявольская страсть

В душе вставала, словно пенье,

Что дар любви, цветок, увясть

Был брошен в книге преступленья.

И после, там, в тени аркад,

В великолепии ночи дивной

Кого заметил тусклый взгляд,

Чей крик послышался призывный?

Так много тайн хранит любовь,

Так мучат старые гробницы!

Мне ясно кажется, что кровь

Пятнает многие страницы.

И терн сопутствует венцу,

И бремя жизни – злое бремя...

Но что до этого чтецу,

Неутомимому, как время!

Мои мечты... они чисты,

А ты, убийца дальний, кто ты?!

О, пожелтевшие листья,

Шагреновые переплеты!

1909

ПОТОМКИ КАИНА

Он не солгал нам, дух печально-строгий,

Принявший имя утренней звезды,

Когда сказал: «Не бойтесь вышней мзды,

Вкусите плод и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги,

Для старцев – все запретные труды,

Для девушек – янтарные плоды

И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил,

Нам кажется, что Кто-то нас забыл,

Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука

Две жердочки, две травки, два древка

Соединит на миг крестообразно?

1909

Он поклялся в строгом храме
Перед статуей Мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны.
И забыл о тайном браке,
Всюду ласки расточая,
Ночью был зарезан в драке
И пришел к преддверьям рая.
«Ты ль в Моем не клялся храме, —
Прозвучала речь Мадонны, —
Что ты будешь верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны?
Отойди, не эти жатвы
Собирает Царь Небесный.
Кто нарушил слово клятвы,
Гибнет, Богу неизвестный».
Но, печальный и упрямый,
Он припал к ногам Мадонны:
«Я нигде не встретил дамы,
Той, чьи взоры непреклонны».

1910

Портрет мужчины
Картина в Лувре работы неизвестного
Его глаза – подземные озера,
Покинутые царские чертоги.
Отмечен знаком высшего позора,
Он никогда не говорит о Боге.
Его уста – пурпуровая рана
От лезвия, пропитанного ядом;
Печальные, сомкнувшиеся рано,
Они зовут к непознанным уладам.
И руки – бледный мрамор полнолуний,
В них ужасы неснятого проклятья.
Они ласкали девушек-колдуний

И ведали кровавые распятыя.

Ему в веках достался странный жребий —

Служить мечтой убийцы и поэта.

Быть может, как родился он, — на небе

Кровавая растаяла комета.

В его душе столетние обиды,

В его душе печали без названья.

На все сады Мадонны и Киприды

Не променяет он воспоминанья.

Он злобен, но не злобой святотатца,

И нежен цвет его атласной кожи.

Он может улыбаться и смеяться,

Но плакать... плакать больше он не может.

1910

ЧИТАТЕЛЬ КНИГ

Читатель книг, и я хотел найти

Мой тихий рай в покорности сознанья,

Я их любил, те странные пути,

Где нет надежд и нет воспоминанья.

Неутомимо плыть ручьями строк,

В проливы глав вступать нетерпеливо,

И наблюдать, как пенится поток,

И слушать гул идущего прилива!

Но вечером... О, как она страшна,

Ночная тень за шкафом, за киотом,

И маятник, недвижимый, как луна,

Что светит над мерцающим болотом!

1910

ТЕАТР

Все мы, святые и воры,

Из алтаря и острога,

Все мы — смешные актеры

В театре Господа Бога.

Бог восседает на троне,

Смотрит, смеясь, на подмостки,

Звезды на пышном хитоне —

Позолоченные блески.

Так хорошо и привольно

В ложе предвечного света.

Дева Мария довольна,

Смотрит, склоняясь, в либретто:

«Гамлет? Он должен быть бледным.

Каин? Тот должен быть грубым...»

Зрители внемлют победным

Солнечным, ангельским трубам.

Бог, наклонясь, наблюдает.

К пьесе он полон участия.

Жаль, если Каин рыдает,

Гамлет изведает счастье!

Так не должно быть по плану!

Чтобы блюсти упущенья,

Боли, глухому титану,

Вверил он ход представленья.

Боль вознеслася горою,

Хитрой раскинулась сетью,

Всех, утомленных игрою,

Хлещет кровавою плетью.

Множатся пытки и казни...

И возрастает тревога:

Что, коль не кончится праздник

В театре Господа Бога?!

1910

ДОН ЖУАН

Моя мечта надменна и проста:

Схватить весло, поставить ногу в стремя

И обмануть медлительное время,

Всегда лобзая новые уста;

А в старости принять завет Христа,

Потупить взор, посыпать пеплом темя

И взять на грудь спасающее бремя

Тяжелого железного креста!

И лишь когда среди оргии победной

Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,

Испуганный в тиши своих путей,

Я вспоминаю, что, ненужный атом,

Я не имел от женщины детей

И никогда не звал мужчину братом.

1910

У меня не живут цветы,

Красотой их на миг я обманут,

Постоят день-другой и завянут,

У меня не живут цветы.

Да и птицы здесь не живут,

Только хохлятся скорбно и глухо,

А наутро – комочек из пуха...

Даже птицы здесь не живут.

Только книги в восемь рядов,

Молчаливые, грузные томы,

Сторожат вековые истомы,

Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист,

Помню, был и горбатым, и нищим...

...Торговал за проклятым кладбищем

Мне продавший их букинист.

1910

ЭТО БЫЛО НЕ РАЗ

Это было не раз, это будет не раз

В нашей битве глухой и упорной:

Как всегда, от меня ты теперь отреклась,

Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующий друг,

Враг мой, схваченный темной любовью,

Если стоны любви будут стонами мук,

Поцелуи – окрашены кровью.

1910

КЕНГУРУ

Утро девушки

Сон меня сегодня не разнежил,
Я проснулась рано поутру
И пошла, вдыхая воздух свежий,
Посмотреть ручного кенгуру.
Он срывал пучки смолистых игол,
Глупый, для чего-то их жевал
И смешно, смешно ко мне запрыгал
И ещё смешнее закричал.
У него так неуклюжи ласки,
Но и я люблю ласкать его,
Чтоб его коричневые глазки
Мигом осветило торжество.
А потом, охвачена истомой,
Я мечтать уселась на скамью:
Что ж нейдет он, дальний, незнакомый,
Тот один, которого люблю!
Мысли так отчетливо ложатся,
Словно тени листьев поутру.
Я хочу к кому-нибудь ласкаться,
Как ко мне ласкался кенгуру.

1910

ХРИСТОС

Он идет путем жемчужным
По садам береговым.
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.
«Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.
Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши.
Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды, —

Светлый рай, что розовее

Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину,

Слышно веянье конца,

Но отрадно будет Сыну

В Доме Нежного Отца».

Не томит, не мучит выбор,

Что пленительней чудес?!

И идут пастух и рыбарь

За искателем небес.

1910

ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ

С. Судейкину

Воздух над нами чист и звонок,

В житницу вол отвез зерно,

Отданный повару, пал ягненок,

В медных ковшах играет вино.

Что же тоска нам сердце гложет,

Что мы пытаем бытие?

Лучшая девушка дать не может

Больше того, что есть у нее.

Все мы знавали злое горе,

Бросили все заветный рай,

Все мы, товарищи, верим в море,

Можем отплыть в далекий Китай.

Только не думать! Будет счастье

В самом крикливом кабаду,

Душу исполнит нам жгучей страстью

Смуглый ребенок в чайном саду.

В розовой пене встретим даль мы,

Нас испугает медный лев.

Что нам пригрезится в ночь у пальмы,

Как опьянят нас соки дерев?

Праздником будут те недели,

Что проведем мы на корабле...

Ты ли не опытен в пьяном деле,

Вечно румяный, мэтр Рабле?

Грузный, как бочки вин токайских,

Мудрость свою прикрой плащом,

Ты будешь пугалом дев китайских,

Бедрa обвив зеленым плющом.

Будь капитаном! Просим! Просим!

Вместо весла вручаем жердь...

Только в Китае мы якорь бросим,

Хоть на пути и встретим смерть!

1910

ОСЛЕПИТЕЛЬНОЕ

Я тело в кресло уроню,

Я свет руками заслоню

И буду плакать долго, долго,

Припоминая вечера,

Когда не мучило «вчера»

И не томили цепи долга;

И в море врезавшийся мыс,

И одинокий кипарис,

И благосклонного Гуссейна,

И медленный его рассказ,

В часы, когда не видит глаз

Ни кипариса, ни бассейна.

И снова властвует Багдад,

И снова странствует Синдбад,

Вступает с демонами в ссору,

И от египетской земли

Опять уходят корабли

В великолепную Бассору.

Купцам и прибыль, и почет.

Но нет, не прибыль их влечет

В нагих степях, над бездной водной;

О тайна тайн, о птица Рок,

Не твой ли дальний островок

Им был звездою путеводной?

Ты уводила моряков

В пещеры джинов и волков,
Хранящих древнюю обиду,
И на висячие мосты
Сквозь темно-красные кусты
На пир к Гаруну аль-Рашиду.
И я когда-то был твоим,
Я плыл, покорный пилигрим,
За жизнью благодной и мирной,
Чтоб повстречал меня Гуссейн
В садах, где розы и бассейн,
На берегу за старой Смирной.
Когда-то... Боже, как чисты
И как мучительны мечты!
Ну что же, раньте сердце, раньте, —
Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню,
И буду плакать о Леванте.

1910

МАРГАРИТА

Валентин говорит о сестре в кабаке,
Выхваляет ее ум и лицо,
А у Маргариты на левой руке
Появилось дорогое кольцо.
А у Маргариты спрятан ларец
Под окном в зеленом плюще,
Ей приносит так много серег и колец
Злой насмешник в красном плаще.
Хоть высоко окно в Маргаритин приют,
У насмешника лестница есть;
Пусть так звонко на улицах студенты поют,
Прославляя Маргаритину честь,
Слишком ярки рубины и томен апрель,
Чтоб забыть обо всем, не знать ничего...
Марта гладит любовно полный кошель,
Только... серой несет от него.
Валентин, Валентин, позабуди свой позор,
Ах, чего не бывает в летнюю ночь!

Уж на что Риголетто был горбат и хитер,

И над тем насмеялась родная дочь.

Грозно Фауста в бой ты зовешь, но вотще!

Его нет... Его выдумал девичий стыд;

Лишь насмешника в красном и дырявом плаще

Ты найдешь... и ты будешь убит.

1910

У КАМИНА

Наплывала тень... Догорал камин,

Руки на груди, он стоял один.

Неподвижный взор устремляя вдаль,

Горько говоря про свою печаль:

«Я пробрался в глубь неизвестных стран,

Восемьдесят дней шел мой караван;

Цепи грозных гор, лес, а иногда

Странные вдали чьи-то города.

И не раз из них в тишине ночной

В лагерь долетал непонятный вой.

Мы рубили лес, мы копали рвы,

Вечерами к нам подходили львы.

Но трусливых душ не было меж нас,

Мы стреляли в них, целясь между глаз.

Древний я отрыл храм из-под песка,

Именем моим названа река,

И в стране озер пять больших племен

Слушались меня, чтити мой закон.

Но теперь я слаб, как во власти сна,

И больна душа, тягостно больна;

Я узнал, узнал, что такое страх,

Погребенный здесь в четырех стенах;

Даже блеск ружья, даже плеск волны

Эту цепь порвать ныне не вольны...»

И, тая в глазах злое торжество,

Женщина в углу слушала его.

1910

ОТРЫВОК

Христос сказал: убогие блаженны,
Завиден рок слепцов, калек и нищих,
Я их возьму в надзвездные селенья,
Я сделаю их рыцарями неба
И назову славнейшими из славных...
Пусть! Я приму! Но как же те, другие,
Чьей мыслью мы теперь живем и дышим,
Чьи имена звучат нам, как призывы?
Искупят чем они свое величье,
Как им заплатит воля равновесья?
Иль Беатриче стала проституткой,
Глухонемым – великий Вольфганг Гёте
И Байрон – площадным шутом... о ужас!

1910

ИЗ ЛОГОВА ЗМИЕВА

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал забавницу,
Гадал – своенравницу,
Веселую птицу-певунью.
Покликаешь – морщится,
Обнимешь – топорщится,
А выйдет луна – затомится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, – и хочет топиться.
Твержу ей: крещеному,
С тобой по-мудреному
Возиться теперь мне не в пору;
Снеси-ка истому ты
В Днепровские омуты,
На грешную Лысую гору.
Молчит – только ежится,
И все ей неможется,
Мне жалко ее, виноватую,

Как птицу подбитую,

Березу подрытую

Над очастью, Богом залятою.

1911

ЖИЗНЬ

С тусклым взором, с мертвым сердцем в море броситься со скалы,

В час, когда, как знамя, в небе дымно-розовая заря,

Иль в темнице стать свободным, как свободны одни орлы,

Иль найти покой нежданный в дымной хижине дикаря!

Да, я понял. Символ жизни – не поэт, что творит слова,

И не воин с твердым сердцем, не работник, ведущий плуг, —

С иронической усмешкой царь-ребенок на шкуре льва,

Забывающий игрушки между белых усталых рук.

1911

ДЕВУШКЕ

Мне не нравится томность

Ваших скрещенных рук,

И спокойная скромность,

И стыдливый испуг.

Героиня романов Тургенева,

Вы надменны, нежны и чисты,

В вас так много безбурно-осеннего

От аллеи, где кружат листья.

Никогда ничему не поверите,

Прежде чем не сочтете, не смерите,

Никогда никуда не пойдете,

Коль на карте путей не найдете.

И вам чужд тот безумный охотник,

Что, взойдя на нагую скалу,

В пьяном счастье, в тоске безотчетной

Прямо в солнце пускает стрелу.

1911

Когда я был влюблен (а я влюблен

Всегда – в идею, женщину иль запах),

Мне захотелось воплотить мой сон,
Причудливей, чем Рим при грешных папах.
Я нанял комнату с одним окном,
Приют швеи, иссохшей над машинкой,
Где, верно, жил облезлый старый гном,
Питавшийся оброненной сардинкой.
Я стол к стене подвинул; на комод
Рядком поставил альманахи «Знание»,
Открытки – так, чтоб даже готтентот
В священное б пришел негодованье.
Она вошла спокойно и светло,
Потом остановилась изумленно.
От ломовых в окне тряслось стекло,
Будильник тикал злобно-однотонно.
И я сказал: «Царица, вы одни
Сумели воплотить всю роскошь мира,
Как розовые птицы ваши дни,
Влюбленность ваша – музыка клавира.
Ах! Бог Любви, заоблачный поэт,
Вас наградил совсем особой меткой,
И нет таких, как вы...» Она в ответ
Задумчиво кивала мне эгреткой.
Я продолжал (и резко за стеной
Звучал мотив надтреснутой шарманки):
«Мне хочется увидеть вас иной,
С лицом забытой Богом гувернантки;
И чтоб вы мне шептали: «Я твоя»,
Или еще: «Приди в мои объятия».
О, сладкий холод грубого белья,
И слезы, и поношенное платье.
А уходя возьмите денег: мать
У вас больна иль вам нужны наряды...
...Мне скучно все, мне хочется играть
И вами, и собою – без пощады...»
Она, прищурясь, поднялась в ответ,
В глазах светились злоба и страданье:
«Да, это очень тонко, вы поэт,
Но я к вам на минуту... до свиданья!»

Прелестницы, теперь я научен.

Попробуйте прийти, и вы найдете

Духи, цветы, старинный медальон,

Обри Бердслея в строгом переплете.

1911

СОВРЕМЕННОСТЬ

Я закрыл «Илиаду» и сел у окна,

На губах трепетало последнее слово,

Что-то ярко светило – фонарь иль луна,

И медлительно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор

И так много встречал отвечающих взоров,

Одиссеев во мгле паровозных контор,

Агамемнонов между трактирных маркеров.

Так в далекой Сибири, где плачет пурга,

Застывают в серебряных льдах мастодонты,

Их глухая тоска там колышет снега,

Красной кровью – ведь их – зажжены горизонты.

Я печален от книги, томлюсь от луны,

Может быть, мне совсем и не надо героя,

Вот идут по аллее, так странно нежны,

Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

1911

Я ВЕРИЛ, Я ДУМАЛ...

Сергею Маковскому

Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец;

Создав, навсегда уступил меня року Создатель;

Я продан! Я больше не Божий! Ушел продавец,

И с явной насмешкой глядит на меня покупатель.

Летащей горою за мною несется Вчера,

А Завтра меня впереди ожидает, как бездна,

Иду... но когда-нибудь в Бездну сорвется Гора,

Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна.

И если я волей себе покоряю людей,

И если слетает ко мне по ночам вдохновенье,

И если я ведаю тайны – поэт, чародей,

Властитель вселенной, – тем будет страшнее паденье.

И вот мне приснилось, что сердце мое не болит,

Оно – колокольчик фарфоровый в желтом Китае

На пагоде пестрой... висит и приветно звенит,

В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.

А тихая девушка в платье из красных шелков,

Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,

С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов,

Внимательно слушая легкие, легкие звоны.

1911

ТУРКЕСТАНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ

Под смутный говор, стройный гам,

Сквозь мерное сверканье балов,

Так странно видеть по стенам

Высоких старых генералов.

Приветный голос, ясный взгляд,

Бровей седеющих изгибы,

Нам ничего не говорят

О том, о чем сказать могли бы.

И кажется, что в вихре дней,

Среди сановников и дэнди,

Они забыли о своей

Благоухающей легенде.

Они забыли дни тоски,

Ночные возгласы: «К оружию»,

Унылые солончаки

И поступь мерную верблюжью;

Поля неведомой земли,

И гибель роты несчастливой,

И Уч-Кудук, и Киндерли,

И русский флаг над белой Хивой.

Забыли? – Нет! Ведь каждый час

Каким-то случаем прилежным

Туманит блеск спокойных глаз,

Напоминает им о прежнем.

«Что с вами?» – «Так, нога болит». —

«Подагра?» – «Нет, сквозная рана».

И сразу сердце защежит

Тоска по солнцу Туркестана.

И мне сказали, что никто

Из этих старых ветеранов,

Средь копий Греза и Ватто,

Средь мягких кресел и диванов,

Не скроет ветхую кровать,

Ему служившую в походах,

Чтоб вечно сердце волновать

Воспоминая о невзгодах.

1911

РОДОС

Памяти М.А. Кузьминой-Караваевой

На полях опаленных Родоса

Камни стен и в цвету тополя

Видит зоркое сердце матроса

В тихий вечер с кормы корабля.

Там был рыцарский орден: соборы,

Цитадель, бастионы, мосты,

И на людях простые уборы,

Но на них золотые кресты.

Не стремиться ни к славе, ни к счастью,

Все равны перед взором Отца,

И не дать покорить самовластью

Посвященные небу сердца!

Но в долинах старинных поместий,

Посреди кипарисов и роз,

Говорить о Небесной Невесте,

Охраняющей нежный Родос!

Наше бремя – тяжелое бремя:

Труд зловещий дала нам судьба,

Чтоб прославить на краткое время,

Нет, не нас – только наши гроба.

Нам брести в смертоносных равнинах,

Чтоб узнать, где родилась река,

На тяжелых и гулких машинах

Грозовые пронзять облака;

В каждом взгляде тоска без просвета,

В каждом вздохе томительный крик, —

Высыхать в глубине кабинета

Перед пыльными горами книг.

Мы идем сквозь туманные годы,

Смутно чувствуя веянье роз,

У веков, у пространств, у природы

Отвоевывать древний Родос.

Но, быть может, подумают внуки,

Как орлята, тоскуя в гнезде:

«Где теперь эти крепкие руки,

Эти души горящие – где?»

1912

ОТРАВЛЕННЫЙ

«Ты совсем, ты совсем снеговая,

Как ты странно и страшно бледна!

Почему ты дрожишь, подавая

Мне стакан золотого вина?»

Отвернулась печальной и гибкой...

Что я знаю, то знаю давно,

Но я выпью и выпью с улыбкой,

Все налитое ею вино.

А потом, когда свечи потушат

И кошмары придут на постель,

Те кошмары, что медленно душат,

Я смертельный почувствую хмель...

И приду к ней, скажу: «Дорогая,

Видел я удивительный сон,

Ах, мне снилась равнина без края,

И совсем золотой небосклон.

Знай, я больше не буду жестоким,

Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним,

Я уеду, далеким, далеким,

Я не буду печальным и злым.

Мне из рая, прохладного рая,

Видны белые отсветы дня...

И мне сладко – не плачь, дорогая, —

Знать, что ты отравила меня».

1912

НА МОРЕ

Закат. Как змеи, волны гнутся,

Уже без гневных гребешков,

Но не бегут они коснуться

Непобедимых берегов.

И только издали добредший

Бурун, поверивший во мглу,

Внесется, буйный сумасшедший,

На глянцевитую скалу

И лопнет с гиканьем и ревом,

Подбросив к небу пенный клоч...

Но весел в море бирюзовом

С латинским парусом челнок;

И загорелый кормчий ловок,

Дыша волной растущей мглы

И, от натянутых веревок,

Бодрящим запахом смолы.

1912

ОНА

Я знаю женщину: молчанье,

Усталость горькая от слов,

Живет в таинственном мерцанье

Ее расширенных зрачков.

Ее душа открыта жадно

Лишь медной музыке стиха,

Пред жизнью дольней и отрадней

Высокомерна и глуха.

Неслышный и неторопливый,

Так странно плавен шаг ее,

Назвать нельзя ее красивой,

Но в ней все счастье мое.

Когда я жажду своеволий

И смел и горд – я к ней иду

Учиться мудрой сладкой боли

В ее истоме и бреду.

Она светла в часы томлений

И держит молнии в руке,

И четки сны ее, как тени

На райском огненном песке.

1912

РИМ

Волчица с пастью кровавой

На белом, белом столбе,

Тебе, увенчанной славой,

По праву привет тебе.

С тобой младенцы, два брата,

К сосцам стремятся припасть.

Они не люди, волчата,

У них звериная масть.

Не правда ль, ты их любила,

Как маленьких, встарь, когда,

Рыча от бранного пыла,

Сжигали они города.

Когда же в царство покоя

Они умчались, как вздох,

Ты, долго и страшно воя,

Могилу рыла для трех.

Волчица, твой город тот же

У той же быстрой реки.

Что мрамор высоких лоджий,

Колонн его завитки,

И лик Мадонн вдохновенный,

И храм святого Петра,

Покуда здесь неизменно

Зияет твоя нора,

Покуда жесткие травы

Растут из дряхлых камней

И смотрит месяц кровавый

Железных римских ночей?!

И город цезарей дивных,

Святых и великих пап,

Он крепок следом призывных,

Косматых звериных лап.

1912

ПИЗА

Солнце жжет высокие стены,

Крыши, площади и базары.

О, янтарный мрамор Сиены

И молочно-белый – Каррары!

Все спокойно под небом ясным;

Вот, окончив псалом последний,

Возвращаются дети в красном

По домам от поздней обедни.

Где ж они, суровые громы

Золотой тосканской равнины,

Ненасытная страсть Содомы

И голодный вопль Уголино?

Ах, и мукам счет и усладам

Не веками ведут – годами!

Гибеллины и гвельфы рядом

Задремали в гробах с гербами.

Все проходит, как тень, но время

Остается, как прежде, мстящим,

И былое, темное бремя

Продолжает жить в настоящем.

Сатана в нестерпимом блеске,

Оторвавшись от старой фрески,

Наклонился с тоской всегдашней

Над кривою Пизанской башней.

1912

ФРА БЕАТО АНДЖЕЛИКО

В стране, где гиппогриф веселый льва
Крылатого зовет играть в лазури,
Где выпускает ночь из рукава
Хрустальных нимф и венценосных фурий;
В стране, где тихи гробы мертвецов,
Но где жива их воля, власть и сила,
Средь многих знаменитых мастеров,
Ах, одного лишь сердце полюбило.
Пускай велик небесный Рафаэль,
Любимец бога скал, Буонарроти,
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,
Челлини, давший бронзе тайну плоти.
Но Рафаэль не греет, а спит,
В Буонарроти страшно совершенство,
И хмель да Винчи душу замутит,
Ту душу, что поверила в блаженство
На Фьезоле, средь тонких тополей,
Когда горят в траве зеленой маки,
И в глубине готических церквей,
Где мученики спят в прохладной раке.
На всем, что сделал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.
О да, не все умел он рисовать,
Но то, что рисовал он, – совершенно.
Вот скалы, рощи, рыцарь на коне, —
Куда он едет, в церковь иль к невесте?
Горит заря на городской стене,
Идут стада по улицам предместий;
Мария держит Сына Своего,
Кудрявого, с румянцем благородным,
Такие дети в ночь под Рождество,
Наверно, снятся женщинам бесплодным;
И так нестрашен связанным святым
Палач, в рубашку синюю одетый,
Им хорошо под нимбом золотым,
И здесь есть свет, и там – иные светы.
А краски, краски – яркие и чисты,
Они родились с ним и с ним погасли.

Преданье есть: он растворял цветы

В епископами освященном масле.

И есть еще преданье: серафим

Слетал к нему, смеющийся и ясный,

И кисти брал, и состязался с ним

В его искусстве дивном... но напрасно.

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,

А жизнь людей мгновенна и убога,

Но все в себе вмещает человек,

Который любит мир и верит в Бога.

1912

ПТИЦА

Я не смею больше молиться,

Я забыл слова литаний,

Надо мной грозящая птица,

И глаза у нее – огни.

Вот я слышу сдержанный клекот,

Словно звон истлевших цимбал,

Словно моря дальнего рокот,

Моря, бьющего в груди скал.

Вот я вижу – когти стальные

Наклоняются надо мной,

Словно струи дрожат речные,

Озаряемые луной.

Я пугаюсь, чего ей надо,

Я не юноша Ганимед,

Надо мною небо Эллады

Не струило свой нежный свет.

Если это голубь Господень

Прилетел сказать – Ты готов! —

То зачем же он так несходен

С голубями наших садов?

1912

Персей

Скульптура Кановы

Его издавна любят музы,
Он юный, светлый, он герой,
Он поднял голову Медузы
Стальной, стремительной рукой.
И не увидит он, конечно,
Он, в чьей душе всегда гроза,
Как хороши, как человечны
Когда-то страшные глаза,
Черты измученного болью,
Теперь прекрасного лица...
– Мальчишескому своеволью
Нет ни преграды, ни конца.
Вон ждет нагая Андромеда,
Пред ней свивается дракон,
Туда, туда, за ним победа
Летит, крылатая, как он.
1913

ФЛОРЕНЦИЯ

О сердце, ты неблагодарно!
Тебе – и розовый миндаль,
И горы, вставшие над Арно,
И запах трав, и в блеске даль.
Но, тайновидец дней минувших,
Твой взор мучительно следит
Ряды в бездонном потонувших,
Тебе завещанных обид.
Тебе нужны слова иные,
Иная, страшная пора.
...Вот грозно встала Синьория
И перед нею два костра.
Один, как шкура леопарда,
Разнообразен, вечно нов.
Там гибнет «Леда» Леонардо
Средь благовоний и шелков.
Другой, зловещий и тяжелый,
Как подобранный дракон,
Шипит: «Вотще Савонаролой

Мой дом державный потрясен».

Они ликуют, эти звери,

А между них, потупя взгляд,

Изгнанник бледный, Алигьери

Стопой неспешной сходит в ад.

1913

СТАРЫЕ УСАДЬБЫ

Дома косые, двухэтажные,

И тут же рига, скотный двор,

Где у корыта гуси важные

Ведут немолчный разговор.

В садах настурции и розаны,

В прудах зацветших караси, —

Усадьбы старые разбросаны

По всей таинственной Руси.

Порою в полдень льется по лесу

Неясный гул, невнятный крик,

И угадать нельзя по голосу,

То человек иль лесовик.

Порою крестный ход и пение,

Звонят во все колокола,

Бегут, — то, значит, по течению

В село икона приплыла.

Русь бредит Богом, красным пламенем,

Где видно ангелов сквозь дым...

Они ж покорно верят знаменьям,

Любя свое, живя своим.

Вот, гордый новою поддевкой,

Идет в гостиную сосед.

Поникнув русою головкою,

С ним дочка — восемнадцать лет.

«Моя Наташа бесприданница,

Но не отдам за бедняка».

И ясный взор ее туманится,

Дрожа, сжимается рука.

«Отец не хочет... нам со свадьбою

Опять придется погодить».

Да что! В пруду перед усадьбою

Русалкам бледным плохо ль жить?

В часы весеннего томления

И пляски белых облаков

Бывают головокружения

У девушек и стариков.

Но старикам – золотоглавые,

Святые, белые скиты,

А девушкам – одни лукавые

Увещеванья пустоты.

О Русь, волшебница суровая,

Повсюду ты свое возьмешь.

Бежать? Но разве любишь новое

Иль без тебя да проживешь?

И не расстаться с амулетами,

Фортуна катит колесо,

На полке, рядом с пистолетами,

Барон Брамбеус и Руссо.

1913

Мое прекрасное убежище —

Мир звуков, линий и цветов,

Куда не входит ветер режущий

Из недостроенных миров.

Цветок сорву ли – буйным пением

Наполнил душу он, дразня,

Чаруя светлым откровением,

Что жизнь кипит и вне меня.

Но так же дорог мне искусственный

Взлелеянный мечтою цвет:

Он мозг дурманит жаждой чувственной

Того, чего на свете нет.

Иду в пространстве и во времени

И вслед за мной мой сын идет

Среди трудящегося племени

Ветров, и пламеней, и вод.

И я приму – о да, не дрогну я! —

Как поцелуй иль как цветок,

С таким же удивленьем огненным

Последний гибельный толчок.

1913

ЮДИФЬ

Какой мудрейшею из мудрых пифий

Поведан будет нам нелицемерный

Рассказ об иудеянке Юдифи,

О вавилонянине Олоферне?

Ведь много дней томилась Иудея,

Опалена горячими ветрами,

Ни спорить, ни покорствовать не смея,

Пред красными, как зарево, шатрами.

Сатрап был мощен и прекрасен телом,

Был голос у него как гул сраженья,

И все же девушкой не овладело

Томительное головокруженье.

Но, верно, в час блаженный и проклятый,

Когда, как омут, приняло их ложе,

Поднялся ассирийский бык крылатый,

Так странно с ангелом любви несхожий.

Иль, может быть, в дыму камильниц рея

И вскрикивая в грохоте тимпана,

Из мрака будущего Саломея

Кичилась головой Иоканаана.

1914

ВЕЧЕР

Как этот ветер грузен, не крылат!

С надтреснутою дыней схож закат,

И хочется подтолкнуть слегка

Катящиеся вяло облака.

В такие медленные вечера

Коней карьером гонят кучера,

Сильней веслом рвут воду рыбаки.

Ожесточенней рубят лесники

Огромные кудрявые дубы...

А те, кому доверены судьбы

Вселенского движения и в ком

Всех ритмов бывших и небывших дом,

Слагают окрыленные стихи,

Расковывая косный сон стихий.

1914

НА ОСТРОВЕ

Над этим островом какие выси.

Какой туман!

И Апокалипсис здесь был написан

И умер Пан!

А есть другие: с пальмами, с лугами,

Где весел жнец

И где позванивают бубенцами

Стада овец.

И скрипку, дивно выгнутую, в руки,

Едва дыша,

Я взял и слушал, как бежала в звуки

Ее душа.

Ах, это только чары, что судьбою

Я побежден,

Что ночью звездный дождь над головою

И звон и стон.

Я вольный, снова верящий удачам,

Я тот, я в том,

Целую девушку с лицом горячим

И с жадным ртом.

Прерывных слов, объятий перемены

Томят и жгут,

А милые нас обступили стены

И стерегут.

Как содрогается она – в улыбке

Какой вопрос!

Увы, иль это только стоны скрипки

Под взором звезд.

1914

НОВОРОЖДЕННОМУ

С. Лозинскому

Вот голос, томительно звонок...

Зовет меня голос войны, —

Но я рад, что еще ребенок

Глотнул воздушной волны.

Он будет ходить по дорогам

И будет читать стихи,

И он искупит перед Богом

Многие наши грехи.

Когда от народов-титанов

Сразившихся дрогнула твердь,

И в грохоте барабанов,

И в трубном рычаньи — смерть, —

Лишь он сохраняет семя

Грядущей мирной весны,

Ему обещает время

Осуществленные сны.

Он будет любимцем Бога,

Он поймет свое торжество,

Он должен! Мы бились много

И страдали мы за него.

20 июля 1914

НАСТУПЛЕНИЕ

Та страна, что могла быть раем,

Стала логовищем огня,

Мы четвертый день наступаем,

Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного

В этот страшный и светлый час,

Оттого что Господне слово

Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели

Ослепительны и легки,

Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.
Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.
Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.
И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

1914

ВОЙНА

М.М. Чичагову

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.
А «ура» вдали, как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это – мирное селенье
В самый благостный из вечеров.
И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.
Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих.
Ныне, Господи, благослови.
Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,

Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы

И победы царский час даруй,

Кто поверженному скажет: – Милый,

Вот, прими мой братский поцелуй!

1914

СМЕРТЬ

Есть так много жизней достойных,

Но одна лишь достойна смерть,

Лишь под пулями в рвах спокойных

Веришь в знамя Господне, твердь.

И за это знаешь так ясно,

Что в единственный, строгий час,

В час, когда, словно облак красный,

Милый день уплывет из глаз, —

Свод небесный будет раздвинут

Пред душою, и душу ту

Белоснежные кони ринут

В ослепительную высоту.

Там Начальник в ярком доспехе,

В грозном шлеме звездных лучей,

И к старинной, бранной потехе

Огнекрылых зов трубачей.

Но и здесь, на земле, не хуже

Та же смерть – ясна и проста:

Здесь товарищ над павшим тужит

И целует его в уста.

Здесь священник в рясе дырявой

Умиленно поет псалом,

Здесь играют марш величавый

Над едва заметным холмом.

1914

СОЛНЦЕ ДУХА

Как могли мы прежде жить в покое

И не ждать ни радостей, ни бед,

Не мечтать об огнезарном бое,
О рокочущей трубе побед.
Как могли мы... но еще не поздно,
Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.
Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.
В дикой прелести степных раздолий,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души.
Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

1914

БОЛЬНОЙ

В моем бреду одна меня томит
Каких-то острых линий бесконечность,
И непрерывно колокол звонит,
Как бой часов отзванивал бы вечность.
Мне кажется, что после смерти так
С мучительной надеждой воскресенья
Глаза вперяются в окрестный мрак,
Ища давно знакомые виденья.
Но в океане первозданной мглы
Нет голосов и нет травы зеленой,
А только кубы, ромбы, да углы,
Да злые нескончаемые звоны.
О, хоть бы сон настиг меня скорей!
Уйти бы, как на праздник примиренья,
На желтые пески седых морей
Считать большие бурые камни.

1915

ВОСЬМИСТИШИЕ

Ни шороха полночных далей,
Ни песен, что певала мать,
Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять.
И, символ горнего величья,
Как некий благостный завет,
Высокое косноязычье
Тебе даруется, поэт.

1915

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Прошел патруль, стуча мечами,
Дурной монах прокрался к милой,
Над островерхими домами
Неведомое опочило.
Но мы спокойны, мы поспорим
Со стражами Господня гнева,
И пахнет звездами и морем
Твой плащ широкий, Женевьева.
Ты помнишь ли, как перед нами
Встал храм, чернеющий во мраке,
Над сумрачными алтарями
Горели огненные знаки.
Торжественный, гранитокрылый,
Он охранял наш город сонный,
В нем пели молоты и пилы,
В ночи работали масоны.
Слова их скупы и случайны,
Но взоры ясны и упрямы,
Им древние открыты тайны,
Как строить каменные храмы.
Поцеловав порог узорный,
Свершив коленопреклоненье,
Мы попросили так покорно
Тебе и мне благословенья.

Великий Мастер с нивелиром

Стоял средь грохота и гула

И прошептал: «Идите с миром,

Мы побеждаем Вельзевула».

Пока они живут на свете,

Творят закон святого сева,

Мы смело можем быть как дети,

Любить друг друга, Женевьева.

1915

ДОЖДЬ

Сквозь дождем забрызганные стекла

Мир мне кажется рябым;

Я гляжу: ничто в нем не поблекло

И не сделалось чужим.

Только зелень стала чуть зловещей,

Словно пролит купорос,

Но зато рисуется в ней резче

Круглый куст кровавых роз.

Капли в лужах плещутся размерней

И бормочут свой псалом,

Как монашенки в часы вечерни

Торопливым голоском.

Слава, слава небу в тучах черных!

То – река весною, где

Вместо рыб стволы деревьев горных

В мутной мечутся воде.

В гиблых омутах волшебных мельниц

Ржанье бешеных коней,

И душе, несчастнейшей из пленниц,

Так и легче и вольней.

1915

Я не прожил, я протомился

Половину жизни земной,

И, Господь, вот Ты мне явился

Невозможной такой мечтой.

Вижу свет на горе Фаворе

И безумно тоскую я,
Что влюбил и сушу и море,
Весь дремучий сон бытия;
Что моя молодая сила
Не смирилась перед Твоей,
Что так больно сердце томила
Красота Твоих дочерей.
Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что ее легко погасить?
С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
Я и так погубил одну.

1915

Об Адонисе с лунной красотой,
О Гиацинте тонком, о Нарциссе
И о Данае, туче золотой,
Еще грустят аттические выси.
Грустят валы ямбических морей,
И журавлей кочующие стаи,
И пальма, о которой Одиссей
Рассказывал смущенной Навзикае.
Печальный мир не очаруют вновь
Ни кудри душевные, ни взор призывный,
Ни лепестки горячих губ, ни кровь,
Стучавшая торжественно и дивно.
Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь.
И ты, о нежная, чье имя – пенье,
Чье тело – музыка, и ты идешь
На беспощадное исчезновенье.
Но мне, увы, неведомы слова —
Землетрясения, громы, водопады,
Чтоб и по смерти ты была жива,
Как юноши и девушки Эллады.

Ода д'Аннунцио
К его выступлению в Генуе
Опять волчица на столбе
Рычит в огне багряных светов...
Судьба Италии – в судьбе
Ее торжественных поэтов.
Был Августов высокий век,
И золотые строки были;
Спокойней величавых рек
С ней разговаривал Вергилий.
Был век печали; и тогда,
Как враг в ее стучался двери,
Бежал от мирного труда
Изгнанник бледный, Алигьери.
Униженная до конца,
Страна, веселием объята,
Короновала мертвеца
В короновании Торквата.
И в дни прекраснейшей войны,
Которой кланяюсь я земно,
К которой завистью полны
И Александр и Агамемнон,
Когда все лучшее, что в нас
Таилось скупое и суровое,
Вся сила духа, доблесть рас,
Свои разрушило оковы —
Слова: «Встает великий Рим,
Берите ружья, дети горя»... —
Грозней громов, внимая им,
Толпа взволнованнее моря.
А море синей пеленой
Легло вокруг, как мощь и слава
Италии, как щит святой
Ее стариннейшего права.
А горы стынют в небесах,
Загадочны и незнакомы,

Там зреют молнии в лесах,
Там чутко притаились громы.
И, конь, встающий на дыбы,
Народ поверил в правду света,
Вручая страшные судьбы
Рукам изнеженным поэта.
И все поют, поют стихи
О том, что вольные народы
Живут, как образы стихий,
Ветра, и пламени, и воды.
1915

РАЙ

Апостол Петр, бери свои ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.
Коллоквиум с отцами церкви там
Покажет, что я в догматах был прям.
Георгий пусть поведает о том,
Как в дни войны сражался я с врагом.
Святой Антоний может подтвердить,
Что плоти я никак не мог смирить.
Но и святой Цецилии уста
Прошепчут, что душа моя чиста.
Мне часто снились райские сады,
Среди ветвей румяные плоды,
Лучи и ангельские голоса,
Внемировой природы чудеса.
И знаешь ты, что утренние сны
Как предзнаменованья нам даны.
Апостол Петр, ведь если я уйду
Отвергнутым, что делать мне в аду?
Моя любовь растопит адский лед,
И адский огонь слеза моя зальет.
Перед тобою темный серафим
Появится ходатаем моим.
Не медли более, бери ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

ПЯТИСТОПНЫЕ ЯМБЫ

М.Л. Лозинскому

Я помню ночь, как черную наяду,
В морях под знаком Южного Креста.
Я плыл на юг; могучих волн громаду
Взрывали мощно лопасти винта,
И встречные суда, очей отраду,
Брала почти мгновенно темнота.
О, как я их жалел, как было странно
Мне думать, что они идут назад
И не остались в бухте необманной,
Что дон Жуан не встретил донны Анны,
Что гор алмазных не нашел Синдбад
И Вечный Жид несчастней во сто крат.
Но проходили месяцы, обратно
Я плыл и увозил клыки слонов,
Картины абиссинских мастеров,
Меха пантер – мне нравились их пятна —
И то, что прежде было непонятно, —
Презренье к миру и усталость снов.
Я молод был, был жаден и уверен,
Но дух земли молчал, высокомерен,
И умерли слепящие мечты,
Как умирают птицы и цветы.
Теперь мой голос медлен и размерен,
Я знаю, жизнь не удалась... и ты,
Ты, для кого искал я на Леванте
Нетленный пурпур королевских мантий, —
Я проиграл тебя, как Дамаянти
Когда-то проиграл безумный Наль.
Взлетели кости, звонкие, как сталь,
Упали кости – и была печаль.
Сказала ты, задумчивая, строго:
«Я верила, любила слишком много,
А ухожу, не веря, не любя,

И пред лицом Всевидящего Бога,
Быть может, самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя».
Твоих волос не смел поцеловать я,
Ни даже сжать холодных, тонких рук.
Я сам себе был гадок, как паук,
Меня пугал и мучил каждый звук,
И ты ушла, в простом и темном платье,
Похожая на древнее Распятье.
То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало,
В полях колосья сыпали зерно,
И солнце даже в полдень было ало.
И в реве человеческой толпы,
В гуденье проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: буди, буди.
Солдаты громко пели, и слова
Невнятны были, сердце их ловило:
«Скорей вперед! Могила так могила!
Нам ложем будет свежая трава,
А пологом – зеленая листва,
Союзником – архангельская сила».
Так сладко эта песнь лилась, маня,
Что я пошел, и приняли меня,
И дали мне винтовку и коня,
И поле, полное врагов могучих,
Гудящих грозно бомб и пуль певучих,
И небо в молнийных и рдяных тучах.
И счастьем душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна,
И ясностью, и мудростью, о Боге
Со звездами беседует она,

Глас Бога слышит в воинской тревоге

И Божьими зовет свои дороги.

Честнейшую честнейших херувим,

Славнейшую славнейших серафим,

Земных надежд небесное Свершенье

Она величит каждое мгновенье

И чувствует к простым словам своим

Вниманье, милость и благоволенье.

Есть на море пустынном монастырь

Из камня белого, золотоглавый,

Он озарен немеркнущею славой.

Туда б уйти, покинув мир лукавый,

Смотреть на ширь воды и неба ширь...

В тот золотой и белый монастырь!

1912–1915

ЗМЕЙ

Ах, иначе в былые года

Колдовала земля с небесами,

Дива дивные зрелись тогда,

Чуда чудные деялись сами...

Позабыв Золотую Орду,

Пестрый грохот равнины китайской,

Змей крылатый в пустынном саду

Часто прятался полночью майской.

Только девушки видеть луну

Выходили походкою статной, —

Он подхватывал быстро одну,

И взмывал, и стремился обратно.

Как сверкал, как слепил и горел

Медный панцирь под хищной луною,

Как серебряным звоном летел

Мерный клетот над Русью лесною:

«Я красавиц таких, лебедей

С белизною такую молочной,

Не встречал никогда и нигде,

Ни в заморской стране, ни в восточной.

Но еще ни одна не была

Во дворце моем пышном, в Лагоре:

Умирают в пути, и тела

Я бросаю в Каспийское море.

Спать на дне, средь чудовищ морских,

Почему им, безумным, дороже,

Чем в могучих объятьях моих

На торжественном княжеском ложе?

И порой мне завидна судьба

Парня с белой пастушеской дудкой

На лугу, где девичья гурьба

Так довольна его прибауткой».

Эти крики слышит, Вольга

Выходил и поглядывал хмуро,

Надевал тетиву на рога

Беловежского старого тура.

1915

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Я твердо, я так сладко знаю,

С искусством иноков знаком,

Что лик жены подобен раю,

Обетованному Творцом.

Нос – это древа ствол высокий;

Две тонкие дуги бровей

Над ним раскинулись, широки,

Изгибом пальмовых ветвей.

Два вещих сирина, два глаза,

Под ними сладостно поют,

Велеречивостью рассказа

Все тайны духа выдают.

Открытый лоб – как свод небесный,

И кудри – облака над ним;

Их, верно, с робостью прелестной

Касался нежный серафим.

И тут же, у подножья древа,

Уста – как некий райский цвет,

Из-за какого матерь Ева

Благой нарушила завет.

Все это кистью достохвальной
Андрей Рублев мне начертал,
И этой жизни труд печальный
Благословеньем Божьим стал.
1915

ДЕРЕВЬЯ

Я знаю, что деревьям, а не нам,
Дано величье совершенной жизни,
На ласковой земле, сестре звездам,
Мы – на чужбине, а они – в отчизне.
Глубокой осенью в полях пустых
Закаты медно-красные, восходы
Янтарные окраске учат их —
Свободные, зеленые народы.
Есть Моисеи посреди дубов,
Марии между пальм... Их души, верно,
Друг другу посылают тихий зов
С водой, струящейся во тьме безмерной.
И в глубине земли, точка алмаз,
Дробя гранит, ключи лепечут скоро,
Ключи поют, кричат – где сломан вяз,
Где листьями оделась сикомора.
О, если бы и мне найти страну,
В которой мог не плакать и не петь я,
Безмолвно поднимаясь в вышину
Неисчислимыя тысячелетья!
1915

И год второй к концу склоняется,
Но так же реют знамена,
И так же буйно издевается
Над нашей мудростью война.
Вслед за ее крылатым гением,
Всегда играющим вничью,
С победной музыкой и пением
Войдут войска в столицу. Чью?

И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забытых на полях потоптанных
И громких летописях слав?
Иль зори будущие ясные
Увидят мир таким, как встарь:
Огромные гвоздики красные
И на гвоздиках спит дикарь;
Чудовищ слышны ревы мирные,
Вдруг хлещут бешено дожди,
И все затягивают жирные
Светло-зеленые хвощи.
Не все ль равно? Пусть время катится,
Мы поняли тебя, земля!
Ты только хмурая привратница
У входа в Божии Поля.

1916

ГОРОДОК

Над широкою рекой,
Пояском-мостом перетянутой,
Городок стоит небольшой,
Летописцем не раз помянутый.
Знаю, в этом городке —
Человечья жизнь настоящая,
Словно лодочка на реке,
К цели ведомой уходящая.
Полосатые столбы
У гауптвахты, где солдатики
Под пронзительный вой трубы
Маршируют, совсем лунатики.
На базаре всякий люд,
Мужики, цыгане, прохожие —
Покупают и продают,
Проповедуют Слово Божие.
В крепко слаженных домах
Ждут хозяйки белые, скромные,

В самаркандских цветных платках,

А глаза все такие темные.

Губернаторский дворец

Пышет светом в часы вечерние,

Предводителей жеребец —

Удивление всей губернии.

А весной идут, таясь,

На кладбище девушки с милыми,

Шепчут, ластясь: «Мой яхонт-князь!» —

И целуются над могилами.

Крест над церковью взнесен.

Символ власти ясной, Отческой,

И гудит малиновый звон

Речью мудрою, человеческой.

1916

ДЕТСТВО

Я ребенком любил большие,

Медом пахнувшие луга,

Перелески, травы сухие

И меж трав бычачьи рога.

Каждый пыльный куст придорожный

Мне кричал: «Я щучу с тобой,

Обойди меня осторожно

И узнаешь, кто я такой!»

Только дикий ветер осенний,

Прошумев, прекращал игру, —

Сердце билось еще блаженной,

И я верил, что я умру

Не один — с моими друзьями,

С мать-и-мачехой, с лопухом,

И за дальними небесами

Догадаюсь вдруг обо всем.

Я за то и люблю затеи

Грозовых военных забав,

Что людская кровь не святее

Изумрудного сока трав.

1916

РАБОЧИЙ

Он стоит пред раскаленным горном,

Невысокий старый человек.

Взгляд спокойный кажется покорным

От миганья красноватых век.

Все товарищи его заснули,

Только он один еще не спит:

Все он занят отливаньем пули,

Что меня с землею разлучит.

Кончил, и глаза повеселели.

Возвращается. Блестит луна.

Дома ждет его в большой постели

Сонная и теплая жена.

Пуля, им отлитая, просвищет

Над седою, вспененной Двиной,

Пуля, им отлитая, отыщет

Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую,

Прошрое увижу наяву,

Кровь ключом захлещет на сухую,

Пыльную и мятую траву.

И Господь воздаст мне полной мерой

За недолгий мой и горький век.

Это сделал в блузе светло-серой

Невысокий старый человек.

1916

ЮГ

За то, что я теперь спокойный

И умерла моя свобода,

О самой светлой, о самой стройной

Со мной беседует природа.

В дали, от зноя помертвелой,

Себе и солнцу буйно рада,

О самой стройной, о самой белой

Звенит немолчная цикада.

Увижу ль пены побережной

Серебряное колыханье, —

О самой белой, о самой нежной

Поет мое воспоминанье.

Вот ставит ночь свои ветрила

И тихо по небу струится,

О самой нежной, о самой милой

Мне пестрокрылый сон приснится.

1916

КАНЦОНА

Бывает в жизни человека

Один неповторимый миг:

Кто б ни был он: старик, калека,

Как бы свой собственный двойник,

Нечеловечески прекрасен

Тогда стоит он; небеса

Над ним разверсты; воздух ясен;

Уж наплывают чудеса.

Таким тогда он будет снова,

Когда воскреснувшую плоть

Решит во славу Бога-Слова

К всебытию призвать Господь.

Волшебница, я не случайно

К следам ступней твоих приник:

Ведь я тебя увидел тайно

В невыразимый этот миг.

Ты розу белую срывала

И наклонялась к розе той,

А небо над тобой сияло,

Твоей залито красотой.

1917

КАНЦОНА

В скольких земных океанах я плыл,

Древних, веселых и пенных,

Сколько в степях караванов водил

Дней и ночей несравненных...

Как мы смеялись в былые года

С вольною Музой моею...

Рифмы, как птицы, слетались тогда,

Сколько – и вспомнить не смею.

Только любовь мне осталась, струной

Ангельской арфы взывая,

Душу пронзая, как тонкой иглой,

Синими светами рая.

Ты мне осталась одна. Наяву

Видевший солнце ночное,

Лишь для тебя на земле я живу,

Делаю дело земное.

Да, ты в моей беспокойной судьбе —

Иерусалим пилигримов.

Надо бы мне говорить о тебе

На языке серафимов.

1917

МУЖИК

В чащах, в болотах огромных,

У оловянной реки,

В срубках мохнатых и темных

Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,

Где разбежался ковыль,

Слушает крики Стрибожьи,

Чуя старинную быль.

С остановившимся взглядом

Здесь проходил печенег...

Сыростью пахнет и гадом

Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой,

Путь оглашая лесной

Песней протяжной, негромкой,

Но озорной, озорной.

Путь этот – светы и мраки,

Посвист разбойный в полях,

Ссоры, кровавые драки

В страшных, как сны, кабаках.

В гордую нашу столицу

Входит он – Боже, спаси! —

Обворожает царицу

Необозримой Руси

Взглядом, улыбкою детской,

Речью такой озорной, —

И на груди молодецкой

Крест просиял золотой.

Как не погнулись – о, горе! —

Как не покинули мест

Крест на Казанском соборе

И на Исакии крест?

Над потрясенной столицей

Выстрелы, крики, набат,

Город ощерился львицей,

Обороняющей львят.

«Что ж, православные, жгите

Труп мой на темном мосту,

Пепел по ветру пустите...

Кто защитит сироту?

В диком краю и убогом

Много таких мужиков.

Слышен по вашим дорогам

Радостный гул их шагов».

1917

ЛЕДОХОД

Уж одевались острова

Весенней зеленью прозрачной,

Но нет, изменчива Нева,

Ей так легко стать снова мрачной.

Взойди на мост, склони свой взгляд:

Там льдины прыгают по льдинам,

Зеленые, как медный яд,

С ужасным шелестом змеиным.

Географу, в час трудных снов,

Такие тяготят сознание —

Неведомых материков

Мучительные очертанья.

Так пахнут сыростью гриба,

И неуверенно и слабо,

Те потайные погреба,

Где труп зарыт и бродят жабы.

Река больна, река в бреду.

Одни, уверены в победе,

В зоологическом саду

Довольны белые медведи.

И знают, что один обман

Их тягостное заточенье:

Сам Ледовитый Океан

Идет на их освобожденье.

1917

ОСЕНЬ

Оранжево-красное небо...

Порывистый ветер качает

Кровавую гроздь рябины.

Догоняю бежавшую лошадь

Мимо стекол оранжереи,

Решетки старого парка

И лебединого пруда.

Косматая, рыжая, рядом

Несется моя собака,

Которая мне милее

Даже родного брата,

Которую буду помнить,

Если она издохнет.

Стук копыт участился,

Пыль все выше.

Трудно преследовать лошадь

Чистой арабской крови.

Придется присесть, пожалуй,

Задохнувшись, на камень

Широкий и плоский,

И удивляться тупо

Оранжево-красному небу,

И тупо слушать

Кричащий пронзительно ветер.

1917

ПРИРОДА

Так вот и вся она, природа,

Которой дух не признает,

Вот луг, где сладкий запах меда

Смешался с запахом болот;

Да ветра дикая заплачка,

Как отдаленный вой волков;

Да над сосной курчавой скачка

Каких-то пегих облаков.

Я вижу тени и обличья,

Я вижу, гневом обуян,

Лишь скудное многообразие

Творцом просыпанных семян.

Земля, к чему шутить со мною:

Одежды нищенские сбрось

И стань, как ты и есть, звездою,

Огнем пронизанной насквозь!

1917

ДЕВУШКА

Ты говорил слова пустые,

А девушка и расцвела:

Вот чешет косы золотые,

По-праздничному весела.

Теперь ко всем церковным требам

Молиться ходит о твоём.

Ты стал ей солнцем, стал ей небом,

Ты стал ей ласковым дождем.

Глаза темнеют, чуя грозы,

Неровен вздох её и част.

Она пока приносит розы,

А захоти – и жизнь отдаст.

1917

ШВЕЦИЯ

Страна живительной прохлады

Лесов и гор гудящих, где

Всклокоченные водопады

Ревут, как будто быть беде;

Для нас священная навеки

Страна, ты помнишь ли, скажи,

Тот день, как из Варягов в Греки

Пошли суровые мужи?

Ответь, ужели так и надо,

Чтоб был, свидетель злых обид,

У золотых ворот Царьграда

Забыт Олегов медный щит?

Чтобы в томительные бреды

Опять поникла, как вчера,

Для славы, силы и победы

Тобой подъятая сестра?

И неужель твой ветер свежий

Вотще нам в уши сладко выл,

К Руси славянской, печенежьей

Вотще твой Рюрик приходил?

1917

СТОКГОЛЬМ

Зачем он мне снился, смятенный, нестройный,

Рожденный из глуби не наших времен,

Тот сон о Стокгольме, такой беспокойный,

Такой уж почти и не радостный сон...

Быть может, был праздник, не знаю наверно,

Но только все колокол, колокол звал;

Как мощный орган, потрясенный безмерно,

Весь город молился, гудел, грохотал.

Стоял на горе я, как будто народу

О чем-то хотел проповедовать я,

И видел прозрачную тихую воду,

Окрестные рощи, леса и поля.

«О Боже, – вскричал я в тревоге, – что, если

Страна эта истинно родина мне?

Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,

В зеленой и солнечной этой стране?»

И понял, что я заблудился навеки

В слепых переходах пространств и времен,

А где-то струятся родимые реки,

К которым мне путь навсегда запрещен.

1917

НОРВЕЖСКИЕ ГОРЫ

Я ничего не понимаю, горы:

Ваш гимн поет кощунство иль псалом,

И вы, смотрясь в холодные озера,

Молитвой заняты иль колдовством?

Здесь с криками чудовищных глумлений,

Как сатана на огненном коне,

Пер Гюнт летал на бешеном олене

По самой неприступной крутизне.

И, царств земных непризнанный наследник,

Единый побежденный до конца,

Не здесь ли Бранд, суровый проповедник,

Сдвигал лавины именем Творца?

А вечный снег и синяя, как чаша

Сапфирная, сокровищница льда!

Страшна земля, такая же, как наша,

Но не рождающая никогда.

И дивны эти неземные лица,

Чьи кудри – снег, чьи очи – дыры в ад,

С чьих щек, изрытых бурями, струится,

Как борода седая, водопад.

1917

УТЕШЕНИЕ

Кто лежит в могиле,

Слышит дивный звон,

Самых белых лилий

Чует запах он.

Кто лежит в могиле,

Видит вечный свет,

Серафимских крылий

Переливный снег.

Да, ты умираешь,

Руки холодны,

И сама не знаешь

Неземной весны.

Но идешь ты к раю

По моей мольбе.

Это так, я знаю,

Я клянусь тебе.

1917

НА СЕВЕРНОМ МОРЕ

О, да, мы из расы

Завоевателей древних,

Вносящих над Северным морем

Широкий крашеный парус

И прыгавших с длинных стругов

На плоский берег нормандский —

В пределы старинных княжеств

Пожары вносить и смерть.

Уже не одно столетье

Вот так мы бродим по миру,

Мы бродим и трубим в трубы,

Мы бродим и бьем в барабаны:

Не нужны ли крепкие руки,

Не нужно ли твердое сердце,

И красная кровь не нужна ли

Республике иль королю? —

Эй, мальчик, неси нам

Вина скорее,

Малаги, портвейну,

А главное – виски!

Ну, что там такое:

Подводная лодка,

Плавучая мина?

На это есть моряки!

О, да, мы из расы

Завоевателей древних,

Которым вечно скитаться,

Срывать с высоких башен,

Тонуть в седых океанах

И буйной кровью своею

Поить ненасытных пьяниц —

Железо, сталь и свинец.

Но все-таки песни слагают

Поэты на разных наречьях,

И западных, и восточных,

Но все-таки молят монахи

В Мадриде и на Афоне,

Как свечи горя перед Богом,

Но все-таки женщины грезят —

О нас, и только о нас.

1917

ПРАПАМЯТЬ

И вот вся жизнь! Круженье, пенье,

Моря, пустыни, города,

Мелькающее отраженье

Потерянного навсегда.

Бушует пламя, трубят трубы,

И кони рыжие летят,

Потом волнующие губы

О счастье, кажется, твердят.

И вот опять восторг и горе,

Опять, как прежде, как всегда,

Седую гривой машет море,

Встают пустыни, города.

Когда же наконец, восставши

От сна, я буду снова я, —

Простой индеец, задремавший

В священный вечер у ручья?

1917

ПЕСЕНКА

Ты одна благоухаешь,

Ты одна;

Ты проходишь и сияешь,

Как луна.

Вещь, которой ты коснулась,

Вдруг свята,

В ней таинственно проснулась

Красота.

Неужель не бросит каждый

Всех забот,

За тобой со сладкой жадой

Не пойдет?

В небо, чистое, как горе,

Глаз твоих,

В пену сказочного моря

Рук твоих?

Много женщин есть на свете

И мужчин,

Но пришел к заветной мете

Я один.

1917 или 1918?

В БРЕТАНИ

Здравствуй, море! Ты из тех морей,

По которым плавали галеры,

В шелковых кафтанах кавалеры

Покоряли варварских царей.

Только странно, я люблю скорей

Те моря, суровые без меры,

Где акулы, спруты и химеры —

Ужас чернокожих рыбарей.

Те моря... я слушаю их звоны,

Ясно вижу их покров червлёный

В душевной комнате, в тиши ночной,

В час, когда я – как стрела у лука,

А душа – один восторг и мука

Перед страшной женской красотой.

1917

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

Мы покидали Соутгемптон,

И море было голубым.

Когда же мы пристали к Гавру,

То черным сделалось оно.

Я верю в предзнаменования,

Как верю в утренние сны.

Господь, помилуй наши души:

Большая нам грозит беда.

1917

ХОККУ

Вот девушка с газельими глазами

Выходит замуж за американца.

Зачем Колумб Америку открыл?!

1917

Мы в аллеях светлых пролетали,

Мы летели около воды,

Золотые листья опадали

В синие и сонные пруды.

И причуды, и мечты, и думы

Поверяла мне она свои,

Все, что может девушка придумать

О еще неведомой любви.

Говорила: «Да, любовь свободна,

И в любви свободен человек,

Только то лишь сердце благородно,

Что умеет полюбить навек».

Я смотрел в глаза ее большие,

И я видел милое лицо

В рамке, где деревья золотые

С водами слились в одно кольцо.

И я думал: «Нет, любовь не это!

Как пожар в лесу, любовь – в судьбе,

Потому что даже без ответа

Я отныне обречен тебе».

1917

Из букета целого сирени

Мне досталась лишь одна сирень,

И всю ночь я думал об Елене,

А потом томился целый день.

Все казалось мне, что в белой пене

Исчезает милая земля,

Расцветают влажные сирени,

За кормой большого корабля.

И за огненными небесами

Обо мне задумалась она,

Девушка с газельими глазами

Моего любимейшего сна.

Сердце прыгало, как детский мячик,

Я, как брату, верил кораблю,

Оттого что мне нельзя иначе,

Оттого что я ее люблю.

1917

РОЗА

Цветов и песен благодатный хмель

Нам запрещен, как ветхие мечтанья.

Лишь девственные наименованья

Поэтам разрешаются отсель.

Но роза, принесенная в отель,

Забытая нарочно в час прощанья

На томике старинного издания

Канцон, которые слагал Рюдель, —

Ее ведь смею я почтить сонетом:

Мне книга скажет, что любовь одна

В тринадцатом столетии, как в этом,

Печальной смерти и пьяней вина,

И, бархатные лепестки целуя,

Быть может, преступленья не свершу я?

1917

Вероятно, в жизни предыдущей

Я зарезал и отца и мать,

Если в этой – Боже присносуший! —

Так позорно осужден страдать.

Каждый день мой, как мертвец, спокойный,

Все дела чужие, не мои,

Лишь томленье вовсе недостойной,

Вовсе платонической любви.

Ах, бежать бы, скрыться бы, как вору,

В Африку, как прежде, как тогда,

Лечь под царственную сикомору

И не подыматься никогда.

Бархатом меня покроет вечер,

А луна оденет в серебро,

И быть может не припомнит ветер,

Что когда-то я служил в бюро.

1917

Пролетала золотая ночь

И на миг замедлила в пути,

Мне, как другу, захотев помочь,

Ваши письма думала найти —

Те, что Вы не написали мне...

А потом присела на кровать

И сказала: «Знаешь, в тишине

Хорошо бывает помечтать!

Та, другая, вероятно, зла,

Ей с тобой встречаться даже лень,

Полюби меня, ведь я светла,

Так светла, что не светлей и день.

Много расцветает черных роз

В потайных колодцах у меня,

Словно крылья пламенных стрекоз,

Пляшут искры синего огня.

Тот же пламень и в глазах твоих

В миг, когда ты думаешь о ней,

Для тебя сдержу я вороных

Неподатливых моих коней».

Ночь, молю, не мучь меня! Мой рок

Слишком и без этого тяжел,

Неужели, если бы я мог,

От нее давно б я не ушел?

Смертной скорбью я теперь скорблю,

Но какой я дам тебе ответ,

Прежде чем ей не скажу «люблю»

И она мне не ответит «нет».

1917

ТЕЛЕФОН

Неожиданный и смелый

Женский голос в телефоне, —

Сколько сладостных гармоний

В этом голосе без тела!

Счастье, шаг твой благосклонный

Не всегда проходит мимо:

Звонче лютни серафима

Ты и в трубке телефонной!

1917

Я вырван был из жизни тесной,

Из жизни скудной и простой

Твоей мучительной, чудесной,

Неотвратимой красотой.

И умер я... и видел пламя,

Не виданное никогда:

Пред ослепленными глазами

Светилась синяя звезда.

Преображая дух и тело,

Напев вставал и падал вновь.

То говорила и звенела

Твоя поющей лютней кровь.
И запах огненной и слаще
Всего, что в жизни я найду,
И даже лилии, стоящей
В высоком ангельском саду.
И вдруг из глуби осиянной
Возник обратно мир земной.
Ты птицей раненой нежданно
Затрепетала предо мной.
Ты повторяла: «Я страдаю», —
Но что же делать мне, когда
Я наконец так сладко знаю,
Что ты — лишь синяя звезда.
1917

САМОФРАКИЙСКАЯ ПОБЕДА
В час моего ночного бреда
Ты возникаешь пред глазами —
Самофракийская Победа
С простертыми вперед руками.
Спугнув безмолвие ночное,
Рождает головокруженье
Твое крылатое, слепое,
Неудержимое стремленье.
В твоём безумно-светлом взгляде
Смеется что-то, пламенея,
И наши тени мчатся сзади,
Поспеть за нами не умея.
1917

Я И ВЫ
Да, я знаю, я Вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.
Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,

Водопадам и облакам.

Я люблю – как араб в пустыне

Припадает к воде и пьет,

А не рыцарем на картине,

Что на звезды смотрит и ждет.

И умру я не на постели

При нотариусе и враче,

А в какой-нибудь дикой щели,

Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,

Протестантский, прибранный рай,

А туда, где разбойник, мытарь

И блудница крикнут: вставай!

1917

Дремала душа, как слепая,

Так пыльные спят зеркала,

Но солнечным облаком рая

Ты в темное сердце вошла.

Не знал я, что в сердце так много

Созвездий слепящих таких,

Чтоб вымолить счастье у Бога

Для глаз говорящих твоих.

Не знал я, что в сердце так много

Созвучий звенящих таких,

Чтоб вымолить счастье у Бога

Для губ полудетских твоих.

И рад я, что сердце богато,

Ведь тело твое из огня,

Душа твоя дивно крылата,

Певучая ты для меня.

1917

Лишь черный бархат, на котором

Забыт сияющий алмаз,

Сумею я сравнить со взором

Ее почти поющих глаз.

Ее фарфоровое тело

Томит неясной белизной,
Как лепесток сирени белой
Под умирающей луной.
Пусть руки нежно-восковые,
Но кровь в них так же горяча,
Как перед образом Марии
Неугасимая свеча.
И вся она легка, как птица
Осенней ясною порой,
Уже готовая проститься
С печальной северной страной.

1917

Много есть людей, что, полюбив,
Мудрые, дома себе возводят,
Возле их благословенных нив
Дети резвые за стадом бродят.
А другим – жестокая любовь,
Горькие ответы и вопросы,
С желчью смешана, кричит их кровь,
Слух их жалят злобным звоном осы.
А иные любят, как поют,
Как поют, и дивно торжествуют,
В сказочный скрываются приют;
А иные любят, как танцуют.
Как ты любишь, девушка, ответь,
По каким тоскуешь ты истомам?
Неужель ты можешь не гореть
Тайным пламенем, тебе знакомым?
Если ты могла явиться мне
Молнией слепительной Господней,
И отныне я горю в огне,
Вставшем до небес из преисподней.

1917

КАНЦОНА

Храм Твой, Господи, в небесах,

Но земля тоже Твой приют.

Расцветают липы в лесах,

И на липах птицы поют.

Точно благовест Твой, весна

По веселым идет полям,

А весною на крыльях сна

Прилетают ангелы к нам.

Если, Господи, это так,

Если праведно я пою,

Дай мне, Господи, дай мне знак,

Что я волю понял Твою.

Перед той, что сейчас грустна,

Появись, как Незримый Свет,

И на все, что спросит она,

Ослепительный дай ответ.

Ведь отрадней пения птиц,

Благодатней ангельских труб

Нам дрожанье милых ресниц

И улыбка любимых губ.

1917

Однообразные мелькают

Все с той же болью дни мои,

Как будто розы опадают

И умирают соловьи.

Но и она печальна тоже,

Мне приказавшая любовь,

И под ее атласной кожей

Бежит отравленная кровь.

И если я живу на свете,

То лишь из-за одной мечты:

Мы оба, как слепые дети,

Пойдем на горные хребты,

Туда, где бродят только козы,

В мир самых белых облаков,

Искать увянувшие розы

И слушать мертвых соловьев.

1917

Еще не раз Вы вспомните меня
И весь мой мир, волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня,
Но меж других единый необманный.
Он мог стать Вашим тоже, и не стал,
Его Вам было мало или много,
Должно быть, плохо я стихи писал
И Вас несправедливо просил у Бога.
Но каждый раз Вы склонитесь без сил
И скажете: «Я вспоминать не смею,
Ведь мир иной меня обворожил
Простой и грубой прелестью своею».

1917

Так долго сердце боролось,
Слипались усталые веки,
Я думал, пропал мой голос,
Мой звонкий голос навеки.
Но Вы мне его возвратили,
Он вновь мое достоянье,
Вновь в памяти белых лилий
И синих миров сверканье.
Мне ведомы все дороги
На этой земле привольной...
Но Ваши милые ноги
В крови, и Вам бегать больно.
Какой-то маятник злобный
Владеет нашей судьбою,
Он ходит, мечу подобный,
Меж радостью и тоскою.
Тот миг, что я песнью своею
Доволен, – для Вас мученье...
Вам весело – я жалею
О дне моего рожденья.

1917

Отвечай мне, картонажный мастер,
Что ты думал, делая альбом
Для стихов о самой нежной страсти
Толщиною в настоящий том!
Картонажный мастер, глупый, глупый,
Видишь, кончилась моя страда,
Губы милой были слишком скупы,
Сердце не дрожало никогда.
Страсть пропела песней лебединой,
Никогда ей не запеть опять,
Так же, как и женщине с мужчиной
Никогда друг друга не понять.
Но поет мне голос настоящий,
Голос жизни, близкой для меня,
Звонкий, словно водопад кипящий,
Словно гул растущего огня:
«В этом мире есть большие звезды,
В этом мире есть моря и горы,
Здесь любила Беатриче Данта,
Здесь ахейцы разорили Трои!
Если ты теперь же не забудешь
Девушки с огромными глазами,
Девушки с искусными речами,
Девушки, которой ты не нужен,
То и жить ты, значит, недостойн».

1917

На путях зеленых и земных
Горько счастлив темной я судьбою.
А стихи? Ведь ты мне шепчешь их,
Тайно наклоняясь надо мною.
Ты была безумием моим
Или дивной мудростью моею,
Так когда-то грозный серафим
Говорил тоскующему змею:
«Тьмы тысячелетий протекут,
И ты будешь биться в клетке тесной,

Прежде чем настанет Страшный Суд,

Сын придет и Дух придет Небесный.

Это выше нас, и лишь когда

Протекут назначенные сроки,

Утренняя грешная звезда,

Ты придешь к нам, брат печальноокий.

Нежный брат мой, вновь крылатый брат,

Бывший то властителем, то нищим,

За стенами рая новый сад,

Лучший сад с тобою мы отыщем.

Там, где плещет сладкая вода,

Вновь соединим мы наши руки,

Утренняя, милая звезда,

Мы не вспомним о былой разлуке».

1917

Временами, не справясь с тоскою

И не в силах смотреть и дышать,

Я, глаза закрывая рукою,

О тебе начинаю мечтать.

Не о девушке тонкой и томной,

Как тебя увидали бы все,

А о девочке тихой и скромной,

Наклоненной над книжкой Мюссе.

День, когда ты узнала впервые,

Что есть Индия, чудо чудес,

Что есть тигры и пальмы святые —

Для меня этот день не исчез.

Иногда ты смотрела на море,

И над морем сбиралась гроза.

И совсем настоящее горе

Наполняло слезами глаза.

Почему по побережьям безмолвным

Не взноситься дворцам золотым?

Почему по светящимся волнам

Не приходит к тебе серафим?

И я знаю, что в детской постели

Не спалось вечерами тебе,

Сердце билось, и взоры блестели,
О большой ты мечтала судьбе.
Утонув с головой в одеяле,
Ты хотела быть солнца светлей,
Чтобы люди тебя называли
Счастьем, лучшей надеждой своей.
Этот мир не слукавил с тобою,
Ты внезапно прорезала тьму,
Ты явилась слепящей звездой,
Но не всем, только мне одному.
И теперь ты не та, ты забыла
Все, чем прежде ты вздумала стать...
Где надежда? Весь мир – как могила.
Счастье где? Я не в силах дышать.
И, таинственный твой собеседник,
Вот, я душу мою отдаю
За твой маленький смятый передник,
За разбитую куклу твою.

1917

ЭЗБЕКИЕ

Как странно – ровно десять лет прошло
С тех пор, как я увидел Эзбекие,
Большой каирский сад, луною полной
Торжественно в тот вечер освещенный.
Я женщиною был тогда измучен,
И ни соленый, свежий ветер моря,
Ни грохот экзотических базаров,
Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился Богу
И сам ее приблизить был готов.
Но этот сад, он был во всем подобен
Священным рощам молодого мира:
Там пальмы тонкие вносили ветви,
Как девушки, к которым Бог нисходит;
На холмах, словно вещие друиды,
Толпились величавые платаны,

И водопад белел во мраке, точно
Встающий на дыбы единорог;
Ночные бабочки перелетали
Среди цветов, поднявшихся высоко,
Иль между звезд, – так низко были звезды,
Похожие на спелый барбарис.
И, помню, я воскликнул: «Выше горя
И глубже смерти – жизнь! Прими, Господь,
Обет мой вольный: что бы ни случилось,
Какие бы печали, униженья
Ни выпали на долю мне, не раньше
Задумаюсь о легкой смерти я,
Чем вновь войду такой же лунной ночью
Под пальмы и платаны Эзбекие».
Как странно – ровно десять лет прошло,
И не могу не думать я о пальмах,
И о платанах, и о водопаде,
Во мгле белевшем, как единорог.
И вдруг оглядываюсь я, слыша
В гуденьи ветра, в шуме дальней речи
И в ужасающем молчаньи ночи
Таинственное слово – Эзбекие.
Да, только десять лет, но, хмурый странник,
Я снова должен ехать, должен видеть
Моря, и тучи, и чужие лица,
Все, что меня уже не обольщает,
Войти в тот сад и повторить обет
Или сказать, что я его исполнил
И что теперь свободен...

1917

Я говорил – ты хочешь, хочешь?
Могу я быть тобой любим?
Ты счастье странное пророчишь
Гортанным голосом твоим.
А я плачу за счастье много,
Мой дом – из звезд и песен дом,
И будет сладкая тревога

Расти при имени твоём.

И скажут – что он? Только скрипка,

Покорно плачущая, он,

Ее единая улыбка

Рождает этот дивный звон.

И скажут – то луна и море,

Двояко отраженный свет —

И после – о, какое горе,

Что женщины такой же нет!

Но, не ответив мне ни слова,

Она задумчиво прошла,

Она не сделала мне злого,

И жизнь по-прежнему светла.

Ко мне нисходят серафимы,

Пою я полночи и дню,

Но вместо женщины любимой

Цветок засушенный храню.

1917

Я, что мог быть лучшей из поэм,

Звонкой скрипкой или розой белою,

В этом мире сделался ничем,

Вот живу и ничего не делаю.

Часто больно мне и трудно мне,

Только даже боль моя какая-то,

Не ездок на огненном коне,

А томленье и пустая маята.

Ничего я в жизни не пойму,

Лишь шепчу: «Пусть плохо мне приходится,

Было хуже Богу моему,

И больнее было Богородице».

1917

ДВА АДАМА

Мне странно сочетанье слов – «я сам».

Есть внешний, есть и внутренний Адам.

Стихи слагая о любви нездешней,

За женщиной ухаживает внешний.

А внутренний, как враг, следит за ним,

Унылой злобою всегда томим.

И если внешний хитрыми речами,

Улыбкой нежной, нежными очами

Сумеет женщину приворожить,

То внутренний кричит: «Тому не быть!

Не знаешь разве ты, как небо сине,

Как веселы широкие пустыни

И что другая, дивно полюбя,

На ангельских тропинках ждет тебя?»

Но если внешнего напрасны речи

И женщина с ним избегает встречи,

Не хочет ни стихов его, ни глаз —

В безумьи внутренний: «Ведь в первый раз

Мы повстречали ту, что нас обоих

В небесных приютила бы покоях.

Ах ты ворона!» Так среди равнин

Бредут, бранясь, Пьеро и Арлекин.

1917

РАССЫПАЮЩАЯ ЗВЕЗДЫ

Не всегда чужда ты и горда

И меня не хочешь не всегда, —

Тихо, тихо, нежно, как во сне,

Иногда приходишь ты ко мне.

Надо лбом твоим густая прядь,

Мне нельзя ее поцеловать,

И глаза большие зажжены

Светами магической луны.

Нежный друг мой, беспощадный враг,

Так благословен твой каждый шаг,

Словно по сердцу ступаешь ты,

Рассыпая звезды и цветы.

Я не знаю, где ты их взяла,

Только отчего ты так светла?

И тому, кто мог с тобой побыть,

На земле уж нечего любить.

1917

Ты не могла иль не хотела
Мою почувствовать истому,
Твое дурманящее тело
И сердце бережешь другому.
Зато, когда перед бедою
Я обессилю, стиснув зубы,
Ты не придешь смочить водою
Мои запекшиеся губы.
В часы последнего усилья,
Когда и ангелы заблещут,
Твои сияющие крылья
Передо мной не затрепещут.
И встречу радостной победе
Мое ликующее знамя
Ты не поднимешь в реве меди
Своими нежными руками.
И ты меня забудешь скоро,
И я не стану думать, вольный,
О милой девочке, с которой
Мне было нестерпимо больно.

1917

Нежно-небывалая отрада
Прикоснулась к моему плечу,
И теперь мне ничего не надо,
Ни тебя, ни счастья не хочу.
Лишь одно бы принял я не споря —
Тихий, тихий золотой покой
Да двенадцать тысяч футов моря
Над моей пробитой головой.
Что же думать, как бы сладко нежил
Тот покой и вечный гул томил,
Если б только никогда я не жил,
Никогда не пел и не любил.

1917

Они спустились до реки
Смотреть на зарево заката,
Но серебрились их виски
И сердце не было крылато.
Промчался длинный ряд годов,
Годов унынья и печали,
Когда ни алых вечеров,
Ни звезд они не замечали.
Вот все измены прощены
И позабыты все упреки,
О, только б слушать плеск волны,
Природы мудрые уроки!
Как этот ясный водоем,
Навек отринуть самовластье
И быть вдвоем, всегда вдвоем,
Уже не верующим в счастье.
А в роще, ладя самострел,
Ребенок, брат любимый Мая,
На них насмешливо глядел,
Их светлых слез не понимая.

1918

Загробное мщенье

Баллада

Как-то трое изловили

На дороге одного

И жестоко колотили,

Беззащитного, его.

С переломанною грудью

И с разбитой головой,

Он сказал им: «Люди, люди,

Что вы сделали со мной?

Не страшны ни Бог, ни черти,

Но, клянусь, в мой смертный час, —

Притаясь за дверью смерти,

Сторожить я буду вас.

Что я сделаю, о Боже,

С тем, кто в эту дверь вошел!..»

И закинулся прохожий,

Захрипел и отошел.

Через год один разбойник

Умер, и дивился поп,

Почему это покойник

Все никак не входит в гроб.

Весь изогнут, весь скорючен,

На лице тоска и страх,

Оловянный взор измучен,

Капли пота на висках.

Два других бледнее стали

Стираного полотна.

Видно, много есть печали

В царстве неземного сна.

Протекло четыре года,

Умер наконец второй.

Ах, не видела природа

Дикой мерзости такой.

Мертвый глухо выл и хрипло,

Ползал по полу, дрожа,

На лицо его налипла

Мутной сукровицы ржа.

Уж и кости обнажались,

Смрад стоял – не подступить,

Все он выл, и не решались

Гроб его заколотить.

Третий, чувствуя тревогу

Нестерпимую, дрожит

И идет молиться Богу

В отдаленный тихий скит.

Он года хранит молчанье

И не ест по сорок дней,

Исполняя обещанье,

Спит на ложе из камней.

Так он умер, нетревожим;

Но никто не смел сказать,

Что пред этим чистым ложем

Довелось ему видать.

Все бледнели и крестились,

Повторяли: «Горе нам!» —

И в испуге расходились

По трущобам и горам.

И вокруг скита пустого

Терн поднялся и волчцы...

Не творите дела злого —

Мстят жестоко мертвецы.

1918

БАЛЛАДА

Пять коней подарил мне мой друг Люцифер

И одно золотое с рубином кольцо,

Чтобы мог я спускаться в глубины пещер

И увидел небес молодое лицо.

Кони фыркали, били копытом, маня

Понестись на широком пространстве земном,

И я верил, что солнце зажглось для меня,

Просияв, как рубин на кольце золотом.

Много звездных ночей, много огненных дней

Я скитался, не зная скитанью конца,

Я смеялся порывам могучих коней

И игре моего золотого кольца.

Там, на высях сознанья, — безумье и снег,

Но коней я ударил свистящим бичом.

Я на выси сознанья направил их бег

И увидел там деву с печальным лицом.

В тихом голосе слышались звоны струны,

В странном взоре сливался с ответом вопрос,

И я отдал кольцо этой деве луны

За неверный оттенок разбросанных кос.

И, смеясь надо мной, презирая меня,

Люцифер распахнул мне ворота во тьму,

Люцифер подарил мне шестого коня —

И Отчаянье было названье ему.

1918

ВСТУПЛЕНИЕ

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламень и дымы,
О тебе, моя Африка, шепотом
В небесах говорят серафимы.
И, твое открывая Евангелие,
Повесть жизни ужасной и чудной,
О неопытном думают ангеле,
Что приставлен к тебе, безрассудной.
Про деянья свои и фантазии,
Про звериную душу послушай,
Ты, на дереве древнем Евразии
Исполинской висят грушей.
Обреченный тебе, я поведаю
О вождях в леопардовых шкурах,
Что во мраке лесов за победою
Водят полчища воинов хмурых.
О деревнях с кумирами древними,
Что смеются усмешкой недоброй,
И о львах, что стоят над деревнями
И хвостом ударяют о ребра.
Дай за это дорогу мне торную
Там, где нету пути человеку,
Дай назвать моим именем черную,
До сих пор не открытую реку;
И последнюю милость, с которою
Отойду я в селенья святые:
Дай скончаться под той сикоморою,
Где с Христом отдыхала Мария.

1918

КРАСНОЕ МОРЕ

Здравствуй, Красное море, акуля уха,
Негритянская ванна, песчаный котел!
На твоих берегах вместо влажного мха
Известняк, словно каменный кактус, расцвел.

На твоих островах в раскаленном песке,
Позабывших приливом, растущим в ночи,
Издыхают чудовища моря в тоске:
Осьминоги, тритоны и рыбы-мечи.
С африканского берега сотни пирог
Отплывают и жемчуга ищут вокруг,
И стараются их отогнать на восток
С аравийского берега сотни фелуг.
Если негр будет пойман, его уведут
На невольничей рынок Ходейды в цепях,
Но араб несчастливый находит приют
В грязно-рыжих твоих и горячих волнах.
Как учитель среди шалунов, иногда
Океанский проходит среди них пароход.
Под винтом снеговая клокочет вода,
А на палубе – красные розы и лед.
Ты бессильно над ним; пусть ревет ураган,
Пусть волна как хрустальная встанет гора,
Закурив папиросу, вздохнет капитан:
«Слава Богу, свежо! Надоела жара!»
Целый день над водой, словно стая стрекоз,
Золотые летучие рыбы видны,
У песчаных серпами изогнутых кос
Мели, точно цветы, зелены и красны.
Блещет воздух, налитый прозрачным огнем,
Солнце сказочной птицей глядит с высоты:
– Море, Красное море, ты царственно днем,
Но ночами еще ослепительней ты!
Только тучкой скользнут водяные пары,
Тени черных русалок мелькнут на волнах,
Нам чужие созвездья, кресты, топоры
Над тобой загорятся в небесных садах.
И когда выступает луна на зенит,
Вихрь проносится, запахи моря тая,
От Суэца до Бабель-Мандеба звенит,
Как Эолова арфа, поверхность твоя.
На обрывистый берег выходят слоны,
Чутко слушая волн набегающих шум

Обожать отраженье ущербной луны

Подступают к воде и боятся акул.

И ты помнишь, как, только одно из морей,

Ты исполнило некогда Божий закон,

Разорвало могучие сплавы зыбей,

Чтоб прошел Моисей и погиб Фараон.

1918

ЕГИПЕТ

Как картинка из книжки старинной,

Услаждавшей мои вечера,

Изумрудные эти равнины

И раскидистых пальм веера.

И каналы, каналы, каналы.

Что несутся вдоль глиняных стен,

Орошая Дамьетские скалы

Розоватыми брызгами пен.

И такие смешные верблюды,

С телом рыб и с головками змей,

Как огромные древние чуда

Из глубин пышноцветных морей.

Вот каким ты увидишь Египет

В час божественный трижды, когда

Солнцем день человеческий выпит

И, колдуя, струится вода.

К отдаленным платанам цветущим

Ты приходишь, как шел до тебя

Здесь мудрец, говоря с Присносущим,

Птиц и звезды навек полюбя.

То вода ли шумит безмятежно

Между мельничных тяжких колес,

Или Апис мычит белоснежный,

Окровавленный цепью из роз?

Это взор благосклонный Изиды

Иль мерцанье встающей луны?

Но опомнись! Растут пирамиды

Пред тобою, черны и страшны.

На седые от мха их уступы
Ночевать прилетают орлы,
А в глубинах покоятся трупы,
Незнакомые с тленьем, среди мглы.
Сфинкс улегся на страже святыни
И с улыбкой глядит с высоты,
Ожидая гостей из пустыни,
О которых не ведаешь ты.
Но, Египта властитель единый,
Уж колышется нильский разлив
Над чертогами Елефантины,
Над садами Мемфиса и Фив.
Там, взглянув на пустынную реку,
Ты воскликнешь: «Ведь это же сон!
Не прикован я к нашему веку,
Если вижу сквозь бездну времен.
Исполняя царевны веленья,
Не при мне ли нагие рабы
По пустыням таскали каменья,
Воздвигали вот эти столбы?
И столетья затем не при мне ли
Хороводы танцующих жриц
Крокодилу хваления пели,
Перед Ибисом падали ниц?
И, томясь по Антонии миллом,
Поднимая большие глаза,
Клеопатра считала над Нилом
Пробегающие паруса».
Но довольно! Ужели ты хочешь
Вечно жить среди минувших отрад?
И не рад ты сегодняшней ночи
И сегодняшним травам не рад?
Не обломок старинного крипта,
Под твоей зазвеневший ногой, —
Есть другая душа у Египта
И торжественный праздник другой.
Точно дивная Фата-Моргана,
Виден город, у ночи в плену,

Над мечетью султана Гассана
Минарет протыкает луну.
На прохладных открытых террасах
Чешут женщины золото кос,
Угощают подруг темноглазых
Имбирем и вареньем из роз.
Шейхи молятся, строги и хмуры,
И лежит перед ними Коран,
Где персидские миниатюры —
Словно бабочки сказочных стран.
А поэты скандируют строфы,
Развалившись на мягкой софе
Пред кальяном и огненным кофе
Вечерами в прохладных кафе.
Здесь недаром страна сотворила
Поговорку, прошедшую мир:
— Кто испробовал воду из Нила,
Будет вечно стремиться в Каир.
Пусть хозяева здесь — англичане,
Пьют вино и играют в футбол,
И Хедива в высоком Диване
Уж не властен святой произвол!
Пусть! Но истинный царь над страной
Не араб и не белый, а тот,
Кто с сохой или с бороною
Черных буйволов в поле ведет.
Хоть ютится он в доме из ила,
Умирает, как звери, в лесах,
Он любимец священного Нила
И его современник — феллах.
Для него ежегодно разливы
Этих рыжих всклокоченных вод
Затопляют богатые нивы,
Где тройную он жатву берет.
И его ограждают пороги
Полосой острогрудых камней
От нежданной полночной тревоги.

От коротких нубийских мечей.

А ведь знает и коршун бессонный:

Вся страна – это только река.

Окаймленная рамкой зеленой

И другой, золотой, из песка.

Если аист задумчивый близко

Поселится на поле твоём,

Напиши по-английски записку

И ему привяжи под крылом.

И весной на листе эвкалипта,

Если аист вернется назад,

Ты получишь привет из Египта

От веселых феллашских ребят.

1918

САХАРА

Все пустыни друг другу от века родны,

Но Аравия, Сирия, Гоби —

Это лишь затиханье сахарской волны,

В сатанинской воспрянувшей злобе.

Плещет Красное море, Персидский залив,

И глубоко снега на Памире,

Но ее океана песчаный разлив

До зеленой доходит Сибири.

Ни в дремучих лесах, ни в просторе морей —

Ты в одной лишь пустыне на свете

Не захочешь людей и не встретишь людей,

А полюбишь лишь солнце да ветер.

Солнце клонит лицо с голубой вышины,

И лицо это девственно юно,

И, как струи пролитого солнца, ровны

Золотые песчаные дюны.

Всюду башни, дворцы из порфириных скал,

Вкруг фонтаны и пальмы на страже,

Это солнце на глади воздушных зеркал

Пишет кистью лучистой миражи.

Живописец небесный вечерней порой

У подножия скал и растений

На песке, как на гладкой доске золотой,
Расстигает лиловые тени.
И, небесный певец, лишь подаст оно знак,
Прозвучат гармоничные звоны —
Это лопнет налитый огнем известняк
И рассыплется пылью червленной.
Блещут скалы, темнеют под ними внизу
Древних рек каменистые ложа.
На покрытое волнами море в грозу,
Ты промолвишь, Сахара похожа.
Но взглядишь: эта вечная слава песка —
Только горнего отсвет пожара.
С небесами, где легкие спят облака,
Бродят радуги, схожа Сахара.
Буйный ветер в пустыне второй властелин.
Вот он мчится порывами, точно
Средь высоких холмов и широких долин
Дорогой иноходец восточный.
И звенит и поет, поднимаясь, песок,
Он узнал своего господина,
Воздух меркнет, становится солнца зрачок
Как гранатовая сердцевина.
И, чудовищных пальм вековые стволы,
Вихри пыли взметнулись и пухнут,
Выгибаясь, качаясь, проходят среди мглы.
Тайно веришь – вовеки не рухнут.
Так и будут бродить до скончанья веков,
Каждый час все грозней и грознее,
Головой пропадая среди облаков,
Эти страшные серые змеи.
Но мгновенье... отстанет и дрогнет одна
И осядет песчаная груда,
Это значит – в пути спотыкнулась она
О ревущего в страхе верблюда.
И когда на проясневшей глади равнин
Все полягут, как новые горы,
В Средиземное море уходит хамсин

Кровь дурманить и сеять раздоры.
И стоит караван, и его проводник
Всюду посохом шарит в тревоге.
Где-то около плещет знакомый родник,
Но к нему он не знает дороги.
А в оазисе слышится ржанье коня
И под пальмами веянье нарда,
Хоть редки острова в океане огня,
Точно пятна на шкуре гепарда.
Но здесь часто звучит оглушительный вой,
Блещут копья и веют бурнусы.
Туарегов, что западной правят страной,
На востоке не любят тиббусы.
И пока они бьются за пальмовый лес,
За верблюда иль взоры рабыни,
Их родную Тибести, Мурзук, Гадамес
Заметают пески из пустыни.
Потому что пустынные ветры горды
И не знают преград своеволью,
Рушат стены, сады засыпают, пруды
Отравляют белеющей солью.
И, быть может, немного осталось веков,
Как на мир наш, зеленый и старый,
Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары.
Средиземное море засыпят они,
И Париж, и Москву, и Афины,
И мы будем в небесные верить огни,
На верблюдах своих бедуины.
И когда наконец корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной золотой океан
И дадут ему имя: Сахара.

1918

СУДАН

Ах, наверно, сегодняшним утром
Слишком громко звучат барабаны,

Крокодилей обтянуты кожей,
Слишком громко взывают колдуньи
На утесах Нубийского Нила,
Потому что сжимается сердце,
Лоб горяч и глаза потемнели,
И в мечтах оживленная пристань.
Голоса смуглолицых матросов,
В пенных ключьях веселое море,
А за морем ущелье Дар-Фура,
Галереи – леса Кордофана
И великие воды Борну.
Города, озаренные солнцем,
Словно клады в зеленых трущобах,
А из них, как грозящие руки,
Минареты возносятся к небу.
А на тронах из кости слоновой
Восседают, как древние бреды,
Короли и владыки Судана;
Рядом с каждым прикованный цепью,
Лев прищурился, голову поднял
И с усов лижет кровь человечесью,
Рядом с каждым играет секирой
Толстогубый, с лоснящейся кожей,
Черный, словно душа властелина,
В ярко-красной одежде палач.
Перед ними торговцы рабами
Свой товар горделиво проводят,
Стонут люди в тяжких колодках,
И белки их сверкают на солнце,
Проезжают вожди из пустыни,
В их тюрбанах жемчужные нити,
Перья длинные страуса вьются
Над затылком играющих коней,
И надменно проходят французы,
Гладко выбриты, в белой одежде,
В их карманах бумаги с печатью,
Их завидя, владыки Судана

Поднимаются с тронов своих.
А кругом на широких равнинах,
Где трава укрывает жирафа,
Садовод Всемогущего Бога
В серебрящейся мантии крыльев
Сотворил отражение рая:
Он раскинул тенистые рощи
Прихотливых мимоз и акаций,
Рассадил по холмам баобабы,
В галереях лесов, где прохладно
И светло, как в дорическом храме,
Он провел многоводные реки
И в могучем порыве восторга
Создал тихое озеро Чад.
А потом, улыбнувшись, как мальчик,
Что придумал забавную шутку,
Он собрал здесь совсем небывалых,
Удивительных птиц и животных.
Краски взяв у пустынных закатов,
Попугаям он перья раскрасил,
Дал слону он клыки, что белее
Облаков африканского неба,
Льва одел золотой одеждой
И пятнистой одел леопарда,
Сделал рог, как янтарь, носорогу,
Дал газели девичьи глаза.
И ушел на далекие звезды —
Может быть, их раскрашивать тоже.
Бродят звери, как Бог им назначил,
К водопою собираются вместе
И не знают, что дивно-прекрасны,
Что таких, как они, не отыщешь,
И не знает об этом охотник,
Что в пылающий полдень таится
За кустом с ядовитой стрелою
И кричит над поверженным зверем,
Исполняя охотничью пляску,
И уносит владыкам Судана

Дорогую добычу свою.

Но роднят обитателей степи

Иногда луговые пожары.

День, когда затмевается солнце

От летящего по ветру пепла

И невиданным зверем багровым

На равнинах шевелится пламя,

Этот день – оглушительный праздник,

Что приветливый Дьявол устроил

Даме Смерти и Ужасу брату!

В этот день не узнать человека

Средь толпы опаленных, ревущих,

Всюду бьющих клыками, рогами,

Сознающих одно лишь: огонь!

Вечер. Глаз различить не умеет

Ярких нитей на поясе белом;

Это знак, что должны мусульмане

Пред Аллахом свершить омовенье,

Тот водой, кто в лесу над рекою,

Тот песком, кто в безводной пустыне.

И от голых песчаных утесов

Беспокойного Красного моря

До зеленых валов многопенных

Атлантического океана

Люди молятся. Тихо в Судане,

И над ним, над огромным ребенком,

Верю, верю, склоняется Бог.

1918

АБИССИНИЯ

Между берегом буйного Красного моря
И Суданским таинственным лесом видна,
Разметавшись среди четырех плоскогорий,
С отдыхающей львицею схожа, страна.
Север – это болото без дна и без края,
Змеи черные подступы к ним стерегут,
Их сестер-лихорадок зловецкая стая
Желтолицая, здесь обрела свой приют.
А над ними нахмурились мрачные горы,
Вековая обитель разбоя, Тигрэ,
Где оскалены бездны, взъерошены боры
И вершины стоят в снеговом серебре.
В плодоносной Амхаре и сеют и косят,
Зебры любят мешаться в домашний табун,
И под вечер прохладные ветры разносят
Звуки песен гортанных и рокота струн.
Абиссинец поет, и рыдает багана,
Воскрешая минувшее, полное чар;
Было время, когда перед озером Тана
Королевской столицей взносился Гондар.
Под платанами спорил о Боге ученый,
Вдруг пленяя толпу благозвучным стихом,
Живописцы писали царя Соломона
Меж царицею Савской и ласковым львом.
Но, поверив шванской искательной лести,
Из старинной отчизны поэтов и роз
Мудрый слон Абиссинии, Негус Негести,
В каменистую Шоа свой трон перенес.
В Шоа воины сильны, свирепы и грубы,
Курят трубки и пьют опьяняющий тедш,
Любят слышать одни барабаны да трубы,
Мазать маслом ружье да оттачивать меч.
Харраритов, галла, сомали, данакилей,
Любоедов и карликов в чаще лесов
Своему Менелику они покорили,
Устелили дворец его шкурами львов.

И, смотря на утесы у горных подножий,

На дубы и огромных небес торжество,

Европеец дивится, как странно похожи

Друг на друга народ и отчизна его.

Колдовская страна! Ты на дне котловины
Задыхаешься, льется огонь с высоты,
Над тобою разносится крик ястребиный,
Но в сияньи заметишь ли ястреба ты?
Пальмы, кактусы, в рост человеческий травы,
Слишком много здесь этой паленой травы...
Осторожнее! в ней притаились удавы,
Притаились пантеры и рыжие львы.
По обрывам и кручам дорогой тяжелой
Поднимись, и нежданно увидишь вокруг
Сикоморы и розы, веселые села
И зеленый, народом пестреющий луг.
Там колдун совершает привычное чудо,
Тут, покорна напеву, танцует змея,
Кто сто талеров взял за больного верблюда,
Сев на камне в тени, разбирает судья.
Поднимись еще выше! Какая прохлада!
Точно поздней осенью, пусты поля,
На рассвете ручьи замерзают, и стадо
Собирается в кучи под кровлей жилья.
Павианы рычат среди кустов молочая,
Перепачкавшись в белом и липком соку,
Мчатся всадники, длинные копья бросая,
Из винтовок стреляя на полном скаку.
Выше только утесы, нагие стремнины,
Где кочуют ветра да ликуют орлы,
Человек не взбирался туда, и вершины
Под тропическим солнцем от снега белы.
И повсюду, вверху и внизу, караваны
Видят солнце и пьют неоглядный простор,
Уходя в до сих пор неоткрытые страны
За слоновью костью и золотом гор.
Как любил я бродить по таким же дорогам,
Видеть вечером звезды, как крупный горох,
Выбегать на холмы за козлом длиннорогим,
На ночлег зарываться в седеющий мох!

Есть музей этнографии в городе этом
Над широкой, как Нил, многоводной Невой,
В час, когда я устану быть только поэтом,
Ничего не найду я желанней его.
Я хожу туда трогать дикарские вещи,
Что когда-то я сам издалека привез,
Чують запах их странный, родной и зловещий,
Запах ладана, шерсти звериной и роз.
И я вижу, как южное солнце пылает,
Леопард, изогнувшись, ползет на врага,
И как в хижине дымной меня поджидает
Для веселой охоты мой старый слуга.
1918

ГАЛЛА

Восемь дней из Харрара я вел караван
Сквозь Черчерские дикие горы
И седых на деревьях стрелял обезьян,
Засыпал среди корней сикоморы.
На девятую ночь я увидел с горы —
Эту ночь никогда не забуду —
Там, внизу, в отдаленной равнине, костры,
Точно красные звезды, повсюду.
И помчались одни за другими они,
Словно тучи в сияющей сини,
Ночи трижды святые и яркие дни
На широкой галласской равнине.
Все, к чему приближался навстречу я тут,
Было больше, чем видел я раньше.
Я смотрел, как огромных верблюдов пасут
У широких прудов великанши;
Как саженого роста галласы, скача
В леопардовых шкурах и львиных,
Убегающих страусов рубят сплеча
На горячих конях-исполинах;
И как поят парным молоком старики
Умирающих змей престарелых...
И, мыча, от меня убежали быки,

Никогда не выдавшие белых.

Вечерами я слышал у входа пещер

Звуки песен и бой барабанов,

И тогда мне казалось, что я Гулливер,

Позабывший в стране великанов.

И таинственный город, тропический Рим,

Шейх-Гуссейн я увидел высокий,

Поклонился мечети и пальмам святым,

Был допущен пред очи пророка.

Жирный негр восседал на персидских коврах,

В полутемной, неубранной зале,

Точно идол, в браслетах, серьгах и перстнях,

Лишь глаза его дивно сверкали.

Я склонился, он мне улыбнулся в ответ,

По плечу меня с лаской ударя,

Я бельгийский ему подарил пистолет

И портрет моего государя.

Все расспрашивал он, много ль знают о нем

В отдаленной и дикой России...

Вплоть до моря он славен своим колдовством,

И дела его точно благие:

Если мула в лесу ты не можешь найти

Или раб убежал беспокойный,

Все получишь ты вдруг, обещав принести

Шейх-Гуссейну подарок пристойный.

1918

СОМАЛИ

Помню ночь и песчаную помню страну

И на небе так низко луну,

И я помню, что глаз я не мог отвести

От ее золотого пути.

Там светло и, наверное, птицы поют

И цветы над прудами цветут,

Там не слышно, как бродят свирепые львы,

Наполняя рыканием рвы,

Не хватают мимозы колючей рукой

Проходящего в бездне ночной.

В этот вечер, лишь тени кустов поползли,
Подходили ко мне сомали.
Вождь их с рыжею шапкой косматых волос
Смертный мне приговор произнес,
И насмешливый взор из-под спущенных век
Видал, сколько со мной человек.
Завтра бой, беспощадный томительный бой,
С завывающей черной толпой,
Под ногами верблюдов сплетение тел,
Дождь отравленных копий и стрел...
И до боли я думал, что там, на луне,
Враг не мог бы подкрасться ко мне.
Ровно в полночь я мой разбудил караван,
За холмом грохотал океан.
Люди гибли в пучине, и мы на земле
Тоже гибели ждали во мгле.
Мы пустились в дорогу. Дышала трава,
Точно шкура вспотевшего льва,
И белели среди черных священных камней
Вороха черепов и костей.
В целой Африке нету грозней сомали,
Безотраднее нет их земли,
Сколько белых пронзило во мраке копье
У песчаных колодцев ее,
Но приходят они и сражаются тут,
Умирают и снова идут.
И когда, перед утром, склонилась луна,
Уж не та, а страшна и красна,
Понял я, что она, словно рыцарский щит,
Вечной славой героям горит,
И верблюдов велел положить, и ружью
Вверил вольную душу мою.

1918

МАДАГАСКАР

Сердце билось, смертно тоскуя,
Целый день я бродил в тоске,

И мне снилось ночью: плыву я
По какой-то большой реке.
С каждым мигом все шире, шире
И светлей, и светлей река,
Я в совсем неведомом мире,
И ладья моя так легка.
Красный идол на белом камне
Мне поведал разгадку чар,
Красный идол на белом камне
Громко крикнул: «Мадагаскар!»
В раззолоченных паланкинах,
В дивно-вырезанных ладьях,
На широких воловьих спинах
И на звонко ржущих конях,
Там, где пели и трепетали
Легких тысячи лебедей,
Друг за другом вслед выступали
Смуглолицых толпы людей.
И о том, как руки принцессы
Домогался старый жених,
Сочиняли смешные пьесы
И сейчас же играли их.
А в роскошной форме гусарской
Благосклонно на них взирал
Королевы мадагаскарской
Самый преданный генерал.
Между них быки Томатавы,
Схожи с грудой темных камней,
Пожирали жирные травы
Благовоньем полных полей.
И вздыхал я, зачем плыву я,
Не останусь я здесь зачем:
Неужель и здесь не спою я
Самых лучших моих поэм?
Только голос мой был не слышен,
И никто мне не мог помочь,
А на крыльях летучей мыши

Опускалась теплая ночь.
Небеса и лес потемнели,
Смолкли лебеди в забытьи...
...Я лежал на моей постели
И грустил о моей ладье.
1918

ЗАМБЕЗИ

Точно медь в самородном железе,
Иглы пламени врезаны в ночь,
Набухают валы на Замбези
И уносятся с гиканьем прочь.
Сквозь неистовство молнии белой
Что-то видно над влажной скалой,
Там могучее черное тело
Налегло на топор боевой.
Раздается гортанное пенье.
Шар земной облетающих муз
Непреложны повсюду веленья!..
Он поет, этот воин-зулус:
«Я дремал в заповедном краале
И услышал рычание льва,
Сердце сжалось от сладкой печали,
Закружилась моя голова.
Меч метнулся мне в руку, сверкая,
Распахнулась таинственно дверь,
И лежал предо мной издыхая
Золотой и рыкающий зверь.
И запели мне духи тумана:
«Твой навек да прославится гнев!
Ты достойный потомок Дингана,
Разрушитель, убийца и лев!» —
С той поры я всегда наготове,
По ночам мне не хочется спать,
Много, много мне надобно крови,
Чтобы жажду мою утолять.
За большими, как тучи, горами,
По болотам близ устья реки

Я арабам, торговцам рабами,
Выпускал ассагаем кишки.
И спускался я к бурам в равнины
Принести на просторы лесов
Восемь ран, украшений мужчины,
И одиннадцать вражьих голов.
Тридцать лет я по лесу блуждаю,
Не боюсь ни людей, ни огня,
Ни богов... но что знаю, то знаю:
Есть один, кто сильнее меня.
Это слон в неизведанных чащах,
Он, как я, одинок и велик
И вонзает во всех проходящих
Пожелтевший изломанный клык.
Я мечтаю о нем беспрестанно,
Я всегда его вижу во сне,
Потому что мне духи тумана
Рассказали об этом слоне.
С ним борьба для меня бесполезна,
Сердце знает, что буду убит,
Распахнется небесная бездна
И Динган, мой отец, закричит:
«Да, ты не был трусливой собакой,
Львом ты был между яростных львов,
Так садись между мною и Чакой
На скамье из людских черепов!»

1918

ГОТТЕНТОТСКАЯ КОСМОГОНИЯ

Человеку грешно гордиться,
Человека ничтожна сила,
Над землю когда-то птица
Человека сильней царила.
По утрам выходила рано
К берегам крутым океана
И глотала целые скалы,
Острова целиком глотала.

А священными вечерами,
Над багряными облаками
Поднимая голову, пела,
Пела Богу про Божье дело.
А ногами чертила знаки,
Те, что знают в подземном мраке,
Все, что будет, и все, что было,
На песке ногами чертила.
И была она так прекрасна,
Так чертила, пела согласно,
Что решила с Богом сравниться
Неразумная эта птица.
Бог, который весь мир расчислил,
Угадал ее злые мысли
И обрек ее на несчастье,
Разорвал ее на две части.
И из верхней части, что пела,
Пела Богу про Божье дело,
Родились на свет готтентоты
И поют, поют без заботы.
А из нижней, чертившей знаки,
Те, что знают в подземном мраке,
Появились на свет бушмены,
Украшают знаками стены.
А те перья, что улетели
Далеко в океан, доселе
К нам плывут, как белые люди,
И когда их довольно будет,
Вновь срастутся бывшие части
И опять изведают счастье,
В белых перьях большая птица
На своей земле воцарится.

1918

ДАГОМЕЯ

Царь сказал своему полководцу: «Могучий,
Ты высок, точно слон дагомейских лесов.
Но ты все-таки ниже торжественной кучи

Отсеченных тобой человеческих голов.

И как доблесть твоя, о испытанный воин,

Так и милость моя не имеет конца.

Видишь солнце над морем? Ступай! Ты достоин

Быть слугой моего золотого отца».

Барабаны забили, защелкали бубны,

Преклоненные люди завыли вокруг,

Амазонки запели протяжно, и трубный

Прокатился по морю от берега звук.

Полководец царю поклонился в молчаньи

И с утеса в бурливую воду прыгнул,

И тонул он в воде, а казалось – в сияньи

Золотого закатного солнца тонул.

Оглушали его барабаны и крики,

Ослепляли соленые брызги волны,

Он исчез. И блистало лицо у владыки,

Точно черное солнце подземной страны.

1918

НИГЕР

Я на карте моей под ненужною сеткой

Сочиненных для скуки долгот и широт

Замечаю, как что-то чернеющей веткой,

Виноградной оброненной веткой ползет.

А вокруг города, точно горсть виноградин,

Это – Бусса, и Гомба, и царь Тимбукту.

Самый звук этих слов мне, как солнце, отраден,

Точно бой барабанов, он будит мечту.

Но не верю, не верю я, справлюсь по книге.

Ведь должна же граница и тупости быть!

Да, написано Нигер... О царственный Нигер,

Вот как люди посмели тебя оскорбить!

Ты торжественным морем течешь по Судану,

Ты сражаешься с хищною стаей песков,

И когда приближаешься ты к океану,

С середины твоей не видать берегов.

Бегемотов твоих розоватые рыла

Точно свай незримого чудо-моста,
И винты пароходов твои крокодилы
Разбивают могучим ударом хвоста.
Я тебе, о мой Нигер, готовлю другую,
Небывалую карту, отраду для глаз,
Я широкою лентой парчу золотую
Положу на зеленый и нежный атлас.
Снизу слева кровавые лягут рубины,
Это – край металлических странных богов.
Кто зарыл их в угрюмых ущельях Бенины
Меж слоновьих клыков и людских черепов?
Дальше справа, где рощи густые Сокото,
На атлас положу я большой изумруд.
Здесь богаты деревни, привольна охота,
Здесь свободные люди, как птицы, поют.
Дальше бледный опал, прихотливо мерца
Затаенным в нем красным и синим огнем,
Мне так сладко напомнит равнины Сонгаи
И султана сонгайского глиняный дом.
И жемчужиной дивной, конечно, означен
Будет город сияющих крыш, Тимбукту,
Над которым и коршун кричит, озадачен,
Видя в сердце пустыни мимозы в цвету,
Видя девушек смуглых и гибких, как лозы,
Чье дыханье пьяней бальзамических смол,
И фонтаны в садах, и кровавые розы,
Что венчают вождей поэтических школ.
Сердце Африки пенья полно и пыланья,
И я знаю, что, если мы видим порой
Сны, которым найти не умеем названья,
Это ветер приносит их, Африка, твой!

1918

АЛЖИР И ТУНИС

От Европы старинной
Оторвавшись, Алжир,
Как изгнанник невинный,
В знойной Африке сир.

И к Италии дальной
Дивно выгнутый мыс
Простирает печальный
Брат Алжира, Тунис.
Здесь по-прежнему стойки
Под напором ветров
Башни римской постройки,
Колоннады дворцов.
У крутых побережий
На зеленом лугу
Липы, ясени те же,
Что на том берегу.
И Атласа громада
Тяжела и черна,
Словно Сьерра-Невада
Ей от века родна.
Этих каменных скатов
Мы боялись, когда
Варварийских пиратов
Здесь гнездились суда.
И кровавились воды,
И молил Сервантес
Вожденной свободы
У горячих небес.
Но Алжирского бея
Дни давно пронеслись.
За Алжиром, слабея,
Покорился Тунис.
И, бывшие союзы
Вспомнив с этой страной,
Захватили французы
Край наследственный свой.
Ныне эти долины
Игр и песен приют,
С крутизны Константины
Христиан не столкнут.
Нож кривой янычара

Их не срубят голов

И под пулей Жерара

Пал последний из львов.

И в стране, превращенной

В фантастический сад,

До сих пор запрещенный,

Вновь зацвел виноград.

Средь полей кукурузы

Поднялись города,

Где смакуют французы

Смесь абсента и льда.

И глядят бедуины,

Уважая гостей,

На большие витрины

Чужеземных сластей.

Но на север и ныне

Юг оскалил клыки.

Все ползут из пустыни

Рыжей стаей пески.

Вместо хижин – могилы,

Вместо озера – рвы...

И отходят кабилы,

Огрызаясь, как львы.

Только белый бороться

Рад со всяким врагом:

Вырывает колодцы,

Садит пальмы кругом.

Он выходит навстречу

Этой тучи сухой,

Словно рыцарь на сечу

С исполинской змеей.

И, как нежные девы

Золотой старины,

В тихом поле посева

Им одним спасены.

1918–1921

Тот дом был красная, слепая,
Остроконечная стена.
И только наверху, сверкая,
Два узких виделись окна.
Я дверь толкнул. Мне ясно было,
Здесь не откажут пришлецу.
Так может мертвый лечь в могилу,
Так может сын войти к отцу.
Дрожал вверху под самым сводом
Неясный остов корабля,
Который плыл по бурным водам
С надежным кормчим у руля.
А снизу шум взносился многий,
То пела за скамьей скамья,
И был пред ними некто строгий,
Читавший книгу Бытия.
И в тот же самый миг безмерность
Мне в грудь плеснула, как волна,
И понял я, что достоверность
Теперь навек обретена.
Когда я вышел, увидали
Мои глаза, что мир стал нем.
Предметы мира убегали,
Их будто не было совсем.
И только на заре слепящей,
Где небом кончилась земля,
Призывно реял уходящий
Флаг неземного корабля.

1919

МОЙ ЧАС

Еще не наступил рассвет,
Ни ночи нет, ни утра нет,
Ворона под моим окном
Спросонья шевелит крылом
И в небе за звездой звезда
Истаивает навсегда.

Вот час, когда я все могу:
Проникнуть помыслом к врагу
Беспомощному и на грудь
Кошмаром гривистым вскакнуть.
Иль в спальню девушки войти,
Куда лишь ангел знал пути,
И в сонной памяти ее,
Лучом прорезав забытье,
Запечатлеть свои черты,
Как символ высшей красоты.
Но тихо в мире, тихо так,
Что внятн осторожный шаг
Ночного зверя и полет
Совы кочевницы высот.
А где-то пляшет океан,
Над ним белесый встал туман,
Как дым из трубки моряка,
Чей труп чуть виден из песка.
Передрагсветный ветерок
Струится, весел и жесток,
Так странно весел, точно я,
Жесток – совсем судьба моя.
Чужая жизнь – на что она?
Свою я выпью ли до дна?
Пойму ль всей волею моей
Единый из земных стеблей?
Вы, спящие вокруг меня,
Вы, не встречающие дня,
За то, что пощадил я вас
И одиноко сжег свой час,
Оставьте завтрашнюю тьму
Мне также встретить одному.

1919

КАНЦОНА

Закричал громогласно
В сине-черную сонь
На дворе моем красный

И пернатый огонь.

Ветер милый и вольный,

Прилетевший с луны,

Хлещет дерзко и больно

По щекам тишины.

И, вступая на кручи,

Молодая заря

Кормит жадные тучи

Ячменем янтаря.

В этот час я родился,

В этот час и умру,

И зато мне не снился

Путь, ведущий к добру.

И уста мои рады

Целовать лишь одну,

Ту, с которой не надо

Улетать в вышину.

1919

ЕСТЕСТВО

Я не печалюсь, что с природы

Покров, ее скрывавший, снят,

Что древний лес, седые воды

Не кроют фавнов и наяд.

Не человеческою речью

Гудят пустынные ветра

И не усталость человечью

Нам возвещают вечера.

Нет, в этих медленных, инертных

Преображеньях естества —

Залог бессмертия для смертных,

Первоначальные слова.

Поэт, лишь ты единый в силе

Постичь ужасный тот язык,

Которым сфинксы говорили

В кругу драконовых владык.

Стань ныне вещью, Богом бывши,

И слово вещи возгласи,

Чтоб шар земной, тебя родивший,

Вдруг дрогнул на своей оси.

1919

ДУША И ТЕЛО

Над городом плывет ночная тишь,
И каждый шорох делается глуше,
А ты, душа, ты все-таки молчишь,
Помилуй, Боже, мраморные души.
И отвечала мне душа моя,
Как будто арфы дальние пропели:
«Зачем открыла я для бытия
Глаза в презренном человеческом теле?
Безумная, я бросила мой дом,
К иному устремясь великолепью,
И шар земной мне сделался ядром,
К какому каторжник прикован цепью.
Ах, я возненавидела любовь,
Болезнь, которой все у вас подвластно,
Которая туманит вновь и вновь
Мир мне чужой, но стройный и прекрасный.
И если что еще меня роднит
С былым, мерцающим в планетном хоре,
То это горе, мой надежный щит,
Холодное презрительное горе».

||

Закат из золотого стал как медь,
Покрылись облака зеленой ржою,
И телу я сказал тогда: «Ответь
На все провозглашенное душою».
И тело мне ответило мое,
Простое тело, но с горячей кровью:
«Не знаю я, что значит бытие,
Хотя и знаю, что зовут любовью.
Люблю в соленой плескаться волне,
Прислушиваться к крикам ястребиным,
Люблю на необъезженном коне
Нестись по лугу, пахнущему тмином.
И женщину люблю... когда глаза
Ее потупленные я целую,
Я пьяно, будто близится гроза,
Иль будто пью я воду ключевую.
Но я за все, что взяло и хочу,
За все печали, радости и бредни,
Как подобает мужу, заплачу
Непоправимой гибелью последней».

Когда же слово Бога с высоты
Большой Медведицею заблестело,
С вопросом: «Кто же, вопрошатель, ты?» —
Душа предстала предо мной и тело.
На них я взоры медленно вознес
И милостиво дерзостным ответил:
«Скажите мне, ужель разумен пес,
Который воет, если месяц светел?
Ужели вам допрашивать меня,
Меня, кому единое мгновенье —
Весь срок от первого земного дня
До огненного светопреставленья?
Меня, кто, словно древо Игдразиль,
Пророс главою семью семь вселенных
И для очей которого как пыль
Поля земные и поля блаженных?
Я тот, кто спит, и кроет глубина
Его невыразимое прозвание;
А вы, вы только слабый отсвет сна,
Бегущего на дне его сознанья!»

1919

СЛОВО

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.
И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.
А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умногое число передает.
Патриарх седой, себе под руку

Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.
Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово – это Бог.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.
1919

ЛЕС

В том лесу белесоватые стволы
Выступали неожиданно из мглы,
Из земли за корнем корень выходил,
Точно руки обитателей могил.
Под покровом ярко-огненной листвы
Великаны жили, карлики и львы,
И следы в песке видали рыбаки
Шестипалой человеческой руки.
Никогда сюда тропа не завела
Пэра Франции иль Круглого Стола,
И разбойник не гнезвился здесь в кустах,
И пещерки не выкапывал монах.
Только раз отсюда в вечер грозовой
Вышла женщина с кошачьей головой,
Но в короне из литого серебра,
И вздыхала, и стонала до утра,
И скончалась тихой смертью на заре,
Перед тем, как дал причастье ей кюре.
Это было, это было в те года,
От которых не осталось и следа,
Это было, это было в той стране,
О которой не загрезишь и во сне.
Я придумал это, глядя на твои
Косы-кольца огневещей змеи,

На твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза.
Может быть, тот лес – душа твоя.
Может быть, тот лес – любовь моя,
Или, может быть, когда умрем,
Мы в тот лес направимся вдвоем.
1919

ПЕРСИДСКАЯ МИНИАТЮРА

Когда я кончу наконец
Игру в cache-cache[1] со смертью хмурой,
То сделает меня Творец
Персидскою миниатюрой.
И небо, точно бирюза,
И принц, поднявший еле-еле
Миңдалевидные глаза
На взлет девических качелей.
С копьем окровавленным шах,
Стремящийся тропой неверной
На киноварных высотах
За улетающую серной.
И ни во сне, ни наяву
Не виданные туберозы,
И сладким вечером в траву
Уже наклоненные лозы.
А на обратной стороне,
Как облака Тибета, чистой,
Носить отрадно будет мне
Значок великого артиста.
Благоухающий старик,
Негоциант или придворный,
Взглянув, меня полюбит вмиг
Любовью острой и упорной.
Его однообразных дней
Звездой я буду путеводной,
Вино, любовниц и друзей
Я замену поочередно.

И вот когда я уголю

Без упоенья, без страданья

Старинную мечту мою —

Будить повсюду обожанье.

1919

С тобой мы связаны одною цепью,

Но я доволен и пою.

Я небывалому великолепию

Живую душу отдаю.

А ты поглядываешь исподлобья

На солнце, на меня, на всех,

Для девичьего твоего незлобья

Вселенная – пустой орех.

И все-то споришь ты, и взоры строги,

И неудачней с каждым днем

Замысловатые твои предлоги,

Чтобы не быть со мной вдвоем.

1920

От всех заклятий Трисмегиста —

Орфеевых алмазных слов

Для твари, чистой и нечистой,

Для звезд и адовых столбов

Одно осталось. Но могуче

Оно как ты. Ему дано

И править молнией летучей,

И воду претворять в вино.

И все мы помним это имя,

Но только редко говорим.

Стыдимся мы входить слепыми

В сияющий Иерусалим.

Ты, стройная, одно несмело

Сказала: «Вот пришла любовь!»

И зазвенела, и запела,

Ожила огненная кровь.

Я на щеке твоей, согретой

Лучами солнца, целовал

И тени трав, и пламень лета,

И неба синего кристалл.

1919

Если плохо мужикам,

Хорошо зато медведям,

Хорошо и их соседям

И кабанам, и волкам.

Забираются в овчарни,

Топчут тощие овсы —

Ведь давно издохли псы,

На войну угнали парней.

И в воде озер, морей

Даже рыба издерзела,

Рыло высунула смело,

Ловит мух и комарей.

Будет! Всадники — конь о конь!

Пешие — плечо с плечом!

Посмотрите: в Волге окунь,

А в Оке зубастый сом.

Скучно с жиру им чудесить,

Сети ждут они давно.

Бросьте в борозду зерно —

Принесет оно сам-десять.

Потрудись, честной народ,

У тебя ли силы мало?

И наешься до отвала,

Не смотря соседу в рот.

1919

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ТРАМВАЙ

Шел по улице я незнакомой

И вдруг услышал вороний грай,

И звоны лютни, и дальние громы, —

Передо мною летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку,

Было загадкою для меня,

В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.
Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.
Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трем мостам.
И, промелькнув у оконной рамы,
Бросил нам вслед пытливый взгляд
Нищий старик, – конечно, тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.
Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет?
Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят – зеленная, – знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.
В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.
А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.
Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла!
Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренною косой
Шел представляться Императрице
И не увиделся вновь с тобой.

Понял теперь я: наша свобода —

Только оттуда бьющий свет,

Люди и тени стоят у входа

В зоологический сад планет.

И сразу ветер знакомый и сладкий,

И за мостом летит на меня

Всадника длань в железной перчатке

И два копыта его коня.

Верной твердынею православья

Врезан Исакий в вышине,

Там отслужу молебен о здравьи

Машеньки и панихиду по мне.

И все ж навеки сердце угрюмо,

И трудно дышать, и больно жить...

Машенька, я никогда не думал,

Что можно так любить и грустить.

1919

У ЦЫГАН

Толстый, качался он, как в дурмане,

Зубы блестели из-под хищных усов,

На ярко-красном его доломане

Сплетались узлы золотых шнуров.

Струна... и гортанный вопль... и сразу

Сладостно так заныла кровь моя,

Так убедительно поверил я рассказу

Про иные, родные мне края.

Вещие струны — это жилы бычьи,

Но горькой травой питались быки,

Гортанный голос — жалобы девичьи

Из-под зажимающей рот руки.

Пламя костра, пламя костра, колонны

Красных стволов и оглушительный гик,

Ржавые листья топчет гость влюбленный,

Кружащийся в толпе бенгальский тигр.

Капли крови текут с усов колючих,

Томно ему, он сыт, он опьянел,

Ах, здесь слишком много бубнов гремучих,

Слишком много сладких, пахучих тел.

Мне ли видеть его в дыму сигарном,

Где пробки хлопают, люди кричат,

На мокром столе чубуком янтарным

Злого сердца отстукивающим такт?

Мне, кто помнит его в струге алмазном,

На убегающей к Творцу реке,

Грозою ангелов и сладким соблазном

С кровавой лилией в тонкой руке?

Девушка, что же ты? Ведь гость богатый,

Встань перед ним, как комета в ночи.

Сердце крылатое в груди косматой

Вырви, вырви сердце и растопчи.

Шире, все шире, кругами, кругами

Ходи, ходи и рукой мани,

Так пар вечерний плавает лугами,

Когда за лесом огни и огни.

Вот струны-быки и слева и справа,

Рога их – смерть и мычанье – беда,

У них на пастбище горькие травы,

Колючий волнец, полынь, лебеда.

Хочет встать, не может... кремень зубчатый,

Зубчатый кремень, как гортанный крик,

Под бархатной лапой, грозно подъятой,

В его крылатое сердце проник.

Рухнул грудью, путая аксельбанты,

Уже ни пить, ни смотреть нельзя,

Засуетились официанты,

Пьяного гостя унося.

Что ж, господа, половина шестого?

Счет, Асмодей, нам приготовь!

Девушка, смеясь, с полосы кремневой

Узким язычком слизывает кровь.

1920

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Серебром холодной зари
Озаряется небосвод.
Меж Стамбулом и Скутари
Пробирается пароход.
Как дельфины, пляшут ладьи,
И так радостно солонь
Молодые губы твои
От соленой свежей волны.
Вот, как рыжая грива льва,
Поднялись три большие скалы —
Это Принцесы острова
Выступают из синей мглы.
В море просветы янтаря
И кровавых кораллов лес,
Иль то розовая заря
Утонула, сойдя с небес?
Нет, то просто красных медуз
Проплывает огромный рой,
Как сказал нам один француз, —
Он ухаживал за тобой.
Посмотри, он идет опять
И целует руку твою...
Но могу ли я ревновать —
Я, который слишком люблю?..
Ведь всю ночь, пока ты спала,
Ни на миг не мог я заснуть,
Все смотрел, как дивно бела
С царским кубком схожая грудь.
И плывем мы древним путем
Перелетных веселых птиц,
Наяву, не во сне мы плывем
К золотой стране небылиц.

||

Сеткой путаной мачт и рей
И домов, сбежавших с вершин,
Поднялся пред нами Пирей,
Корабельщик старый Афин.
Паровоз упрямый, пыhti!
Дребезжи и скрипи, вагон!
Нам дано наконец прийти
Под давно родной небосклон.
Покрывает июльский дождь
Жемчугами твою вуаль,
Тонкий абрис масличных рощ
Нам бросает навстречу даль.
Мы в Афинах. Бежим скорей
По тропинкам и по скалам:
За оградю тополей
Встал высокий мраморный храм,
Храм Палладе. До этих пор
Ты была не совсем моя.
Брось в расселину лундор —
И могучей станешь, как я.
Ты поймешь, что страшного нет
И печального тоже нет,
И в душе твой вспыхнет свет
Самых вольных Божьих комет.
Но мы станем одно вдвоем
В этот тихий вечерний час,
И богиня с длинным копьем
Повенчает для славы нас.

Чайки манят нас в Порт-Саид,
Ветер зной из пустыни донес.
Остается направо Крит,
А налево милый Родос.
Вот широкий Лессепсов мол,
Ослепительные дома,
Гул, как будто от роя пчел,
И на пристани кутерьма.
Дело важное здесь нам есть —
Без него был бы день наш пуст —
На террасе отеля сесть
И спросить печеных лангуст.
Ничего нет в мире вкусней
Розоватого их хвоста,
Если соком рейнских полей
Пряность легкая полита.
Теплый вечер. Смолкает гам,
И дома в прозрачной тени,
По утихнувшим площадям
Мы с тобой проходим одни.
Я рассказываю тебе,
Овладев рукою твоей,
О чудесной, как сон, судьбе,
О твоей судьбе и моей.
Вспоминаю, что в прошлом был
Месяц черный, как черный ад,
Мы расстались, и я манил
Лишь стихами тебя назад.
Только вспомнишь – и нет вокруг
Тонких пальм, и фонтан не бьет,
Чтобы ехать дальше на юг,
Нас не ждет большой пароход.
Петербургская злая ночь;
Я один, и перо в руке,
И никто не может помочь
Безысходной моей тоске.

Со стихами грустят листы,
Может быть, ты их не прочтешь...
Ах, зачем поверила ты
В человечесью скучную ложь?
Я люблю, бессмертно люблю
Все, что пело в твоих словах,
И скорблю, смертельно скорблю
О твоих губах-лепестках.
Яд любви и позор мечты!
Обессилен, не знаю я —
Что же сон? Жестокая ты
Или нежная и моя?
1920

ПАМЯТЬ

Анне Николаевне Гумилевой

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.
Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня.
Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак рощ
Лист опавший, колдовской ребенок,
Словом останавливавший дождь.
Дерево да рыжая собака,
Вот кого он взял себе в друзья,
Память, Память, ты не сыщешь знака,
Не уверишь мир, что то был я.
И второй... любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звоны лир,
Говорил, что жизнь — его подруга,
Коврик под его ногами — мир.
Он совсем не нравится мне, это

Он хотел стать богом и царем,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.
Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрелка.
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака.
Высока была его палатка,
Мулы были резвы и сильны,
Как вино, впивал он воздух сладкий
Белому неведомой страны.
Память, ты слабее год от году,
Тот ли это или кто другой
Променял веселую свободу
На священный долгожданный бой.
Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.
Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.
Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.
И тогда повеет ветер странный
И прольется с неба страшный свет,
Это Млечный Путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет.
Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но все пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.
Крикну я... но разве кто поможет,
Чтоб моя душа не умерла?

Только змеи сбрасывают кожи,

Мы меняем души, не тела.

1920

КАНЦОНА

И совсем не в мире мы, а где-то

На задворках мира среди теней,

Сонно перелистывает лето

Синие страницы ясных дней.

Маятник, старательный и грубый,

Времени непризнанный жених,

Заговорщицам секундам рубит

Головы хорошенькие их.

Так пыльна здесь каждая дорога,

Каждый куст так хочет быть сухим,

Что не приведет единорога

Под уздцы к нам белый серафим.

И в твоей лишь сокровенной грусти,

Милая, есть огненный дурман,

Что в проклятом этом захолустьи —

Точно ветер из далеких стран.

Там, где все сверканье, все движенье,

Пенье все, — мы там с тобой живем,

Здесь же только наше отраженье

Полонил гниющий водоем.

1920

СЛОНЕНОК

Моя любовь к тебе сейчас — слоненок,

Родившийся в Берлине или Париже

И топающий ватными ступнями

По комнатам хозяина зверинца.

Не предлагай ему французских булок,

Не предлагай ему кочней капустных,

Он может съесть лишь дольку мандарина,

Кусочек сахара или конфету.

Не плачь, о нежная, что в тесной клетке

Он сделается посмеяньем черни,

Чтоб в нос ему пускали дым сигары
Приказчики под хохот мидинеток.
Не думай, милая, что день настанет,
Когда, взбесившись, разорвет он цепи,
И побежит по улицам, и будет,
Как автобус, давить людей вопящих.
Нет, пусть тебе приснится он под утро
В парче и меди, в страусовых перьях,
Как тот, Великолепный, что когда-то
Нес к трепетному Риму Ганнибала.
1920

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.
Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?
Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти все мимо, мимо.
Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Все ж мучится таинственным желаньем.
Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья, —
Так век за веком – скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

1920

ОЛЬГА

«Эльга, Эльга!» – звучало над полями,
Где ломали друг другу крестцы
С голубыми, свирепыми глазами
И жилистыми руками молодцы.
«Ольга, Ольга!» – вопили древляне
С волосами желтыми, как мед,
Выцарапывая в раскаленной бане
Окровавленными ногтями ход.
И за дальними морями чужими
Не уставала звенеть,
То же звонкое вызванивая имя,
Варяжская сталь в византийскую медь.
Все забыл я, что помнил ране,
Христианские имена,
И твое лишь имя, Ольга, для моей гортани
Слаще самого старого вина.
Год за годом все неизбежней
Запевают в крови века,
Опьянен я тяжестью прежней
Скандинавского костяка.
Древних ратей воин отсталый,
К этой жизни затая вражду,
Сумасшедших сводов Валгаллы,
Славных битв и пиров я жду.
Вижу череп с брагой хмельною,
Бычьи розовые хребты,
И валькирией надо мною,
Ольга, Ольга, кружишь ты.

1920

ПЬЯНЫЙ ДЕРВИШ

Соловьи на кипарисах и над озером луна,
Камень черный, камень белый, много выпил я вина,
Мне сейчас бутылка пела громче сердца моего:
Мир лишь луч от лика друга, все иное – тень его!

Виночерпия взлюбил я не сегодня, не вчера,

Не вчера и не сегодня пьяный с самого утра.

И хожу и похваляюсь, что узнал я торжество:

Мир лишь луч от лика друга, все иное тень его!

Я бродяга и трущобник, непутевый человек,

Все, чему я научился, все забыл теперь навек,

Ради розовой усмешки и напева одного:

Мир лишь луч от лика друга, все иное тень его!

Вот иду я по могилам, где лежат мои друзья,

О любви спросить у мертвых неужели мне нельзя?

И кричит из ямы череп тайну гроба своего:

Мир лишь луч от лика друга, все иное тень его!

Под луною всколыхнулись в дымном озере струи,

На высоких кипарисах замолчали соловьи,

Лишь один запел так громко, тот, не певший ничего:

Мир лишь луч от лика друга, все иное тень его!

1920

Нет, ничего не изменилось

В природе бедной и простой,

Все только дивно озарилось

Невыразимой красотой.

Такой и явится, наверно,

Людская немощная плоть,

Когда ее из тьмы безмерной

В час судный воззовет Господь.

Знай, друг мой гордый, друг мой нежный,

С тобою, лишь с тобой одной,

Рыжеволосой, белоснежной,

Я стал на миг самим собой.

Ты улыбнулась, дорогая,

И ты не поняла сама,

Как ты сияешь и какая

Вокруг тебя сгустилась мгла.

1920

ИНДЮК

На утре памяти неверной
Я вспоминаю пестрый луг,
Где царствовал высокомерный,
Мной обожаемый индюк.
Была в нем злоба и свобода,
Был клюв его как пламя ал,
И за мои четыре года
Меня он остро презирал.
Ни шоколад, ни карамели,
Ни ананасная вода
Меня утешить не умели
В сознании моего стыда.
И вновь пришла беда большая,
И стыд, и горе детских лет:
Ты, обожаемая, злая,
Мне гордо отвечаешь: «Нет!»
Но все проходит в жизни зыбкой —
Пройдет любовь, пройдет тоска,
И вспомню я тебя с улыбкой,
Как вспоминаю индюка.

1920

ДЕВА-ПТИЦА

Пастух веселый
Поутру рано
Выгнал коров в тенистые доли
Броселианы.
Паслись коровы,
И песню своих веселий
На тростниковой
Играл он свирели.
И вдруг за ветвями
Послышался голос, как будто не птичий,
Он видит птицу, как пламя,
С головкой милой, девичьей.
Прерывно пенье,
Так плачет во сне младенец,
В черных глазах томленье,

Как у восточных пленниц.

Пастух дивится

И смотрит зорко:

«Такая красивая птица,

А стонет так горько».

Ее ответу

Он внемлет, смущенный:

«Мне подобных нету

На земле зеленой.

Хоть мальчик-птица,

Исполненный дивных желаний,

И должен родиться

В Броселиане,

Но злая

Судьба нам не даст наслажденья;

Подумай, пастух, должна я

Умереть до его рожденья.

И вот мне не любы

Ни солнце, ни месяц высокий,

Никому не нужны мои губы

И бледные щёки.

Но всего мне жальче,

Хоть и всего дороже,

Что птица-мальчик

Будет печальным тоже.

Он станет порхать по лугу,

Садиться на вяза эти

И звать подругу,

Которой уж нет на свете.

Пастух, ты, наверно, грубый,

Ну что ж, я терпеть умею,

Подойди, поцелуй мои губы

И хрупкую шею.

Ты юн, захочешь жениться,

У тебя будут дети,

И память о деве-птице

Долетит до иных столетий».

Пастух вдыхает запах
Кожи, солнцем нагретой,
Слышит: на птичьих лапах
Звенят золотые браслеты.
Вот уже он в исступленьи,
Что делает, сам не знает,
Загорелые его колени
Красные перья попирают.
Только раз застонала птица,
Раз один застонала,
И в груди ее сердце биться
Вдруг перестало.
Она не воскреснет,
Глаза помутнели,
И грустные песни
Над нею играет пастух на свирели.
С вечерней прохладой
Встают седые туманы,
И гонит он к дому стадо
Из Броселианы.

1921

ЛЕОПАРД

Если убитому леопарду не опалить немедленно усов, дух его будет преследовать охотника.

Абиссинское поверье
Колдовством и ворожбою
В тишине глухих ночей
Леопард, убитый мною,
Занят в комнате моей.
Люди входят и уходят,
Позже всех уходит та,
Для которой в жилах бродит
Золотая темнота.
Поздно. Мыши засвистели,
Глухо крякнул домовой,
И мурлычет у постели
Леопард, убитый мной.

«По ущельям Добробрана
Сизый плавает туман,
Солнце, красное как рана,
Озарило Добробран.
Запах меда и вервены
Ветер гонит на восток,
И ревут, ревут гиены,
Зарывая нос в песок.
Брат мой, враг мой, ревы слышишь,
Запах чуешь, видишь дым?
Для чего ж тогда ты дышишь
Этим воздухом сырым?
Нет, ты должен, мой убийца,
Умереть в стране моей,
Чтоб я снова мог родиться
В леопардовой семье».
Неужели до рассвета
Мне ловить лукавый зов?
Ах, не слушал я совета,
Не спалил ему усов.
Только поздно! Вражья сила
Одолела и близка:
Вот затылок мне сдавила
Точно медная рука...
Пальмы... С неба страшный пламень
Жжет песчаный водоем...
Данакиль припал за камень
С пламенеющим копьем.
Он не знает и не спросит,
Чем душа моя горда,
Только душу эту бросит,
Сам не ведая куда.
И не в силах я бороться,
Я спокоен, я встаю,
У жирафьего колодца
Я окончу жизнь мою.

МОЛИТВА МАСТЕРОВ

Я помню древнюю молитву мастеров:

Храни нас, Господи, от тех учеников,

Которые хотят, чтоб наш убогий гений

Кощунственно искал все новых откровений.

Нам может нравиться прямой и честный враг,

Но эти каждый наш выслеживают шаг,

Их радует, что мы в борении, покуда

Петр отрекается и предает Иуда.

Лишь небу ведомы пределы наших сил,

Потомством взвесится, кто сколько утаил,

Что создадим мы впредь, на это власть Господня,

Но что мы создали, то с нами посегодня.

Всем оскорбителям мы говорим привет,

Превозносителям мы отвечаем – нет!

Упреки льстивые и гул молвы хвалебный

Равно для творческой святыни не потребны,

Вам стыдно мастера дурманить беленой,

Как карфагенского слона перед войной.

1921

Вот гиацинты под блеском

Электрического фонаря,

Под блеском белым и резким

Зажглись и стоят, горя.

И вот душа пошатнулась,

Словно с ангелом говоря,

Пошатнулась и вдруг качнулась

В сине-бархатные моря.

И верит, что выше свода

Небесного Божий свет,

И знает, что, где свобода

Без Бога, там света нет.

Когда и вы захотите

Узнать, в какие сады

Ее увел повелитель,

Создатель каждой звезды,

И как светлы лабиринты

В садах за Млечным Путем —

Смотрите на гиацинты

Под электрическим фонарем.

1921

ПОЭМА НАЧАЛА

КНИГА ПЕРВАЯ. ДРАКОН

Песнь первая

1

Из-за свежих волн океана

Красный бык приподнял рога,

И бежали лани тумана

Под скалистые берега.

Под скалистыми берегами

В многошумной сырой тени

Серебристыми жемчугами

Оседали на мох они.

Красный бык изменяет лица:

Вот широко крылья простер

И парит, огромная птица,

Пожирающая простор.

Вот к дверям голубой кумирни,

Ключ держа от тайн и чудес,

Он восходит, стрелок и лирник,

По открытой тропе небес.

Ветры, дуйте, чтоб волны пели,

Чтоб в лесах гудели стволы,

Войте, ветры, в трубы ущелий,

Возглашая ему хвалы!

2

Освежив горячее тело

Благовонной ночью тьмой,

Вновь берется земля за дело,

Непонятное ей самой.

Наливает зеленым соком

Детски нежные стебли трав

И багряным, дивно-высоким

Благородное сердце льва.

И, всегда желая иного,

На голодный жаркий песок

Проливает снова и снова

И зеленый и красный сок.

С сотворенья мира стократы,

Умирая, менялся прах:

Этот камень рычал когда-то,

Этот плюц парил в облаках.

Убивая и воскрешая,

Набухать вселенской душой

В этом воля земли святая,

Непонятная ей самой.

3

Океан косматый и сонный,

Отыскав надежный упор,

Тупо терся губой зеленой

О подножие Лунных гор.

И над ним стеною отвесной

Разбежалась и замерла,

Упираясь в купол небесный,

Аметистовая скала.

До глубин ночами и днями

Аметист светился и цвел

Многоцветными огоньками,

Точно роем веселых пчел,

Потому что свивал там кольца,

Вековой досыпая сон,

Старше вод и светлее солнца,

Золоточешуйный дракон.

И подобной чаши священной

Для вина первозданных сил

Не носило тело вселенной,

И Творец в мечтах не носил.

4

Пробудился дракон и поднял

Янтари грозových зрачков,

Первый раз он взглянул сегодня

После сна десяти веков.

И ему не казалось светлым

Солнце, юное для людей.

Был как будто засыпан пеплом

Жар пылавших в море огней.

Но иная радость глубоко

В сердце зрела, как сладкий плод,

Он почуял веянье рока,

Милой смерти неслышный лет.

Говор моря и ветер южный

Заводили песню одну:

«Ты простишься с землей ненужной

И уйдешь домой, в тишину.

О твое усталое тело

Притупила жизнь острие.

Губы смерти нежны, и бело

Молодое лицо ее».

5

А с востока, из мглы белесой,

Где в лесу змеилась тропа,

Превышая вершину леса

Ярко-красной повязкой лба,

Пальм стройней и крепче платанов,

Неуклонней разлива рек,

В одеяньях серебротканых

Шел неведомый человек.

Шел один, спокойно и строго

Опуская глаза, как тот,

Кто давно знакомой дорогой

Много дней и ночей идет.

И казалось, земля бежала

Под его стопы, как вода,

Смоляною доской лежала

На груди его борода.

Точно высечен из гранита,

Лик был светел, но взгляд тяжел...

Жрец Лемурии, Морадита,

К золотому дракону шел.

6

Было страшно, точно без брони

Встретить меч, разящий в упор,

Увидать нежданно драконий

И холодный и скользкий взор.

Помнил жрец, что десять столетий

Каждый бывший здесь человек

Видал лишь багровые сети

Крокодильих сомкнутых век.

Но молчал он и черной пикой

(У мудрейших водилось так)

На песке пред своим владыкой

Начертал таинственный знак:

Точно жезл, во прахе лежавший,

Символ смертного естества,

И отвесный, обозначавший

Нисхождение божества,

И короткий, меж них сокрытый,

Точно связь этих двух миров...

Не хотел открыть Морадита

Зверю тайны чудесной слов.

7

И дракон прочел, наклоня

Взоры к смертному в первый раз:

«Есть, владыка, нить золотая,

Что связует тебя и нас.

Много лет я провел во мраке,

Постигая смысл бытия,

Видишь, знаю святыя знаки,

Что хранит твоя чешуя.

Отблеск их от солнца до меди

Изучил я ночью и днем,

Я следил, как во сне ты бредил,

Переменным горя огнем.

И я знаю, что заповедней

Этих сфер, и крестов, и чаш,

Пробудившись в свой день последний,

Нам ты знанье свое отдашь.

Зарожденье, преображенье

И ужасный конец миров

Ты за ревностное служенье

От своих не скроешь жрецов».

8

Засверкали в ответ чешуи

На взнесенной мостом спине,

Как сверкают речные струи

При склоняющейся луне.

И, кусая губы сердито,

Подавляя потоки слов,

Стал читать на них Морадита

Сочетанье черт и крестов:

«Разве в мире сильных не стало.

Что тебе я знанье отдам?

Я вручу его розе алой,

Водопадам и облакам;

Я вручу его кряжам горным,

Стражам косного бытия,

Семизвездию, в небе черном

Изогнувшемуся, как я.

Или ветру, сыну Удачи,

Что свою прославляет мать,

Но не твари с кровью горячей,

Не умеющую сверкать!»

9

Только сухо хрустнула пика,

Переломленная жрецом,

Только взоры сверкнули дико

Над гранитным его лицом

И уставились непреклонно

В муть уже потухавших глаз

Умиряющего дракона —

Повелителя древних рас.

Человечья теснила сила

Нестерпимую ей судьбу.

Синей кровью большая жила

Налилась на открытом лбу,

Приоткрылись губы, и вольно

Прокатился по берегам

Голос яркий, густой и полный,

Как полуденный запах пальм.

Первый раз уста человека

Говорить осмелились днем,

Раздалось в первый раз от века

Запрещенное слово: «ОМ»!

10

Солнце вспыхнуло красным жаром

И надтреснуло. Метеор

Оторвался и легким паром

От него рванулся в простор.

После многих тысячелетий

Где-нибудь за Млечным Путем

Он расскажет встречной комете

О таинственном слове «ОМ».

Океан взревел и, взметенный,

Отступил горой серебра.

Так отходит зверь, обожженный

Головной людского костра.

Ветви лапчатые платанов,

Распластавшись, легли на песок,

Никакой напор ураганов

Так согнуть их досель не мог.

И звенело болью мгновенной,

Тонким воздухом и огнем

Сотрясая тело вселенной,

Заповедное слово «ОМ».

11

Содрогнулся дракон и снова

Устремил на пришельца взор,

Смерть боролась в нем силу слова,

Незнакомую до сих пор.

Смерть, надежный его союзник,

Наплывала издалека,
Как меха исполинской кузни,
Раздувались его бока.
Когти лап в предсмертном томленьи
Бороздили поверхность скал,
Но без голоса, без движенья
Нес он муку свою и ждал.
Белый холод последней боли
Плавал по сердцу, и вот-вот
От сжигающей сердце воли
Человеческой он уйдет.
Понял жрец, что страшна потеря
И что смерти не обмануть,
Поднял правую лапу зверя
И себе положил на грудь.

12

Капли крови из свежей раны
Потекли, красны и теплы,
Как ключи на заре багряной
Из глубин меловой скалы.
Дивной перевязью священной
Заалели ее струи
На мерцании драгоценной
Золотеющей чешуи.
Точно солнце в рассветном небе,
Наливался жизнью дракон,
Крылья рвались по ветру, гребень
Петушиный встал, обагрен.
И когда, без слов, без движенья,
Взором жрец его вновь спросил
О рожденье, преображенье
И конце первозданных сил,
Переливы чешуй далече
Озарили уступы круч,
Точно голос нечеловечий,
Превращенный из звука в луч.

1921

МОИ ЧИТАТЕЛИ

Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне черного копьеносца
С приветом, составленным из моих стихов.
Лейтенант, водивший канонерки
Под огнем неприятельских батарей,
Целую ночь над южным морем
Читал мне на память мои стихи.
Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подошел пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.
Много их, сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, веселой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.
Я не оскорбляю их неврастением,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выеденного яйца.
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать что надо.
И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: «Я не люблю вас», —
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти, и не возвращаться больше.
А когда придет их последний час,
Ровный, красный туман застелет взоры,

Я научу их сразу припомнить

Всю жестокую, милую жизнь,

Всю родную, странную землю

И, представ перед ликом Бога

С простыми и мудрыми словами,

Ждать спокойно Его суда.

1921

На далекой звезде Венере

Солнце пламенной и золотистой.

На Венере, ах, на Венере

У деревьев синие листья.

Всюду вольные звонкие воды,

Реки, гейзеры, водопады

Распевают в полдень песнь свободы.

Ночью пламенеют, как лампы.

На Венере, ах, на Венере

Нету слов обидных или властных.

Говорят ангелы на Венере

Языком из одних только гласных.

Если скажут «еа» и «аи» —

Это радостное обещанье,

«Уо», «ао» — о древнем рае

Золотое воспоминанье.

На Венере, ах, на Венере

Нету смерти, терпкой и душной.

Если умирают на Венере —

Превращаются в пар воздушный.

И блуждают золотые дымы

В синих синих вечерних куцах

Иль, как радостные пилигримы,

Навещают еще живущих.

1921

После стольких лет

Я пришел назад.

Но изгнанник я,

И за мной следят.

– Я ждала тебя

Столько долгих лет!

Для любви моей

Расстоянья нет.

– В стороне чужой

Жизнь прошла моя.

Как <украли?> жизнь,

Не заметил я.

– Жизнь моя была

Сладостною мне.

Я ждала тебя,

Видела во сне.

Смерть в доме моем

И в доме твоём.

– Ничего, что смерть,

Если мы вдвоем.

1921

*

Я сам над собой насмеялся

И сам я себя обманул,

Когда мог подумать, что в мире

Есть что-нибудь кроме тебя.

Лишь белая, в белой одежде,

Как в пеплуме древних богинь,

Ты держишь хрустальную сферу

В прозрачных и тонких перстах.

А все океаны, все горы,

Архангелы, люди, цветы —

Они в хрустале отразились

Прозрачных девических глаз.

Как странно подумать, что в мире

Есть что-нибудь кроме тебя,

Что сам я не только ночная,

Бессонная песнь о тебе.

Но свет у тебя за плечами,

Такой ослепительный свет.

Там длинные пламени реют,

Как два золотые крыла.

1921

Комментарии

При жизни Н.С. Гумилева увидели свет его поэтические книги «Путь конквистадоров» (вышла в 1905 г. в Санкт-Петербурге, за счет автора), «Романтические цветы» (вышла в 1908 г. в Париже, за счет автора, третье издание – в Петрограде в 1918 г., на титульном листе обозначено «Санкт-Петербург»), «Жемчуга» (вышла в 1910 г. в Москве, второе издание – в 1918 г. в Петрограде, на титульном листе обозначено «Санкт-Петербург»), «Чужое небо» (вышла в 1912 г. в Санкт-Петербурге), «Колчан» (на титульном листе обозначено «Москва – Петроград» и год 1916, хотя книга вышла в конце 1915 г.), «Костер» (вышла в 1918 году в Петрограде), поэма «Мик» (вышла в 1918 г. в Петрограде) «Фарфоровый павильон» (вышла в 1918 г. в Петрограде), «Шатер» (вышла в 1921 г. в Севастополе) и «Огненный столп» (вышла в 1921 г. в Петрограде).

В данном собрании произведения Н.С. Гумилева печатаются по изданию «Николай Гумилев. Сочинения в трех томах. Том первый» (М., «Художественная литература», 1991).

Оссиан

Впервые: «Путь конквистадоров» (СПб., 1905).

Стихотворение названо по имени легендарного кельтского воина и барда, жившего в III в. Шотландец Дж. Макферсон (1736–1796) опубликовал в конце XVIII в. свои сочинения, заявив, что они являются переводами найденных им подлинных песен Оссиана. Мистификация была быстро разоблачена, однако стихи по тематике и лирическому настрою так соответствовали духу эпохи предромантизма, что вызвали массу подражаний. Перевод поэм Дж. Макферсона к началу XX в. несколько раз издавался на русском языке.

Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий // Упал под мечом короля океана, Сварана. – Н.С. Гумилев отклонился от первоисточника: Сваран победил Кухулина, но не убил его.

Зловеще рыдали сивиллы седой заклинанья... – В Древней Греции сивиллами, или сибиллами, звали странствующих пророчиц; впоследствии слово сделалось нарицательным.

И встретил Сваран исступленный, в грозе ликованья, // Героя героев, владыку пустыни, Фингала. – Сваран был, в свою очередь, побежден Фингалом. Следует добавить, что именование Фингала «владыкой пустыни», так же как и некоторые другие обороты, напрямую отсылают к поэме Дж. Макферсона.

Крыса

Впервые: «Романтические цветы» (Пг., 1918).

Где он, где он, ангел светлокрылый? – Согласно народным поверьям, к каждому человеку приставлены ангел и черт, которые борются за его душу. Однако, по тем же самым поверьям, ангел-хранитель находится за правым плечом человека всегда, призывать его нет нужды.

Сонет

Впервые: «Путь конквистадоров» (СПб., 1905).

Стихотворение названо по стихотворной форме, в которой оно написано. Сонет состоит из двух четверостиший (катрены) и двух заключительных трехстиший (терцеты), зарифмованных особым образом.

Как конквистадор в панцире железном... – Конквистадорами или конкистадорами назывались испанские завоеватели, вторгнувшиеся в XV–XVI вв. на Американский континент и покорившие огромные территории.

Я лилию добуду голубую. – Образ «голубого цветка», заимствованный из романа «Генрих фон Офтердинген» немецкого романтика Новалиса (1772–1801), широко использовался в символизме как символ идеальных устремлений.

Пещера сна

Впервые: журнал «Весы», 1906, № 6.

Мы с тобой увидим Люцифера. – Под именем Люцифера у отцов церкви упоминается сатана, тогда как в герметической философии Люцифер соотносится с тайнами, которые доступны лишь избранным (см. также комментарии к стихотворению «Баллада»).

Фея Маб свои расскажет сказки... – Персонаж английских сказок фея Маб впоследствии перешла в литературу; она упоминается, в частности, у В. Шекспира, стала героиней поэмы П.Б. Шелли.

И спугнет, блуждая, Вечный Жид... – Упоминается персонаж многочисленных средневековых преданий, из которых наиболее распространена немецкая версия. Согласно ей, шествуя на Голгофу, Христос хотел отдохнуть возле дома сапожника Агасфера, но тот грубо его прогнал. За это Агасфер был наказан вечными скитаниями. Сюжет об Агасфере относится к числу самых популярных в литературе романтизма, достаточно сказать, что его использовали И.В. Гёте, П.Б. Шелли, В.А. Жуковский.

Но когда воздушный лунный знак // Люцифер – блуждающую тенью. – В магии Люцифер соотносится с луной.

«Мореплаватель Павзаний...»

Впервые: журнал «Перевал», 1907, № 11.

Мореплаватель Павзаний... – Древнегреческий писатель и путешественник Павсаний (2 в.) прославился как автор труда «Описание Эллады», где собраны разнообразнейшие сведения, касающиеся искусства, мифологии, архитектуры, истории и религии.

И большого крокодила. – Крокодил, по мнению египтян, наделенный даром предвиденья, рассматривался как эмблема верховного божества.

Извращений Каракаллы. – Имеется в виду римский император Марк Аврелий Антонин (186–217), который насаждал культ богини Исиды (см. комментарии к стихотворению «Египет»). Прозвище Каракалла он получил из-за введенной им галльской одежды – длинного, до щиколоток, халата.

И в пурпуровом уборе... – В Древнем Риме одежда, окрашенная пурпуром, особым красящим веществом органического происхождения, была принадлежностью высших должностных лиц.

Суетились у галеры... – Упоминается большое гребное судно особого типа, распространенное в Античности и Средневековье.

И изящные гетеры... – В Древней Греции гетерами назывались незамужние образованные женщины, которые вели свободный образ

жизни. Однако гетерами называли также и проституток.

Поднимали в честь Венеры... – Венера у римлян, отождествлявшаяся с древнегреческой Афродитой, была богиней любви и красоты.

Крест

Впервые: «Литературные понедельники» газеты «Слово», 1906, 26 июня, № 18.

Весь банк, – закричал, – покрываю я в карте! – При игре ва-банк ставка равняется всему банку. Отсюда происходит и выражение «идти ва-банк», то есть рисковать всем.

«Музы, рыдать перестаньте...»

Впервые: сборник «Италии» (СПб., 1909), под названием «Загадка».

Спойте мне песню о Данте... – Упоминается итальянский поэт и политический деятель Данте Алигьери (1265–1321), создатель «Божественной комедии».

Дальше, докучные фавны... – Фавнами назывались древнеримские боги гор, лесов и полей.

Бросила рай Беатриче... – О любви к Беатриче Портинари, впоследствии деи Барди (1265?—1290) и горьких переживаниях после ее смерти рассказывается в повести Данте «Новая жизнь». Беатриче также выступает в качестве одной из героинь «Божественной комедии», а в философском сочинении «Пир» ей посвящены две канцоны. Однако сколь идеализирован ее образ и насколько художественная реальность далека от реальной жизни исследователи спорят до сих пор.

И Габриеле Россетти. – Упоминается английский поэт и художник Данте Габриел Россетти (1828–1882), в чьих живописных работах были использованы образы Данте и Беатриче.

Думы

Впервые: журнал «Весна», 1908, № 2.

И я читал на призрачной скрижали... – На двух каменных плитах, скрижалях, врученных Моисею на горе Синай, были начертаны десять заповедей. Впоследствии слово «скрижаль» стало толковаться более широко.

Заклинание

Впервые: «Романтические цветы» (Париж, 1908), без названия.

Юный маг в пурпуровом хитоне... – Хитон, одеяние древних греков, представляло собой длинную узкую рубаху, перепоясанную так, чтобы хитон ложился вокруг тела красивыми складками.

Плакали невидимые струны... – Отсылка к важнейшему элементу пифагорейской космогонии, «музыке сфер».

Огненные плавали столбы... – Образ «огненных столбов», предшествующих «великому полдню», имеется в сочинении немецкого мыслителя Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».

Гордые военные трибуны... – Трибунами в Древнем Риме назывались должностные лица, начальники легиона.

А когда на изумрудах Нила... – Возможно, речь идет о египетской царице Клеопатре (69–30 до н. э.).

Ягуар

Впервые: «Романтические цветы» (Париж, 1908), под названием «Измена».

Снилось мне, что я сверкал на небе... – Согласно представлениям ацтеков, мифология которых, по всей видимости, отразилась в стихотворении, одно из трех главных божеств Центральноамериканского пантеона, Тескатлипока олицетворяет, кроме прочего, и звездное небо; может оно изображаться и в виде ягуара, своего духа-двойника.

Гиена

Впервые: газета «Раннее утро», 1907, 29 ноября, без названия.

И из пещеры крадется гиена. – У египтян гиена была символом дьявола Тифона.

Она была такою же гиеной... – В «Жизни животных» немецкого зоолога А.Э. Брема (1829–1884) упоминается, что гиен иногда считали оборотнями или злыми духами.

И хмурые хватаются феллахи... – В Аравии и Египте феллахами называются земледельцы.

Жираф

Впервые: «Романтические цветы» (Париж, 1908), без названия.

Помпей у пиратов

Впервые: «Романтические цветы» (Париж, 1908).

Головы молодого Помпея. – Имеется в виду Помпей Секст (75–36 до н. э.), младший сын Помпея Великого. После того как его объявили врагом отечества, он занимался пиратством, нападал на корабли, направлявшиеся в Италию.

Молитва

Впервые: «Жемчуга» (М., 1910).

Ужас

Впервые: журнал «В мире искусств» (Киев), 1907, № 20–21, ноябрь, без названия.

Я встретил голову гиены // На стройных девичьих плечах. – Возможно, образ отсылает к поверью о гиенах, как оборотнях и злых духах (см. комментарии к стихотворению «Гиена»).

Волшебная скрипка

Впервые: журнал «Весна», 1908, № 6.

Стихотворение посвящено В.Я. Брюсову (1873–1924), поэту и стиховеду, одному из главных деятелей русского символизма.

Камень

Впервые: журнал «Весна», 1908, № 7.

Стихотворение посвящено А.И. Гумилевой (1854–1942), матери поэта.

Давно угрюмые друиды... – Упоминаются жрецы особого культа у древних кельтов, где, в частности, отводилось место и поклонению камням.

Сибиллы хмурых королей... – См. комментарии к стихотворению «Оссиан».

Больная земля

При жизни автора напечатано не было.

Комет бегущих душный чад... – В связи с грядущим приближением к Земле в 1910 г. кометы Галлея предсказывались всевозможные катаклизмы. Так родился миф о том, что хвост кометы отравлен, и стоит этому хвосту коснуться Земли, люди погибнут.

Выбор

Впервые: «Журнал театра Литературно-художественного общества», 1909, № 2. Стихотворение было опубликовано как факсимиле автографа.

Созидающий башню сорвется... – Возможно, строка отсылает к карте «Небесный огонь», одной из карт Таро, применяемых при гадании. На этой карте изображена расколота молнией башня и две падающие с нее человеческие фигуры, что символизирует утрату человеком духовной крепости, падение в плотский мир.

И на дне мирового колодца... – Имеется в виду ад.

Старый конквистадор

Впервые: журнал «Весна», 1908, № 5.

Там он жил в тени сухих смоковниц... – Смоковница, плодоносное дерево, неоднократно упоминаемое в Библии, не растет в Южной Америке. Однако в Библии имеется выражение «сидеть под смоковницей», смысл которого «покой, благополучие».

Песни пел о солнечной Кастилье... – Королевство Кастилия, располагавшееся на Пиренейском полуострове, в 1479 г. вошло в состав Испании. В данном случае, скорее всего, имеется в виду местность, носящая это название.

Видел то пищали, то мантильи. – Упоминаются огнестрельное оружие, разновидность ружья, заряжаемого со ствола, и легкое покрывало,

которым испанские женщины закрывали голову и лицо.

В пути

Впервые: альманах «17» (СПб., 1909).

Вынем же меч-кладенец... – Волшебный меч-кладенец является одним из атрибутов русских народных сказок. Упоминание его в ряду с драконом и наядами (см. ниже) указывает на вневременной и надкультурный характер сюжета данного стихотворения.

Дар благосклонных наяд... – Наядами назывались дочери Зевса, нимфы водной стихии (за исключением морей, где были свои нимфы – nereиды).

Орел

Впервые: журнал «Весы», 1909, № 6.

Войдя в круги планетного движенья. – В алхимии «летающими орлами» назывались семь круговращений планет.

Не раз в бездонность рушились миры, // Не раз труба архангела трубила... – Согласно Апокалипсису, звук трубы возвестит о Страшном суде. В иконографии Страшного суда непременно присутствуют два или четыре ангела с трубами.

«На полярных морях и на южных...»

Впервые: журнал «Аполлон», 1909, № 1.

Кто изведаль мальстремы и мель... – Имеются в виду приливные водовороты, получившие название от названия большого приливного водоворота Мальстрем в Северной Норвегии.

Чья не пылью затерянных хартий... – В данном случае «хартия» означает «документ», «манускрипт».

Ключья пены с высоких ботфорт... – Сапоги с жесткими голенищами, ботфорты, впереди были много выше колена, а сзади доходили до сгиба ноги.

С розоватых брабантских манжет. – Автор, вероятно, имеет в виду знаменитые брюссельские кружева, которые шли и на изготовление манжет.

Что умеет на вражьей фелуки... – В Средиземноморье фелукой называлось трехмачтовое судно с треугольными парусами, прежде использовавшееся в качестве военного, а впоследствии как торговое.

Неожиданно бросить фрегат... – Военное трехмачтовое судно с полным вооружением на всех мачтах, фрегат, имело две батареи, одна из которых, на верхней палубе, открытая.

Семирамида

Впервые: журнал «Аполлон», 1909, № 3.

Стихотворение посвящено памяти И.Ф. Анненского (1855–1909), поэта и критика, который был директором Николаевской царскосельской гимназии в то время, когда там учился Н.С. Гумилев.

Укрепились мои сады. – Знаменитые висячие сады Семирамиды считались одним из чудес света. Однако никакого отношения к вавилонской царице Шаммурамат, имя которой по созвучию связывалось с именем Семирамиды, героини древнегреческой мифологии, сады, построенные царем Навуходоносором, не имели.

С высоты семисот локтей. – Мера измерения «локоть», разнившаяся в тех или иных европейских странах, примерно равнялась 0,5 м.

В библиотеке

Впервые: журнал «Аполлон», 1909, № 3.

Стихотворение посвящено М.А. Кузмину (1872–1936), поэту и композитору.

Мне нынче труден мой урок. – В данном случае «урок» означает «определенное задание» либо «работа, предназначенная на сегодня».

В процессе древнем Жиль де Реца. – Маршал Франции Жиль де Рец (1404–1440) был осужден и казнен за то, что занимался магией и приносил человеческие жертвоприношения.

И после, там, в тени аркад... – Аркадой называется ряд соединенных между собой арок или сводчатый переход.

Шагреньевые переплеты. – Шагрень, плотную, дубленую кожу с шероховатой поверхностью, зачастую использовали для переплетов дорогих изданий.

Потомки Каина

Впервые: журнал «Аполлон», 1909, № 3.

Он не солгал нам, дух печально-строгий, // Принявший имя утренней звезды... – Денница, утренняя звезда, является символом Люцифера (см. комментарии к стихотворениям «Пещера сна» и «Баллада»).

И белые, как снег, единороги. – Мифологическое животное единорог, символизирующее девственность и чистоту; в христианской традиции единорог связывается с Богородицей и Христом.

«Он поклялся в строгом храме...»

Впервые: журнал «Сатирикон», 1910, 8 мая, № 19.

Портрет мужчины

Впервые: «Жемчуга» (М., 1910).

Во дворце Лувр в Париже находится одно из крупнейших в мире музейных собраний. По всей вероятности, Н.С. Гумилев описывает

какое-то конкретное произведение живописи.

Они ласкали девушек-колдуний // И ведали кровавые распятия. – Строки отсылают к ритуалу «черной мессы» с человеческими жертвоприношениями.

На все сады Мадонны и Киприды // Не променяет он воспоминанья. – Слово «мадонна», произведенное от словосочетания, означающего «моя госпожа», в Италии издавна употребляется применительно к Богородице; Кипридой именовалась греческая богиня Афродита, которая, согласно преданию, родилась из морской пены неподалеку от острова Кипр. Таким образом, герой стихотворения отдает предпочтение воспоминаниям перед духовными ценностями и телесными уладами.

Читатель книг

Впервые: «Жемчуга» (М., 1910).

Ночная тень за шкафом, за киотом... – Имеется в виду специальный застекленный шкафчик или застекленная рама для икон.

Театр

Впервые: «Жемчуга» (М., 1910).

Все мы – смешные актеры // В театре Господа Бога. – Отсылка к метафоре из пьесы В. Шекспира (1564–1616) «Как вам это понравится», где мир уподоблен театру, а люди – актерам.

Гамлет? Он должен быть бледным. // Каин? Тот должен быть грубым... – Уравниваются литературный персонаж Гамлет, известный по пьесе В. Шекспира, и Каин, один из сыновей Адама, персонаж библейский.

Зрители внемлют победным // Солнечным, ангельским трубам. – См. комментарии к стихотворению «Орел».

Дон Жуан

Впервые: «Жемчуга» (М., 1910).

Стихотворение названо по имени героя испанской средневековой легенды, распутника и нарушителя моральных норм. Впоследствии Дон Жуан стал одним из самых популярных героев в мировой литературе, сюжет о нем разрабатывали, кроме прочих, Э.Т.А. Гофман, А. Мюссе, А.С. Пушкин.

«У меня не живут цветы...»

Впервые: «Жемчуга» (М., 1910).

...Торговал за проклятым кладбищем // Мне продавший их букинист. – Место, где обретался букинист – кладбище, на которое наложено проклятие, и сама магия, присущая старой вещи, вобравшей часть жизненной силы прежних владельцев, указывают на то, что упомянутые в стихотворении книги – не простая беллетристика.

Это было не раз

Впервые: «Жемчуга» (М., 1910).

Кенгуру

Впервые: «Жемчуга» (М., 1910).

Христос

Впервые: «Жемчуга» (М., 1910).

Ведь не домик в Галилее... – Историческая область в Северной Палестине, Галилея, которая, согласно Библии, связана с земной жизнью Христа.

Солнце близится к притину... – Притином называется «место предназначения», так притином Солнца считается зенит.

Слышно веянье конца... – Имеются в виду слова из Евангелия от Луки о том, что в момент смерти Христа «сделалась тьма по всей земле».

Путешествие в Китай

Впервые: «Жемчуга» (М., 1910).

Стихотворение посвящено С.Ю. Судейкину (1883–1946), художнику, члену художественного объединения «Мир искусства».

Душу исполнит нам жгучей страстью // Смуглый ребенок в чайном саду. – Возможно, в этих строках присутствует скрытая полемика с А.А. Блоком, в стихотворении которого «Девушка пела в церковном хоре» есть строки: «Тайнам Причастный, – плакал ребенок // О том, что никто не придет назад».

Вечно румяный, мэтр Рабле. – В романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» французского писателя Франсуа Рабле (1494–1553), кроме прочего, присутствует алхимическая символика (см. предисловие).

Грузный, как бочки вин токайских... – Упоминается венгерское десертное вино.

Только в Китае мы якорь бросим, // Хоть на пути и встретим смерть! – Любой обряд инициации, разновидностью которого является и алхимическое делание, подразумевает обязательную символическую смерть с дальнейшим перерождением.

Ослепительное

Впервые: антология издательства «Мусагет» (М., 1911), без названия.

И снова властвует Багдад... – С городом Багдадом, расположенным в Ираке, связан цикл арабских сказок, известных у нас как «Тысяча и одна ночь».

И снова странствует Синдбад... – Имеется в виду персонаж цикла сказок «Тысяча и одна ночь».

В великолепную Бассору. – Город Басра находится на юге Ирана.

О тайна тайн, о птица Рок, // Не твой ли дальний островок... – На одном из дальних островов путешественники, в том числе и Синдбад (см. выше), встретили чудовищную птицу Рок.

На пир к Гаруну аль-Рашиду. – Арабский халиф Гарун аль-Рашид (766–809) более известен как персонаж цикла сказок «Тысяча и одна ночь».

На берегу за старой Смирной. – Город Измир находится в Турции.

И буду плакать о Леванте. – Левант – общее название стран восточной части Средиземного моря, иногда подразумевают не все страны, а только Сирию и Ливан.

Маргарита

Впервые: журнал «Сатирикон», 1910, 31 июля, № 31.

Валентин говорит о сестре в кабаке... – Валентин и Маргарита – персонажи трагедии «Фауст» (1808–1832) И.В. Гёте (см. комментарии к стихотворению «Отрывок»).

Злой насмешник в красном плаще. – Имеется в виду Мефистофель, бес, на известных условиях заключивший союз с Фаустом.

Только... серой несет от него. – Запах серы являлся неременным атрибутом исчадий ада.

Уж на что Риголетто был горбат и хитер... – Персонаж драмы французского писателя В. Гюго «Король забавляется», придворный шут Риголетто более известен по опере Дж. Верди, в либретто которой использован сюжет этой драмы.

Грозно Фауста в бой ты зовешь, но вотще! – Валентин, вступившись за честь сестры, вызвал на поединок Фауста.

Лишь насмешника в красном и дырявом плаще // Ты найдешь... и ты будешь убит. – Валентина убил Мефистофель, ввязавшийся в поединок.

У камина

Впервые: альманах «Северные цветы» (М., 1911), без названия.

И в стране озер пять больших племен... – Возможно, подразумевается страна Сидамо, территория на юго-западе Абиссинии.

Отрывок

Впервые: «Грех. Сборник рассказов, стихотворений и статей» (М., 1911), без названия.

Христос сказал: убогие блаженны // И назову славнейшими из славных... – Н.С. Гумилев дает вольный пересказ начала «Нагорной проповеди».

Иль Беатриче стала проституткой... – См. комментарии к стихотворению «Музы, рыдать перестаньте...».

Глухонемым – великий Вольфганг Гёте... – Немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель И.В. Гёте (1749–1832) является одним из основоположников немецкой литературы Нового времени.

И Байрон – площадным шутом... О ужас! – Упоминается великий английский поэт Д.Г. Байрон (1788–1824).

Из логова змиева

Впервые: журнал «Русская мысль», 1911, № 7.

Из логова змиева, // Из города Киева... – Согласно украинскому преданию, Днепр, его пороги и валы вдоль него возникли после того, как кузнец вспахал землю на побежденном им змее, прежде собиравшем поборы с этой страны.

Я взял не жену, а колдунью. – Взгляд на южанок, как на ведьм, вошел в поговорку. Так, было широко распространено выражение «ведьма киевская».

На грешную Лысую гору. – Согласно легендам, шабаша ведьм происходила на вершинах гор, например на горе Броккен в Гарце и на Лысой горе под Киевом.

Над очастью, Богом заклятою. – Имеется в виду яма, откуда добывают глину и т. п., называемая в народе «очисть».

Жизнь

Впервые: журнал «Аполлон», 1911, № 6.

Девушке

Впервые: альманах «Аполлон» (СПб., 1912), без названия.

И вам чужд тот безумный охотник/Прямо в солнце пускает стрелу. – В мусульманской мифологии имеется предание о Нимвроде, упоминаемом также и в Ветхом Завете. По этому преданию, после того как строительство Вавилонской башни, которую строил Нимврод, окончилось неудачей, он, поднявшись в небо в ящике, влекомом четырьмя орлами, стал пускать стрелы в небеса. Стрелы возвращались, окрашенные кровью, и Нимврод решил, что он ранил Бога (на самом деле стрелы возвращал ему ангел Джибрил).

«Когда я был влюблен (а я влюблен...)»

Впервые: журнал «Сатирикон», 1911, 12 августа, № 33.

Рядком поставил альманахи «Знание»... – Вокруг сборников, выпускавшихся товариществом «Знание», объединялись демократически настроенные русские писатели, объект критических выпадов символистов.

Открытки – так, чтоб даже готтентот... – Слово «готтентот» (см. комментарии к стихотворению «Готтентотская космогония») использовалось у европейцев в качестве синонима слова «дикарь».

От ломовых в окне тряслось стекло... – Ломовики занимались перевозкой тяжелых грузов.

Задумчиво кивала мне эгреткой. – Эгреткой называлось украшение женской шляпки или прически, ювелирная композиция, куда вставлялось перо (слово «эгретка» обычно ассоциируется с самим пером).

Обри Бердслея в строгом переплете. – Упоминается книга с рисунками английского художника-модерниста О. Бердсли (1872–1898), вышедшая в России в 1906 г.

Современность

Впервые: газета «Биржевые ведомости», 1911, 14 августа (утренний выпуск), без названия.

Я закрыл «Илиаду» и сел у окна... – Древнегреческая эпическая поэма «Илиада», рассказывающая об осаде Трои, традиционно приписывается Гомеру.

Одиссеев во мгле паровозных контор... – Одиссей, царь Итаки, участник Троянской войны, является главным героем гомеровской «Одиссеи», в которой рассказывается о десятилетнем скитании его по морям и о возвращении на родину.

Агамемнонов между трактирных маркеров. – Сопоставляются микенский царь Агамемнон, предводительствовавший греками в Троянской войне, и маркер, служитель, который ведет счет очков в бильярдной партии.

Застывают в серебряных льдах мастодонты... – Упоминаются вымершие крупные млекопитающие отряда хоботных.

Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя. – Упоминаются герои романа древнегреческого писателя Лонга (II–III вв. н. э.) «Дафнис и Хлоя».

Я верил, я думал...

Впервые: журнал «Русская мысль», 1912, № 1, без названия и посвящения.

Стихотворение посвящено С.К. Маковскому (1877–1962), искусствоведу и художественному критику.

Туркестанские генералы

Впервые: журнал «Русская мысль», 1912, № 1.

Туркестаном, от которого произведено определение «туркестанские» в названии, именовались земли по бассейну реки Тарима в восточной части и рек Аму-Дарья и Сыр-Дарья в западной части Средней Азии.

И Уч-Кудук, и Киндерли... – Боевые действия русских войск около упомянутых здесь населенных пунктов сыграли важную роль в хивинском походе.

И русский флаг над белой Хивой. – Русские войска заняли Хиву в 1873 г.

Средь копий Греза и Ватто... – Упоминаются французские художники Ж.Б. Грез (1725–1805) и А. Ватто (1684–1721).

Родос

Впервые: «Чужое небо» (СПб., 1912).

Стихотворение посвящено памяти М.А. Кузьминой-Караваевой, дальней родственницы Н.С. Гумилева, скончавшейся в девичестве от чахотки.

Говорить о Небесной Невесте... – В данном случае имеется в виду Дева Мария, покровительница ордена иоаннитов.

Отравленный

Впервые: журнал «Новая жизнь», 1912, № 1 (январь).

Те кошмары, что медленно душат... – Представитель низшей мифологии, дух мара (от имени которого и происходит слово «кошмар») наваливается на спящего человека и душит его.

На море

Впервые: газета «Биржевые ведомости», 1912, 5 февраля (утренний выпуск), под названием «Опасение».

С латинским парусом челнок... – Косой парус в виде прямоугольного треугольника к тому времени был распространен в Средиземноморье.

Она

Впервые: «Чужое небо» (СПб., 1912).

Рим

Впервые: журнал «Русская мысль», 1912, № 7.

Волчица с пастью кровавой // На белом, белом столбе... – Имеется в виду памятник, известный под названием «Капитолийская волчица».

С тобой младенцы, два брата... – Упоминаются легендарные основатели города братья Ромул и Рем.

И храм святого Петра... – Имеется в виду собор Святого Петра в Риме, оплот католицизма.

Пиза

Впервые: журнал «Русская мысль», 1912, № 7.

О, янтарный мрамор Сиены // И молочно-белый – Каррары! – Города Сиена и Каррара расположены в Центральной Италии в области Тоскана, славящейся запасами мрамора.

Золотой тосканской равнины... – Центром области Тосканы (см. выше) является Флоренция, город, связанный с жизнью Данте (см. комментарии к стихотворению «Музы, рыдать перестаньте...»).

Ненасытная страсть Содомы... – Имеется в виду итальянский художник Джованни Антонио Бацци (1477–1549), известный под именем Содома.

И голодный вопль Уголино. – Правитель Пизы граф Уголино делла Герардеска (?—1289), вместе с сыновьями и внуками был заточен гибеллинами в башню, где умер от голода.

Гибеллины и гвельфы рядом... – Политические партии в Италии XIII–XV вв., враждовавшие между собой.

Над кривою пизанской башней. – Знаменитая башня сооружена в 1174–1350 гг. Башня наклонилась из-за того, что грунт под ней осел, но была в таком виде укреплена и теперь является достопримечательностью города Пиза.

Фра Беато Анджелико

Впервые: журнал «Гиперборей», 1912, № 1, под названием «Фра Анжелико».

Стихотворение рассказывает об итальянском художнике фра Джованни да Фьезоле (ок. 1400–1455), носившем прозвище Беато Анджелико.

В стране, где гиппогриф веселый льва... – Гиппогриф, фантастическое животное, упоминающееся, в том числе, и у Л. Ариосто, имеет орлиную голову и крылья, тогда как тело у него лошадиное.

Хрустальных нимф и венценосных фурий... – Нимфы в древнегреческой мифологии олицетворяли стихийные силы, особые нимфы были в лесах, в горах, ручьях и т. д. (см. также комментарии к стихотворению «В пути»), фурии у древних римлян были богинями мщения.

Пускай велик небесный Рафаэль/Челлини, давший бронзе тайну плоти. – Упоминаются художник Рафаэль Санти (1483–1520), скульптор, художник и поэт Микеланджело Буонарроти (1475–1564), живописец, скульптор, архитектор, ученый и инженер Леонардо да Винчи (1452–1519), скульптор, ювелир и писатель Бенвенуто Челлини (1500–1571).

На Фьезоле, среди тонких тополей... – Итальянский город Фьезоле, выстроенный на крутом холме, расположен в местности Тоскана.

Птица

Впервые: журнал «Гиперборей», 1912, № 3.

Я забыл слова литаний... – Литанией называется католическая молитва, которая читается или поется во время религиозных процессий.

Словно звон истлевших цимбал... – Упомянутый музыкальный инструмент считается атрибутом богини Исиды (см. комментарии к стихотворению «Египет»).

Я не юноша Ганимед... – Сына царя Трои Ганимеда похитил Зевс, принявший вид орла.

Персей

Впервые: литературное приложение к журналу «Нива», 1913, № 1.

В подзаголовке упоминается итальянский скульптор А. Канова (1757–1822).

Он поднял голову Медузы... – Персей, сын Зевса и Данаи, победил богинь тьмы и одной из них, Медузе Горгоне, отрубил голову.

И не увидит он, конечно // Когда-то страшные глаза... – От взгляда Медузы Горгоны человек каменел.

Вон ждет нагая Андромеда... – Персей спас Андромеду, принесенную в жертву морскому чудовищу.

Флоренция

Впервые: журнал «Гиперборей», 1913, № 6.

И горы, вставшие над Арно... – На реке Арно построен город Флоренция.

...Вот грозно встала Синьория... – Синьорией назывался правительственный совет.

Там гибнет «Леда» Леонардо... – Мнение о том, что картина Леонардо да Винчи «Леда», где изображено совокупление Леды и Лебедея, уничтожена по распоряжению Савонаролы (см. ниже) неверно, картина уничтожена во Франции.

Шипит: «Вотще Савонаролой...» – Упоминается Д. Савонарола (1452–1498), итальянский политический деятель, недолгое время правивший Флоренцией.

Изгнанник бледный, Алигьери... – Данте Алигьери (см. комментарии к стихотворению «Музы, рыдать перестаньте...») был изгнан из Флоренции.

Старые усадьбы

Впервые: журнал «Современник», 1913, № 12.

В село икона приплыла. – На Руси известно немало так называемых «явленных» икон, чье появление связано с каким-либо чудесным событием, например, икона лежит на дне ключа, приплывает по реке и т. п.

Русалкам бледным плохо ль жить? – Согласно народным поверьям, русалками становятся, в том числе, утопившиеся девушки.

Фортуна катит колесо... – Одним из атрибутов Фортуны, символического воплощения счастья, является колесо, эмблемы переменчивости удачи.

Барон Брамбеус и Руссо. – Перечислены русский писатель О.И. Сенковский (1800–1858), некогда очень популярный, а потом абсолютно забытый беллетрист, выступавший под псевдонимом «Барон Брамбеус», и французский мыслитель Ж.Ж. Руссо (1712–1778), чьи книги в России пользовались одно время огромным успехом.

«Мое прекрасное убежище...»

Впервые: журнал «Златоцвет», 1914. № 3 (январь).

Юдифь

Впервые: журнал «Новая жизнь», 1914. № 12 (декабрь).

Рассказ об иудеянке Юдифи, // О вавилонянке Олоферне. – В Библии повествуется о том, как Юдифь, молодая вдова-израильтянка, спасла свой город, который осаждали войска ассирийцев. Она очаровала предводителя войск Олоферна, а затем отрубила ему голову. Войска, лишённые командования, отступили.

Сатрап был мощен и прекрасен телом... – Сатрапом в Древней Персии назывался наместник провинции, в ведении которого была чеканка монет, сбор подати, объявление войны и мира.

Поднялся ассирийский бык крылатый... – Статуи крылатых быков (шеду), гениев-хранителей места, украшали дворцы царей Ассирии.

Из мрака будущего Саломея... – Саломея, дочь Иродиады, жены Ирода Антипы, по просьбе матери исполнила танец на пиру у царя Ирода и в награду попросила голову Иоанна Крестителя.

Кичилась головой Иоканаана. – Под именем Иоканаана в пьесе О. Уайльда «Саломея» (1891), написанной на известный библейский сюжет, упоминается Иоанн Креститель.

Вечер

Впервые: «Альманахи стихов, выходящие в Петрограде». Выпуск 1 (СПб., 1915).

Коней карьером гонят кучера... – Карьером называется лошадиный аллюр, быстрый галоп.

На острове

Впервые: «Альманахи стихов, выходящие в Петрограде». Выпуск 1 (СПб., 1915).

И Апокалипсис здесь был написан // И умер Пан. – Н.С. Гумилев соединяет здесь два различных эпизода. В Откровении Иоанна Богослова упоминается остров Патмос, тогда как предание о смерти Пана, бога лесов, полей и скота, связано с островом Паксос (предание известно в изложении Плутарха). Поскольку Пан олицетворяет языческий мир, отступивший перед христианством, тогда как Апокалипсис можно считать одной из главных частей Нового Завета, такое сближение, построенное на созвучии, нельзя расценивать только как недосмотр автора.

Новорожденному

Впервые: «Новый журнал для всех», 1915, № 2.

Стихотворение посвящено С.М. Лозинскому (1914–1985), сыну М.Л. Лозинского (см. комментарии к стихотворению «Пятистопные ямбы»), родившемуся в канун Первой мировой войны.

Наступление

Впервые: журнал «Аполлон», 1914, № 10.

Война

Впервые: журнал «Отечество», 1914, № 4.

Стихотворение посвящено М.М. Чичагову, командиру взвода, в котором служил Н.С. Гумилев.

Серафимы, ясны и крылаты... – Упоминаются ангелы любви, света и огня, серафимы, окружающие престол Господень, каждый серафим имеет по шесть крыльев.

Восковыми свечками горят. – Восковые свечи, в отличие от распространенных в народе сальных, давали более чистое пламя. Вследствие того, что стоили они недешево, восковые свечи являлись символом достатка или праздника, когда грешно было скупиться.

Смерть

Впервые: газета «Голос жизни», 1915, 27 мая, без названия.

Там Начальник в ярком доспехе // Огnekрылых зов трубачей. – Возможно, контаминация двух разнородных сюжетов: пребывание мертвых воинов в Вальхалле (см. комментарии к стихотворению «Ольга») и картина Страшного суда (см. комментарии к стихотворению «Орел»).

Солнце духа

Впервые: «Невский альманах жертвам войны». Выпуск 1 (СПб., 1915), без названия.

Больной

Впервые: журнал «Вершины», 1915, № 25.

Восьмистишие

Впервые: журнал «Вершины», 1915, № 25.

Средневековье

Впервые: журнал «Вершины», 1915, № 29–30.

В ночи работали масоны. – Масонство, религиозно-этическое движение, возникло не в Средневековье, а лишь в начале XVIII в. однако Н.С. Гумилев, по-видимому, толкует это слово расширительно, имея в виду самые различные религиозно-этические движения и организации, возникавшие на разных этапах истории человечества. Само слово «масоны» он возводит к первоисточнику, ибо по-французски слово это значит «каменщики».

Великий Мастер с нивелиром... – Во главе масонов стоял Великий мастер. Кроме того, в качестве масонских символов использовались некоторые инструменты (кельма, ватерпас, циркуль и т. п.).

Мы побеждаем Вельзевула. – Упоминается демоническое существо Вельзевул, повелитель злых духов, ассоциирующийся по представлениям христиан с филистимлянским богом Ваал-Зебубом, «повелителем мух».

Дождь

Впервые: журнал «Русская мысль», 1915, № 7.

Как монашенки в часы вечерни... – Упоминается ежевечерняя церковная служба.

В гиблых омутах волшебных мельниц // Ржанье бешеных коней... – С мельницами связаны многочисленные народные поверья. Мельничные омуты, например, часто посещают водяные духи, на ночлег обычно устраивающиеся под мельничным колесом. Для того чтобы умилостивить водяного прежде приносили человеческие жертвы, сталкивая обреченного в мельничный омут; впоследствии вместо людей приносят в жертву животных (с этим обычаем, возможно, связано упоминание о конях).

«Я не прожил, я протомился...»

Впервые: сборник «Полон» (СПб., 1916).

Я не прожил, я протомился // Половину жизни земной... – Отсылка к «Божественной комедии» Данте (см. комментарии к стихотворению «Музы, рыдать перестаньте...»). Считается, что тогда половиной земной жизни было 30 лет.

Вижу свет на горе Фаворе... – В данном случае подразумевается Преображение Господне, которое, согласно Библии, произошло на Фаворе.

«Об Адонисе с лунной красотой...»

Впервые: журнал «Вершины», 1915, № 31–32.

Об Адонисе с лунной красотой... – В греческой мифологии Адонис – прекрасный возлюбленный Афродиты.

О Гиацинте тонком, о Нарциссе... – Перечисляются любимец Аполлона, Гиацинт, случайно убитый самим Аполлоном, и прекрасный юноша Нарцисс, наказанный Афродитой за то, что он отверг любовь нимфы Эхо: Нарцисс влюбился в собственное отражение, которое увидел в воде, и умер от неразделенной страсти.

И о Данае, туче золотой... – Миф рассказывает о том, что Зевс проник в башню, где томилась Даная, в виде золотого дождя.

Еще грустят аттические выси. – Атикой называлась область на юго-востоке Средней Греции. Но в данном случае слово «аттический» использовано в качестве синонима «древнегреческий».

И пальма, о которой Одиссей... – См. комментарии к стихотворению «Современность».

Рассказывал смущенной Навзикае. – Дочь царя феаков Навзикая спасла потерпевшего крушение Одиссея.

Как юноши и девушки Эллады. – Элладой древние авторы называли область в Северной Греции, впоследствии это название перешло на всю Грецию.

Ода Д'Аннунцио

Впервые: газета «Биржевые ведомости» 1915, 12 мая.

Знаменитый итальянский писатель Г. Д'Аннунцио (1863–1938), выступая с речью, призвал к войне с Германией.

Опять волчица на столбе... – См. комментарии к стихотворению «Рим».

Был Августов высокий век... – Имеется в виду Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (63 до н. э. – 14 н. э.), римский император.

С ней разговаривал Вергилий. – Имеется в виду знаменитый римский поэт.

Изгнанник бледный, Алигьери. – См. комментарии к стихотворению «Флоренция».

В короновании Торквата. – Упоминается итальянский поэт Торквато Тассо (1544–1595), автор героической поэмы «Освобожденный Иерусалим».

И Александр и Агамемнон... – Перечисляются Александр Македонский (IV в. до н. э.), великий полководец, и царь Агамемнон, предводительствовавший греками в Троянской войне.

Рай

Впервые: газета «Голос жизни», 1915, 27 мая.

Апостол Петр, бери свои ключи... – Апостол Петр, согласно средневековому преданию, был привратником у райских врат.

Коллоквиум с отцами церкви там... – Коллоквиумами, в частности, назывались беседы на религиозные темы, например, во времена Реформации.

Покажет, что я в догматах был прям. – Догматом называется центральное, непререкаемое утверждение в религиозном учении.

Георгий пусть поведаст о том... – В честь святого Георгия в России был учрежден боевой орден. Н.С. Гумилев получил за храбрость ордена IV и III степени.

Святой Антоний может подтвердить... – Святой Антоний, ушедший в пустыню, усмирал свою плоть, терзаемый страшными видениями.

Но и святой Цецилии уста... – Упоминается святая католической церкви, в молодости тайно обращенная в христианство и давшая обет девственности.

Перед тобою темный серафим... – Возможно, речь идет о Люцифере (см. комментарии к стихотворениям «Пещера сна» и «Баллада»). Так, например, на фреске в трапезной монастыря Дионисиата на Афоне под ногами архангелов изображена фигура с почерневшим лицом и надписью «Денница».

Пятистопные ямбы

Впервые: «Колчан» (М., СПб., 1916).

Стихотворение посвящено М.Л. Лозинскому (1886–1955), поэту и переводчику, владельцу издательства и редактору журнала «Гиперборей».

В названии стихотворения отразился не только стихотворный размер, которым оно написано. Ямб является символом русской классической поэзии.

Я помню ночь, как черную наяду... – См. комментарии к стихотворению «В пути».

В морях под знаком Южного Креста. – Упоминается одно из созвездий Южного полушария.

Что дон Жуан не встретил донны Анны... – Донна Анна была единственной женщиной, которую искренне полюбил в своей жизни Дон Жуан (см. комментарии к стихотворению «Дон Жуан»).

Что гор алмазных не нашел Синдбад... – См. комментарии к стихотворению «Ослепительное».

И Вечный Жид несчастней во сто крат. – См. комментарии к стихотворению «Пещера сна».

Ты, для кого искал я на Леванте... – См. комментарии к стихотворению «Ослепительное».

Я проиграл тебя, как Дамаянти // Когда-то проиграл безумный Наль. – Упоминаются персонажи древнеиндийской эпической поэмы «Махабхарата», красавица Дамаянти и молодой царь Наль. Однако соответствующий эпизод изложен неверно, Наль проиграл в кости свое царство, имущество и даже одежду, но отказался играть, когда ему предложили выставить в виде ставки Дамаянти.

Покорно повторяя: «Буди, буди». – Выражение «буди, буди» аналогично выражению «аминь, аминь».

Союзником – архангельская сила. – Возможно, в этой строке отразилось знакомство Н.С. Гумилева с современной легендой об ангелах Монса. Утверждалось, будто в августе 1914 г. английские дивизии не были уничтожены в сражении под городом Монс потому, что воинство ангелов остановило немецкие войска. Этому событию была посвящена статья «Лучники» английского прозаика А. Макена, опубликованная в газете «Ивнинг ньюс». Хотя впоследствии автор статьи признавался, что все выдумано им от начала и до конца, участники сражения утверждали: они действительно видели ангелов, которые выступили на стороне англичан.

Честнейшую честнейших херувим... – Херувимами называется один из девяти ангельских чинов. У пророка Иезекииля и в Апокалипсисе херувимы имеют вид шестикрылых животных, с телами усеянными очами. Херувимы обитают пред престолом Божиим и непрестанно днем и ночью поют: «Свят, свят, свят Господь Вседержитель, Который был, есть и грядет».

Змей

Впервые: журнал «Аполлон», 1916, № 1.

Позабыв Золотую Орду... – Большая Орда на реке Волге со столицей Сарай, выстроенной Батыем, получила название Золотая Орда.

Змей крылатый в пустынном саду... – В данном случае крылатый змей, герой сказок и русских былин, отчасти приобрел черты огненного змея, оборотня, который, согласно народным поверьям, прилетает ночью к одинокой тоскующей женщине, обращившись к тому, по кому она тоскует.

Во дворце моем пышном, в Лагоре... – Город Лахор в Пенджабе до взятия его британскими войсками был резиденцией князей сикхов. Славится своей архитектурой.

Эти крики слышав, Вольга... – Один из русских былинных богатырей, Вольга Святославович, был сыном змея и княжны Марфы Всеславьевны. Некоторые былины рассказывают о победах его над индейским царством или над землями Турец-салтана.

Надевал тетиву на рога // Беловежского старого тура. – Средневековый лук делался из дерева, костяных накладок и сухожилий. В некоторых случаях костяной накладкой усиливалась вся внутренняя сторона лука.

Андрей Рублев

Впервые: журнал «Аполлон», 1916, № 1.

С искусством иноков знаком... – Слово «инок» означает то же, что слово «монах».

Из-за какой мать Ева // Благой нарушила завет. – Имеется в виду библейское предание о том, что прапраматерь человеческого рода Ева поддавалась искушению и отведала запретный плод.

Андрей Рублев мне начертал... – Живописец А. Рублев (ок. 1360—70 – ок. 1430) считается самым крупным мастером иконописи в истории русского искусства.

Деревья

Впервые: журнал «Аполлон», 1916, № 1.

Есть Моисеи посреди дубов... – Упоминается великий освободитель и законодатель еврейского народа.

Марии между пальм... Их души, верно... – Имеется в виду мать Иисуса Христа.

Где листьями оделась сикомора. – Под сикоморой в Библии подразумевается не реальное, распространенное на Востоке плодородное дерево, а схожая с ней плодами смоковница (см. также комментарии к стихотворению «Старый конквистадор»).

«И год второй к концу склоняется...»

Впервые: журнал «Нива», 1916, № 9 (27 февраля).

Вслед за ее крылатым гением. – У древних римлян гением назывался добрый дух-покровитель. Считалось, что есть гении семьи, общины, города и всего народа. Но в данном случае Н.С. Гумилев подразумевает крылатую богиню победы, своеобразную покровительницу войны.

Городок

Впервые: журнал «Солнце России», 1916, № 317 (март).

Полосатые столбы... – Верстовые столбы были окрашены в черный, желтый и белый цвета, наложенные косыми полосами.

В самаркандских цветных платках... – Восточные ткани отличались яркой окраской.

Предводителей жеребец... – То есть, жеребец предводителя дворянства, выборного должностного лица в дворянском самоуправлении в губернии.

Детство

Впервые: журнал «Нива», 1916, № 11 (12 марта).

Рабочий

Впервые: газета «Одесский листок», 1916, 10 апреля, № 97, без названия.

Над седою, вспененной Двиной... – По реке Двине проходил русско-германский фронт (недолго до создания стихотворения Н.С. Гумилев был переведен в гусарский полк, располагавшийся под Даугавпилсом).

Юг

Впервые: альманах «Творчество». № 2 (М., 1918), без названия.

Вот ставит ночь свои ветрила... – То есть парус.

Канцона («Бывает в жизни человека...»)

При жизни автора напечатано не было.

Канцона называется лирическое стихотворение о рыцарской любви в средневековой поэзии трубадуров. Эта стихотворная форма получила распространение в итальянской и прованской поэзии эпохи Возрождения. Каноническая канцона состоит обычно из 5–7 строф, последняя строфа, в которой заключается обращение к лицу, которому посвящено стихотворение, укороченная.

Решит во славу Бога-Слова... – Отсылка к Евангелию от Иоанна, где сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Канцона («В скольких земных океанах я плыл...»)

Впервые: альманах «Юг», 1918. № 2, без названия.

Ангельской арфы взывая... – Ангелы, как считалось, постоянно поют славу Господу, при этом играя на сладкозвучных арфах.

Иерусалим пилигримов. – Слово «пилигрим» означает то же, что «паломник».

На языке серафимов. – См. комментарии к стихотворению «Война».

Мужик

Впервые: «Костер» (СПб., 1918).

Странные есть мужики. – Автор подразумевает, в первую очередь, Г.Е. Распутина (1864 либо 1865, по другим данным 1872–1916), сибирского крестьянина, в силу своих способностей и благоприятных обстоятельств ставшего фаворитом семьи императора Николая II.

Слушает крики Стрибожьи... – Упоминается божество из пантеона восточнославянской мифологии.

Здесь проходил печенег... – Народ тюркского происхождения, печенеги, жил в X в. между Доном и Дунаем, при этом совершая частые набеги на Русь.

Крест на Казанском соборе... – Упоминается собор, построенный в Санкт-Петербурге русским архитектором А.Н. Ворониным (1759–1814).

И на Исакии крест. – Упоминается собор, построенный в Санкт-Петербурге по проекту О. Монферрана.

Ледоход

Впервые: сборник «Тринадцать поэтов» (СПб., 1917).

Но нет, изменчива Нева, // Ей так легко стать снова мрачной. – В стихотворении описывается второй невольский ледоход, когда льды из Ладоги идут в Неву. Не зная об этом характерном явлении, многие интерпретаторы стихотворения, а равно и критики, современники поэта, рассматривали «Ледоход» только как аллегорию, удачную либо неудачную, в зависимости от позиции ценителя.

Сам Ледовитый Океан // Идет на их освобожденье. – См. выше.

Осень

Впервые: сборник «Тринадцать поэтов» (СПб., 1917).

Природа

Впервые: «Костер» (СПб., 1918).

Так вот и вся она, природа... – Отсылка к строке Ф.И. Тютчева «Не то, что мните вы, природа...».

Девушка

При жизни автора напечатано не было.

Швеция

Впервые: «Костер» (СПб., 1918).

У золотых ворот Царьграда // Забыт Олегов медный щит. – Имеется в виду поход князя Олега на Константинополь 907 г., когда, как утверждает летопись, он в честь победы прибил свой щит к воротам города.

К Руси славянской, печенежьей... – Прилагательное «печенежья» образовано от слова «печенег» (см. комментарии к стихотворению «Мужик»).

Вотще твой Рюрик приходил? – Подразумевается предание о призвании на княжество варяжских князей. Первым русским князем стал Рюрик.

Стокгольм

Впервые: «Костер» (СПб., 1918).

Норвежские горы

Впервые: «Костер» (СПб., 1918).

Пер Гюнт летал на бешеном олене... – Упоминается герой пьесы «Пер Гюнт» норвежского драматурга Г. Ибсена (1828–1906).

Не здесь ли Бранд, суровый проповедник... – Упоминается герой пьесы Г. Ибсена «Бранд».

Утешение

Впервые: «Костер» (СПб., 1918).

Самых белых лилий // Чует запах он. – По всей вероятности, автор имеет в виду асфодели, растения, относящиеся к семейству лилейных, многолетние травы с довольно крупными белыми, иногда желтыми, собранными в кисти, цветами. Древние греки полагали, что в царстве мертвых Аиде существуют луга асфоделей, по которым бродят тени умерших.

Серафимских крылий... – См. комментарии к стихотворению «Война».

На Северном море

Впервые: «Костер» (СПб., 1918).

И прыгавших с длинных стругов... – Стругом называется плоскодонное гребное судно.

На плоский берег нормандский... – Норманнами назывались германские племена, населявшие Скандинавию. Совершали набеги практически на всю Европу.

Малаги, портвейну, // А главное – виски! – Упоминаются малага, испанское десертное виноградное вино, портвейн, португальское крепкое виноградное вино, и виски, алкогольный напиток, получаемый путем перегонки и купажа с дистиллированной водой и ректифицированным спиртом, популярный в Америке и Англии.

В Мадриде и на Афоне... – Упомянута, кроме прочего, греческая гора Афон (Святая гора), расположенная на одноименном полуострове в Восточной Греции. Здесь в 963 г. византийским монахом Афанасием был основан первый крупный монастырь. Вслед за ним появилось множество других. Первый русский монастырь появился на Афоне еще до 1016 г.

Прапамять

Впервые: «Костер» (СПб., 1918).

Песенка

При жизни автора напечатано не было.

В Бретани

При жизни автора напечатано не было.

По которым плавали галеры... – См. комментарии к стихотворению «Мореплаватель Павзаний...».

Где акулы, спруты и химеры... – В данном случае химеры – это отряд рыб из подкласса цельноголовых.

Ясно вижу их покров червлёный... – То есть багровый либо ярко-малиновый.

Предзнаменование

При жизни автора напечатано не было.

Мы покидали Соутгемптон... – Портовый город Саутхемптон находится в Великобритании.

Когда же мы пристали к Гавру... – Портовый город Гавр находится во Франции.

Хокку

При жизни автора напечатано не было.

Стихотворение названо по жанру, распространенному в японской поэзии. Классическое хокку – это трехстишие с определенным количеством слогов.

Вот девушка с газельими глазами... – См. комментарии к стихотворению «Из букета целого сирени...».

«Мы в аллеях светлых пролетали...»

Впервые: «Воля народа», 1918, № 6.

«Из букета целого сирени...»

При жизни автора напечатано не было.

И всю ночь я думал об Елене... – Речь идет о Е.К. Дюбуше, в которую влюбился Н.С. Гумилев, находясь в 1917 г. в Париже. Она вышла замуж за американца и уехала в Америку. Воспоминания об этой любви присутствуют и в других стихах этого периода.

Роза

Впервые: «Костер» (СПб., 1918).

Канцон, которые слагал Рюдель... – Имеется в виду Джауфре Рюдель, французский трубадур XII в.

«Вероятно, в жизни предыдущей...»

При жизни автора напечатано не было.

Лечь под царственную сикомору... – См. комментарии к стихотворению «Деревья».

«Пролетала золотая ночь...»

При жизни автора напечатано не было.

Телефон

Впервые: «Костер» (СПб., 1918).

Женский голос в телефоне... – Телефон был к тому времени технической новинкой, и люди старшего возраста или консервативные по натуре с трудом осваивали стиль телефонного разговора, когда собеседник не видим, а присутствует лишь его голос, отделившийся от тела.

Звонче лютни серафима... – Упомянется одна из разновидностей струнных инструментов.

«Я вырван был из жизни тесной...»

При жизни автора напечатано не было.

Самофракийская Победа

Впервые: «Костер» (СПб., 1918).

Самофракийская Победа // С простертыми вперед руками. – Статуя богини победы Нике – Нике Самофракийская (конец IV или II вв. до н. э.) дошла до нашего времени без головы и обеих рук.

Я и Вы

Впервые: журнал «Новый Сатирикон», 1918, № 16.

А дикарский напев зурны. – Деревянный духовой инструмент зурна распространен на Востоке. Звук у зурны резкий, пронзительный.

Протестантский, прибранный рай... – Одно из трех главных направлений в христианстве протестантизм (два других – католицизм и православие), наряду со многими другими изменениями в церковных обрядах освободил молитвенные дома от алтарей, икон, статуй и пышного убранства, отсюда и предложенное Н.С. Гумилевым толкование протестантского рая как «прибранного», «аккуратного» в отличие от «варварских излишеств», каковыми могут показаться и звуки зурны, и красоты дикой природы.

А туда, где разбойник, мытарь... – Мытарем назывался откупщик или сборщик податей и пошлин.

«Дремала душа, как слепая...»

При жизни автора напечатано не было.

«Лишь черный бархат, на котором...»

При жизни автора напечатано не было.

«Много есть людей, что, полюбив...»

При жизни автора напечатано не было.

Канцона («Храм Твой, Господи, в небесах...»)

Впервые: альманах «Юг», 1918, № 2, без названия.

Точно благовест Твой, весна... – Благовестом называется колокольный звон, извещающий о начале службы.

Благодатней ангельских труб... – См. комментарии к стихотворению «Орел».

«Однообразные мелькают...»

При жизни автора напечатано не было.

«Еще не раз Вы вспомните меня...»

При жизни автора напечатано не было.

«Так долго сердце боролось...»

При жизни автора напечатано не было.

Какой-то маятник злобный // Он ходит, мечу подобный... – Образ, возможно, навеян новеллой американского писателя Э. По (1809–1849) «Колодец и маятник».

«Отвечай мне, картонажный мастер...»

При жизни автора напечатано не было.

Здесь любила Беатриче Данта... – См. комментарии к стихотворению «Музы, рыдать перестаньте...».

Здесь ахейцы разорили Трою. – В данном случае слово «ахейцы» выступает синонимом слова «греки» (так же, как у Гомера, который посвятил осаде и разорению Трои «Илиаду»).

«На путях зеленых и земных...»

При жизни автора напечатано не было.

Так когда-то грозный серафим... – См. комментарии к стихотворению «Рай».

Говорил тоскующему змею... – Согласно Библии, искушавший Еву Сатана принял облик змея.

Прежде чем настанет Страшный Суд, // Сын придет и Дух придет Небесный. – Как утверждается в христианской эсхатологии, Страшный суд над всеми когда-либо жившими людьми будет твориться в конце времен после второго пришествия Христа. Каждый человек в результате такого суда получит либо вечное блаженство, либо вечное наказание в аду.

«Временами, не справясь с тоскою...»

При жизни автора напечатано не было.

Наклоненной над книжкой Мюссе. – Упоминается французский писатель-романтик А. Мюссе (1810–1857).

Не приходит к тебе серафим. – См. комментарии к стихотворению «Война».

Эзбекие

Впервые: «Костер» (СПб., 1918).

С тех пор, как я увидел Эзбекие... – Имеется в виду сад в Каире с таким названием.

На холмах, словно вещице друиды. – См. комментарии к стихотворению «Камень».

Встающий на дыбы единорог... – См. комментарии к стихотворению «Потомки Каина».

«Я говорил – ты хочешь, хочешь?»

При жизни автора напечатано не было.

«Я, что мог быть лучшей из поэм...»

При жизни автора напечатано не было.

Два Адама

При жизни автора напечатано не было.

Бредут, бранясь, Пьеро и Арлекин. – Упоминаются постоянные персонажи итальянской комедии дель арте.

Рассыпающая звезды

Впервые: «Костер» (СПб., 1918).

«Ты не могла иль не хотела...»

При жизни автора напечатано не было.

«Нежно-небывалая отрада...»

При жизни автора напечатано не было.

«Они спустились до реки...»

При жизни автора напечатано не было.

А в роще, ладя самострел... – Самострелами в России называлась разновидность арбалета, который был способен стрелять как стрелами, так и камнями.

Загробное мщенье

Впервые: журнал «Нива», 1918, № 26.

Мертвый глухо выл и хрипло, // Ползал по полу дрожа... – Описанное здесь, согласно народным поверьям, происходит не с мертвецами, а с умирающими колдунами, которые испытывают ужасные мучения и долго не могут расстаться с жизнью.

Мутной сукровицы ржа. – Сукровицей называли кровянистую жижку, вытекающую из воспаленных ран и язв.

Он года хранит молчанье // И не ест по сорок дней... – Имеются в виду обеты, данные во искупление грехов.

По трущобам и горам. – Трущобой в старину именовался глухой непроходимый лес, заваленный буреломом, трухлявыми колодами и хворостом.

И вокруг скита пустого... – Скитами назывались кельи, устраиваемые на некотором удалении от больших монастырей. В скитах жили одинокие отшельники.

Баллада

Впервые: «Романтические цветы» (СПб., 1918).

Пять коней подарил мне мой друг Люцифер... – По-латыни Люцифер означает «утренняя звезда», то есть планета Венера. В христианской традиции Люцифер – одно из имен Сатаны, горделивого ангела, восставшего против Бога и низвергнутого с небес (см.

также комментарии к стихотворению «Пещера сна»).

И одно золотое с рубином кольцо... – Кольцо дает возможность повелевать духами.

Вступленье

Впервые: «Шатер» (Севастополь, 1921).

В небесах говорят серафимы. – См. комментарии к стихотворению «Война».

О неопытном думают ангеле, // Что приставлен к тебе, безрассудной. – См. комментарии к стихотворению «Крыса».

О деревнях с кумирами древними... – Кумирами, а также идолами, или истуканами, назывались изваяния языческих божеств.

Дай за это дорогу мне торную... – То есть, проторенную, хорошо укатанную или, по В. Далю, «уезженную».

Дай скончаться под той сикоморою. // Где с Христом отдыхала Мария. – Сикомора дает обширную тень, и потому ее сажают на Востоке для того, чтобы путники могли передохнуть (см. также комментарии к стихотворению «Деревья»).

Красное море

Впервые: «Шатер» (Севастополь, 1921).

С африканского берега сотни пирог... – Название традиционной лодки индейцев Южной Америки, состоявшей из деревянного каркаса, обшитого корой или шкурами животных; позднее было перенесено на все лодки, изготавливаемые примитивными народами обеих Америк и Азии.

С аравийского берега сотни фелуг. – См. комментарии к стихотворению «На полярных морях и на южных...».

Нам чужие созвездья, кресты, топоры... – См. комментарии к стихотворению «Пятистопные ямбы».

От Суэца до Бабель-Мандеба звенит... – Упоминаются египетский портовый город Суэц, расположенный при входе из Красного моря, и Баб-эль-Мандебский пролив, соединяющий Красное море с Аденским заливом и Аравийским морем.

Как Эолова арфа, поверхность твоя. – Имеется в виду особый музыкальный инструмент, ящик с натянутыми в нем струнами. Эти струны колеблются от движения воздуха, издавая гармонические звуки. Назван инструмент по имени бога ветров Эола.

Чтоб прошел Моисей и погиб Фараон. – Имеется в виду известный библейский эпизод, когда перед еврейским народом, выходящим из египетского рабства, расступились воды Черного моря, которые сомкнулись, когда в море вошли посланные вдогонку войска.

Египет

Впервые: журнал «Москва», 1919, № 3.

И каналы, каналы, каналы/Орошая Дамьетские скалы... – В дельте Нила у города Думьят имеются каналы для ирригации.

Это лик благосклонной Изиды... – Древнеегипетская богиня Исида была богиней плодородия, воды и ветра, охранительницей мертвых.

Сфинкс улегся на страже святыни... – В данном случае речь идет о древнеегипетских статуях фантастических существ с телом льва и головой человека, символизировавших духов-охранителей.

Не обломок старинного крипта... – Криптой в западноевропейской архитектуре называлась подземная часовня, расположенная, как правило, под алтарной частью храма. Крипта служила местом упокоения знати. Эта и следующая строка являются не совсем точным переводом строк из стихотворения Т. Готье «Ностальгия обелисков».

Словно пестрая Фата-Моргана... – Упоминается сложное оптическое явление в атмосфере, разновидность миражей.

Над мечетью султана Гассана... – Имеется в виду мечеть на площади Мухаммада Али в Каире. Этот ансамбль из нескольких зданий, куда входят медресе, мавзолей и сама мечеть, построен в XIV в.

Имбирем и вареньем из роз. – Растение имбирь относится к традиционным восточным пряностям, для аромата добавляется также в варенье, ликер и т. д.

Пред кальяном и огненным кофе... – Восточный прибор для курения, кальян устроен так, что дым предварительно проходит сквозь воду и лишь затем попадает в рот курильщика.

И его современник – феллах. – См. комментарии к стихотворению «Гиена».

Сахара

Впервые: журнал «Москва», 1920, № 4.

Только горнего отсвет пожара. – В данном случае «горний» означает «вышний», «верхний», «небесный».

И разносится веянье нарда... – Пахучее вещество растительного происхождения, нард, входит в число традиционных восточных благовоний.

Блещут копья и веют бурнусы... – Здесь слово «бурнус» означает арабскую накидку либо разновидность мужской верхней одежды.

Туарегов, что западной правят страной... – Берберийские племена Северной Африки туареги живут между Атласскими горами и рекой Нигер.

На востоке не любят тиббусы. – Имеются в виду Тиббу, племена в восточной части Сахары.

Их родную, Мурзук, Гадамес... – Перечисляются Тибести, местность в Восточной Сахаре, Мурзук, местность в турецкой области Триполи, и Гадамес, оазис в Северной Африке.

Судан

Впервые: «Шатер» (Севастополь, 1921).

А за ним сикоморы Дарфура... – Плато Дарфур находится между котловинами озера Чад и Белого Нила.

Галереи – леса Кордофана... – Плато Кордофан находится к западу от Белого Нила.

Стонут женщины в тяжких колодках... – Колодкой назывались деревянные кандалы.

Абиссиния

Впервые: «Шатер» (Севастополь, 1921).

Вековая обитель разбоя, Тигрэ... – Упоминается область в Эфиопии.

В плодоносной Амхаре и сеют и косят... – Упоминается область в Эфиопии. В Амхаре и Тигрэ (см. выше) живет основное население страны, народы тигрэ и амхара.

Абиссинец поет, и рыдает багана... – Музыкальный инструмент багана имеет восемь либо десять струн.

Королевской столицей взносился Гондар. – Город Гондар был столицей Эфиопии в XVII–XIX вв.

Живописцы писали царя Соломона... – Упоминается третий и величайший царь израильского народа, об истории жизни которого рассказано в Ветхом Завете.

Меж царицею Савской и ласковым львом. – Упоминается царица легендарной страны Сава, где у власти находились женщины. Согласно преданию, родоначальник абиссинских царей Менелик был сыном Соломона и царицы Савской.

Мудрый слон Абиссинии, Негус Негести... – Титул абиссинского императора «Негус Негести» означает «царь царей».

В каменистую Шоа свой трон перенес. – Упоминается область в Эфиопии, где в городе Анкобер до 1892 г. была столица Эфиопии, перенесенная затем в Аддис-Абебу.

Курят трубки и пьют опьяняющий тедж... – Алкогольный напиток тедж делают из меда, для аромата добавляя растертые в порошок листья или кору растения гешо (разновидность крушины), что придает напитку горьковатый привкус.

Харраритов, галла, сомали, данакилей... – Перечислены народы, впоследствии ставшие подданными Эфиопии.

Своему Менелику они покорили... – Имеется в виду император Эфиопии Менелик II (1844–1913), создавший единое государство.

Кто сто талеров взял за больного верблюда... – В данном случае имеется в виду австрийский талер, серебряная монета номиналом в три золотых марки.

Есть музей этнографии в городе этом... – Имеется в виду Музей антропологии и этнографии в Петербурге.

Я хожу туда трогать дикарские вещи, // Что когда-то я сам издалека привез. – В 1913 г. Н.С. Гумилев сдал в музей несколько собранных им коллекций.

Галла

Впервые: «Шатер» (Севастополь, 1921).

Восемь дней из Харрара я вел караван... – Город Харрар находится в восточной части Эфиопии.

На широкой галлаской равнине. – То есть, на равнине, где обитает народ галла (см. комментарии к стихотворению «Абиссиния»).

Шейх-Гуссейн я увидел высокий... – Один из эфиопских городов.

Сомали

Впервые: «Шатер» (Севастополь, 1921).

Помню ночь и песчаную помню страну // И на небе так низко луну... – Движение стиха отсылает к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Русалка».

Мадагаскар

При жизни автора напечатано не было.

Между них быки Томатавы... – Упоминается населенный пункт с портом на Мадагаскаре.

Замбези

При жизни автора напечатано не было.

Я дремал в заповедном краале... – Особый тип поселения у некоторых народов Южной и Восточной Африки, крааль, представляет собой зачастую снаружи окруженные изгородью поставленные в круг хижины, площадь внутри, образовавшаяся при этом, служит загоном для скота.

Ты достойный потомок Дингана... – Упоминается король зулусов, получивший власть после убийства своего брата Чака (см. ниже).

Выпускал ассагаем кишки. – Ассагай – разновидность метательного оружия, нечто среднее между метательным копьем и стрелой; изредка используют в качестве колющего оружия, а железный клинок применяется как нож либо кинжал.

И спускался я к бурам в равнины... – Бурами назывались выходцы из Голландии, населявшие Южную Африку.

Так садись между мною и Чакой... – Король Чака (?—1828), стараниями которого зулусы стали могущественным племенем, воспитывая в солдатах жестокость, заставлял их убивать новорожденных, в том числе и собственных детей.

Готтентотская космогония

Впервые: «Шатер» (Севастополь, 1921).

Космогонией называется учение о происхождении мира.

Родились на свет готтентоты... – Упоминается одно из племен в Южной Африке.

Появились на свет бушмены... – Упоминается древнейшее коренное население Южной и Восточной Африки.

Дагомея

Впервые: журнал «Творчество» (Харьков), 1919, № 5–6 (июнь – июль).

Нигер

При жизни автора напечатано не было.

Это – Бусса, и Гомба, и царь Тимбукту... – Перечисляются города Бусса и Тимбукту, расположенные на территории разных стран, а также местность Гомбе.

Кто зарыл их в угрюмых ущельях Бенины... – Прежде название Бенина носила вся восточная часть Верхней Гвинеи от устья Вольты.

Дальше справа, где роци густые Сокото... – Упоминается государство в центральном Судане.

Мне так сладко напомнит равнины Сонгаи... – Имеется в виду либо территория бывшего средневекового государства Сонгаи, существовавшего в Западной Африке, но уничтоженного в XVII в., либо места, где обитает народ сонгай.

Алжир и Тунис

При жизни автора напечатано не было.

И Атласа громада... – горная страна на Северо-западе Африки. Атлас простирается почти на 2000 км, в том числе через Алжир и Тунис.

Словно Сиерра-Невада... – Неясно, что имеет в виду Н.С. Гумилев, поскольку название Сьерра-Невада носят горный хребет в западном поясе Кордильер и массив в Андалусских горах, кроме того, существует Сьерра-Невада-де-Санта-Марта, изолированный горный массив в Андах.

И молил Сервантес... – Испанский писатель М. де Сервантес Сааведра (1547–1616) восемь лет пробыл в плену у алжирцев.

С крутизны Константины... – Упоминается город на северо-востоке Алжира.

Нож кривой янычара... – Янычарами назывались специально обученные и воспитанные с детства солдаты турецкой армии, по своему происхождению христиане.

И под пулей Жерара... – Упоминается французский охотник на львов Ж. Жерар (1817–1864), автор книг об охоте.

И отходят кабилы... – Упоминается племя, обитающее в Алжире.

Евангелическая церковь

При жизни автора напечатано не было.

Евангелические церкви – это либо лютеранские церкви, либо объединение протестантских церквей, где главную роль играет лютеранство.

Мой час

При жизни автора напечатано не было.

Канцона («Закричал громогласно...»)

Впервые: «Огненный столп» (СПб., 1921).

Естество

При жизни автора напечатано не было.

Не кроют фавнов и наяд. – См. комментарии к стихотворениям «Музы, рыдать перестаньте...» и «В пути».

Которым сфинксы говорили... – Отсылка к мифологическому сказанию, по которому фиванский сфинкс загадывал путникам загадку и убивал того, кто ее не разгадал. Кроме того, в стихах скрыта аллюзия на стихотворение Ф.И. Тютчева «Природа – сфинкс и тем она верней...».

Душа и тело

Впервые: «Огненный столп» (СПб., 1921).

Меня, кто, словно древо Игдразиль... – Именем Игдразил в скандинавской мифологии называется гигантский ясень, символизирующий вселенную.

Слово

Впервые: «Дракон. Альманах Цеха Поэтов» (СПб., 1921).

Лес

Впервые: «Дракон. Альманах Цеха Поэтов» (СПб., 1921).

Шестипалой человеческой руки. – Шестипалость, как и любое отклонение, аномалия, по народным поверьям было знаком, наложенным нечистой силой.

Вышла женщина с кошачьей головой... – Имеется в виду египетская богиня Баст, отождествляемая с Артемидой-Дианой. Она изображалась с кошачьей головой, на голове была луна, вертикально разделенная на две части змеей.

Перед тем как дал причастье ей кюре. – Во Франции, Бельгии и некоторых других странах кюре назывался католический приходской священник.

Персидская миниатюра

Впервые: «Огненный столп» (СПб., 1921).

Игру в cache-cache со смертью хмурой... – То есть, игру в прятки (Н.С. Гумилев использует французское название этой игры).

На киноарных высотах... – Киноварью называется одна из красных красок минерального происхождения.

Не виданные туберозы... – Это многолетнее травянистое растение семейства амариллисовых культивируют в субтропиках.

«С тобой мы связаны одною цепью...»

При жизни автора напечатано не было.

«От всех заклятий Трисмегиста...»

При жизни автора напечатано не было.

От всех заклятий Трисмегиста... – Египетскому философу Гермесу Трисмегисту приписывают сочинения, посвященные разным областям тайных наук.

«Если плохо мужикам...»

При жизни автора напечатано не было.

Заблудившийся трамвай

Впервые: журнал «Дом Искусств», 1921, № 1.

Как я вскочил на его подножку, // Было загадкой для меня... – См. предисловие.

Я же с напудренною косою // Шел представляться Императрице... – В стихотворении угадываются сильно измененные мотивы повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка».

Всадника длань в железной перчатке // И два копыта его коня. – Имеется в виду конная статуя Петра I работы скульптора Э. Фальконе (1716–1791), получившая название «Медный всадник». Статуя, которая находится на Сенатской площади, является символом Петербурга-Петрограда-Ленинграда.

Врезан Исакий в вышине... – См. комментарии к стихотворению «Мужик».

У цыган

Впервые: «Огненный столп» (СПб., 1921).

На ярко-красном его доломане // Сплетались узлы золотых шнуров. – Доломаном называлась короткая куртка из сукна, расшитая шнурами на обшлагах, груди и по спинным швам.

На мокром столе чубуком янтарным... – Чубуком называется длинная курительная трубка.

Счет, Асмодей, нам приготовь! – Асмодеем звался злой и сластолюбивый демон, упоминаемый в еврейской литературе. Здесь это в широком смысле «черт», «дьявол».

Девушка, смеясь, с полосы кремневой // Узким язычком слизывает кровь. – Кремневый нож использовали в ритуальных целях.

Сентиментальное путешествие

При жизни автора напечатано не было.

Название стихотворения отсылает к знаменитой книге английского прозаика Л. Стерна (1713–1768) «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии».

Меж Стамбулом и Скутари... – Упоминаются один из крупнейших турецких городов Стамбул, а также турецкий город Скутари, расположенный на Босфоре против Константинополя, чьим предместьем он считается.

Это Принцезы острова... – Эта группа островов в Мраморном море принадлежит Турции.

Поднялся пред нами Пирей, // Корабельщик старый Афин. – Имеется в виду греческий город, расположенный на северо-восточном берегу Саронического залива Эгейского моря, недалеко от Афин.

Храм Палладе. До этих пор... – Вероятно, имеется в виду древнегреческая богиня Афина Паллада, которая почиталась как богиня войны и победы, а также мудрости, знаний, искусств и ремесел. Эта богиня считалась покровительницей Афин.

Брось в расселину луйдор... – Упоминается французская золотая монета.

И богиня с длинным копьем... – Афина Паллада часто изображалась опирающейся на копье.

Память

Впервые: журнал «Вестник литературы», 1921, № 4–5.

Но святой Георгий тронул дважды // Пулею не тронутую грудь. – См. комментарии к стихотворению «Рай».

Канцона («И совсем не в мире мы, а где-то...»)

Впервые: журнал «Вестник литературы», 1921, № 4–5.

Что не приведет единорога... – См. комментарии к стихотворению «Потомки Каина».

Под уздцы к нам белый серафим. – См. комментарии к стихотворению «Война».

Слоненок

Впервые: «Огненный столп» (СПб., 1921).

Приказчики под хохот мидинеток. – В Париже мидинетками называли молодых работниц, обычно швей.

Нес к трепетному Риму Ганнибала. – Перейдя с войском, в котором были слоны, через Альпы, карфагенский полководец Ганнибал (247–183 до н. э.) успешно воевал против римлян.

Шестое чувство

Впервые: «Огненный столп» (СПб., 1921).

Ольга

Впервые: «Огненный столп» (СПб., 1921).

«Ольга, Ольга!» – вопили древляне... – Великая княгиня киевская Ольга (ок. 890–969) жестоко отомстила древлянам – племенному объединению восточных славян, за убийство мужа князя Игоря.

Варяжская сталь в византийскую медь. – Варягами назывались норманнские воины, служившие у византийского императора.

Сумасшедших сводов Валгаллы, // Славных битв и пиров я жду. – В германской мифологии Вальхалла – место, куда попадают воины, павшие в битве. Это дворец бога Одина, где герои развлекаются, сражаясь между собой, затем их раны затягиваются, и они принимаются пировать.

И валькирией надо мною... – Валькириями в скандинавской и германской мифологии назывались девы-воительницы, по воле отца богов Одина даровавшие смертным победу в битве. Погибшего воина валькирии переносили в Вальхаллу (см. выше), где прислуживали героям во время их пиров.

Пьяный дервиш

Впервые: «Огненный столп» (СПб., 1921).

Дервишем называется мусульманский нищенствующий монах. Следует напомнить, что алкоголь для мусульман – вещь запретная.

Камень черный, камень белый, много выпил я вина... – Мусульмане поклоняются своей главнейшей святыне – черному камню Каабы.

«Нет, ничего не изменилось...»

При жизни автора напечатано не было.

Индюк

При жизни автора напечатано не было.

Дева-птица

Впервые: «Цех Поэтов. Альманах II» (СПб., 1921).

Леопард

Впервые: «Огненный столп» (СПб., 1921).

Запах меда и вервены... – Вербена, растение из семейства вербеновых, имеет особый аромат.

Данакиль припал за камень... – Имеется в виду представитель группы кочевых племен, обитавших на востоке Абиссинии.

Молитва мастеров

Впервые: журнал «Вестник литературы», 1921, № 4–5.

Петр отрекается и предает Иуда. – Отсылка к известному библейскому эпизоду с отречением от Христа апостола Петра и предательством Иуды.

Как карфагенского слона перед войной. – См. комментарии к стихотворению «Слоненок».

«Вот гиацинты под блеском...»

При жизни автора напечатано не было.

Поэма Начала

Впервые: «Дракон. Альманах Цеха Поэтов» (СПб., 1921).

Вот к дверям голубой кумирни... – То есть места, где располагаются статуи (см. комментарии к стихотворению «Вступленье»).

Аметист светился и цвел... – Аметист, разновидность кварца, имеет фиолетовую или голубовато-фиолетовую окраску.

Жрец Лемурии, Морадита... – Лемурией английский зоолог Склэтер назвал гипотетическую сушу, которая, согласно его гипотезе, некогда простиралась от Африки на восток до Суматры и Целебеса и на север до Индии. Немалую роль Лемурия играет в оккультизме.

Запрещенное слово: «ОМ»! – Это слово в индуизме является священным.

Мои читатели

Впервые: «Огненный столп» (СПб., 1921).

Старый бродяга в Аддис-Абебе, // Покоривший многие племена. – Возможно, речь идет о русском офицере и путешественнике Е.В. Сенигове (1872 – не ранее 1921).

Лейтенант, водивший канонерки // Читал мне на память мои стихи. – С военным моряком С.А. Колбасьевым (1899–1937), начинавшим как поэт, впоследствии известным прозаиком, Н.С. Гумилев познакомился в 1921 г. в Севастополе.

Человек, среди толпы народа/Поблагодарить за мои стихи. – Имеется в виду левый эсер Я.Г. Блюмкин (1898–1929), убивший в 1918 году немецкого посла. В стихотворении упомянут реальный эпизод: Я.Г. Блюмкин подошел познакомиться и поблагодарить за стихи, когда Н.С. Гумилев был в Москве.

«На далекой звезде Венере...»

При жизни автора напечатано не было.

Иль, как радостные пилигримы... – См. комментарии к стихотворению «Канцона („В скольких земных океанах я плыл...“).

«После стольких лет...»

При жизни автора напечатано не было.

«Я сам над собой насмеялся...»

При жизни автора напечатано не было.

Как в пеплуме древних богинь... – Особый вид древнегреческой одежды пеплос со временем утратил характерные формы, слово стало употребляться для обозначения одежды героев и богов, под ним больше не подразумевалось что-либо конкретное.

Ты держишь хрустальную сферу... – Имеется в виду «магический кристалл», приспособление из прозрачного материала, например, стекла или хрусталя, применявшееся при гадании.

Краткая хронология жизни и творчества Н.С. Гумилева

1886.3(15) апреля. Н.С. Гумилев родился в Кронштадте. Отец – корабельный врач С.Я. Гумилев.

1887. Семья Гумилевых переезжает в Царское Село.

1900. Семья Гумилевых переезжает в Тифлис, поскольку у старшего брата Н.С. Гумилева обнаружен туберкулез и требуется лечение.

1902. Сентябрь. Первое выступление в печати. Газета «Тифлисский листок» опубликовала стихотворение «Я в лес бежал из городов...».

1903. Осень. Семья Гумилевых возвращается в Царское Село.

Конец года. Н.С. Гумилев знакомится с А.А. Горенко (в будущем – А. Ахматова).

1905. Октябрь. Выходит в свет сборник стихов «Путь конквистадоров».

1906. Окончание гимназии и отъезд в Париж, где Н.С. Гумилев слушает лекции в Сорбонне.

1907. Январь. Начинает издаваться журнал «Сириус» под редакцией Н.С. Гумилева, М.В. Фармаковского и А.И. Божерянова.

Май-июль. Первое путешествие в Африку.

1908. Январь. Выходит в свет сборник стихов «Романтические цветы».

Август. Н.С. Гумилев зачисляется студентом юридического факультета Петербургского университета (в следующем году он переводится на историко-филологический факультет).

Сентябрь-октябрь. Поездка в Египет.

1909. Ноябрь. Дуэль Н.С. Гумилева с М.А. Волошиным.

Декабрь. Отъезд в Абиссинию.

1910. Февраль. Возвращение из Абиссинии. Умирает отец Н.С. Гумилева.

Апрель. Выходит в свет сборник стихов «Жемчуга». Венчание с А.А. Горенко.

Май. Отъезд в свадебное путешествие.

Сентябрь. Н.С. Гумилев отправляется в Абиссинию.

1911. Март. Возвращение в Петербург.

Август. Создан «Цех поэтов», которым руководят Н.С. Гумилев и С.М. Городецкий.

1912. Выходит в свет сборник стихов «Чужое небо».

Апрель-май. Поездка с женой в Италию.

Сентябрь. Родился сын Лев.

1913. Апрель-сентябрь. Путешествие в Африку в качестве руководителя экспедиции от Академии наук.

1914. Август. Н.С. Гумилев, который был освобожден от воинской службы, уходит добровольцем на войну.

1915. Январь. Приказ о награждении Н.С. Гумилева Георгиевским крестом IV степени.

Декабрь. Выходит в свет сборник стихов «Колчан».

Приказ о награждении Н.С. Гумилева Георгиевским крестом III степени.

1916. Май. Из-за ухудшения здоровья Н.С. Гумилев отправлен в Царское Село.

Июнь. Н.С. Гумилев едет в Крым на излечение.

1917. Май. Н.С. Гумилев уезжает из Петрограда, желая попасть в действующую армию.

Май-июль. Через Стокгольм и Лондон Н.С. Гумилев пребывает в Париж.

1918. Январь. Н.С. Гумилев командирован в Англию для направления на Месопотамский фронт. Н.С. Гумилев добивается разрешения выехать в Россию.

Апрель. Возвращение в Петроград.

Лето. Н.С. Гумилев начинает работать в редколлегии в издательстве «Всемирная литература».

Июнь. Выходит в свет сборник стихов «Романтические цветы» (третье издание). Выходит в свет отдельное издание поэмы «Мик».

Июль. Выходит в свет сборник стихов «Костер». Выходит в свет сборник стихов «Фарфоровый павильон»

Август. Развод с А.А. Ахматовой.

Ноябрь. В открывшемся Институте живого слова читает лекции по теории и истории поэзии.

1919. Женитьба на А.Н. Энгельгардт.

Апрель. Родилась дочь Елена.

Июнь. Открывается Студия при издательстве «Всемирная литература», где Н.С. Гумилев руководит отделом поэтического искусства совместно с М.Л. Лозинским.

Ноябрь. Отрывается литературная студия при «Доме искусств», где Н.С. Гумилев читает лекции, а также является членом совета студии.

1921. Февраль. Н.С. Гумилев избран руководителем Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов.

Лето. Поездка в Крым. Выходит в свет сборник стихов «Шатер».

3 августа. Н.С. Гумилев арестован как участник контрреволюционного заговора.

с 24 на 25 августа. Н.С. Гумилев расстрелян под Петроградом (подробности неизвестны).

Примечания

1 Прятки (фр.).